

Opp: 659⁶
(1)

8 vols.

x French Transl

8 vols in 4

480.

XVc, 19-1

<36632004350011

S

<36632004350011

E Bayer. Staatsbibliothek

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

THE NEW YORK

LIBRARY

^с
СОЧИНЕНІЯ

[Nikolaj Michajlovic]

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. 1

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

За 1641547

ВНЕСЕНО

КНИЖКА

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Съ дозволени
Московского Гражданскаго Губернатора.

Содержаніе Перваго Тома.

Стран.

Опышная Соломонова мудросшь , или мысли, выбранныя изъ Эккле- зіасша - - - -	1
Волга - - - -	13
Къ Милости - - - -	18
Кладбище - - - -	21
Къ богинѣ здравія - - - -	23
Къ Прекрасной - - - -	25
Раиса , древняя Баллада - - - -	27
Эпишафіи - - - -	31
Молишва о дождѣ - - - -	33
Веселой часъ - - - -	35
Военная пѣснь - - - -	37
Пѣснь мира - - - -	39
Осень - - - -	43
Пѣснь Божеству - - - -	45
Посланіе къ Дмишріеву - - - -	47
Къ Д* - - - -	54
Къ соловью - - - -	56
Филлидѣ - - - -	58
На разлуку съ П** - - - -	60
Проси - - - -	64
Надгробная надпись Боннешу - - - -	66
Любезной, въ день ея рожденія - - - -	67

Сстранность любви, или безсон-			
ница - - - -			68
Весеннее чувство - -			72
Надежда - - - -			74
На смерть Князя Г. А. Хованска-			
го Декабря 1, 1796 - -			77
Къ бѣдному Поэшу - -			80
Отсставка - - - -			85
Посланіе къ Александру Алексѣе-			
вичу Плещееву - -			88
Отвѣшъ моему пріятелю, кошо-			
рой хотѣлъ, чшобы я написалъ			
похвальную оду Великой ЕКА-			
ТЕРИНЪ - - - -			96
Къ ней - - - -			98
Двѣ пѣсни - - - -			99
Приписаніе къ Гжѣ N, кошорая			
желала, чшобъ я списалъ для			
нее сіи двѣ пѣсни - -			102
Соловей, галки и вороны. <i>Басня</i>			103
Прощаніе - - - -			104
Къ самому себѣ - - -			105
Пѣсня - - - -			108
Время - - - -			110
Къ Мелодору, въ отвѣшъ на его			
пѣснь любви - - - -			111
Хлоя - - - -			112
Лилея - - - -			113
Гекторъ и Андромаха - -			115
Посланіе къ женщинамъ -			124

Графъ Гвариносъ, древняя Ги- шпанская историческая пѣсня	147
Послѣднія слова умирающаго	154
Любовь и дружба	—
Печаль и радость	155
Страсти и безстрастіе	—
Спорщикъ	—
Любовь ко врагамъ	156
Къ невѣрной	157
Къ вѣрной	165
Долина Іосафатова, или долина спокойствія	171
Эпитафія	173
Спихи на день рожденія А. А. П — ой, 14 Октября	—
Тріолешъ Алешъ, въ шопъ день, какъ ей исполнилось 14 лѣтъ	174
Тріолешъ Лизешъ	175
Ошвѣшъ на спихи одной дѣвицы, въ кошорыхъ она клянется Хлобъ, другу своему, любишь ее пла- менно и вѣчно, осшавляя для Купидона шолько маленькой уго- локъ въ сердцѣ	176
Спихи Графинѣ Р*, которой въ одной святошной игрѣ досша- лось бытъ Королевою	177
Двумъ молодымъ дамамъ, кошо- рыя въ маскахъ подошли къ	

Авшору, и хошѣли увѣришь его, что онѣ ихѣ не знаешѣ	-	178
Деліины слова	-	179
Надпись къ дамской табакеркѣ, на которой изображены мраморной сшолпѣ и увядающій цвѣшокѣ	---	
Нескромное эхо	-	180
Надпись къ портрету жестокой	---	
Кѣ лѣсочку Полины	-	---
Дарованія	-	181
Кѣ Алинѣ на смерть ея супруга		202
Кѣ Лилѣ	-	204
Выборѣ жениха	-	207
Разлука	-	209
Клятва и преступленіе	-	210
Хорѣ и куплешы, пѣшые вѣ Мар- тинской рошѣ друзьями почпен- наго Хозяина, вѣ день именинѣ Его	-	211
Куплешы вѣ честь нѣжной Маше- ри, пѣшые Ея милымѣ семей- сшвомѣ, вѣ уединенномѣ и прі- ятномѣ мѣстѣ, которое назы- вается Ея именемѣ: Дарьинымѣ		214
Надписи на спашую Купидона	-	216
Два сравненія	-	219
Дурной вкусѣ	-	220
Вопросы и ошвѣшы	-	---

Характеръ Нисы	-	-	—
Эпиграмма	-	-	221
Истина	-	-	—
Мысляшъ и не мысляшъ	-	-	222
Надгробіе Шарлашана	-	-	—
Перемѣна цвѣта	-	-	—
Исправленіе	-	-	223
Непостоянство	-	-	226
Покой и слава	-	-	227
Желаніе	-	-	229
Тацшъ	-	-	—
Къ Шекспирову подражашелю	-	-	230
Куплеты изъ одной сельской Ко- медіи, игранный благородными Любителями Театра	-	-	231
Прошей, или несогласія Спихо- творца	-	-	236
Его Императорскому Величеству, АЛЕКСАНДРУ I, Самодержцу Всероссійскому, на восшествіе Его на престолъ	-	-	260
На торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества, АЛЕКСАНДРА I, Самодержца Всероссійскаго	-	-	266
Меланхолія, подражаніе Делилю	-	-	274
Гимнъ глупцамъ	-	-	277
Филины и соловей, или просвѣ- щеніе. Басня	-	-	282

Х

Стран.

Спихи на слова, заданныя мнѣ

Хлоею: мигѣ, картина и дверь	284
Кѣ Эмили	289
Берегѣ	295
Кѣ Добродѣтели	296

Спихи на скоропоспижную смерть

Петра Аѳанасьевича Пельскаго 302

Опечатки въ Первомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

34	—	18	своихъ	своихъ?
158	—	13	Тасовы	Тассовы
171	—	13	зверей	звѣрей
208	—	15	бышь.	бышь.
233	—	14	разлюбляшь	разлюбляшь.
262	—	15	незабвенный	незабвенный
266	—	5	вѣнецъ	вѣнецъ.
274	—	4	угнѣшен- ныхъ	угнешен- ныхъ
283	—	8	просвѣ- щенье	просвѣ- щенье.
296	—	10	угнѣшен- нымъ	угнешен- нымъ

Опечатки во Второмъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

20	—	10	четыре ло-	четырёхъ
			шади	лошадей
54	—	2	однѣ	одни
93	—	3	судь бы	судьбы
234	—	13	чистѣйшія	чистѣйшія
281	—	1	воспылаха	воспылала

С Т И Х И.

Ч А С Т Ь І.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ I.

СТИХИ.

Опышная Соломонова мудросшь,
или мысли, выбранныя изъ Эк-
клезіаста.

Во цвѣтѣ пылкихъ, юныхъ лѣтѣ
Я нѣжной спрасшью услаждался;
Но ахъ! увялѣ прелесный цвѣтѣ,
Которымъ взоръ мой восхищался!
Осталась въ сердцѣ пустоша,
И я сказалъ: „любовь мечша!“

I.

1

Любилъ я пышность вѣлѣтахъ зрѣ-
 лыхъ,
 Богатствомъ, роскошью блисталъ;
 Но вмѣсто счастья, дней веселыхъ,
 Забоши, скуку обрѣшалъ;
 Просился въ старости съ мечшою,
 И назвалъ пышность суешою.

Искалъ я къ истинѣ пути,
 Хотѣлъ узнатьъ всему причину:
 Но намъ ли тайнствъ ключъ найти,
 Измѣришь мудрости пучину?
 Всѣ наши знанія мечта,
 Вся наша мудрость суеша!

Къ чему намъ служишь власть, когда,
 ее имѣя,
 Не власны мы себя щасливыми шво-
 ришь;
 И сердца своего покоишь не умѣя,
 Возможемъ ли другимъ спокойствіе
 даришь?

Въ чершоггахъ кедровыхъ, среди садовъ
 прекрасныхъ,
 Въ обѣщаніяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью
 страшныхъ,
 Томился и скучалъ я жизнью своею;
 Нѣтъ счастья для души, когда оно не
 въ ней.

Уныніе мое казалось непонятно
Наперсникамъ, рабамъ: я вкусъ свой
пришупилъ,
Излишней нѣгою всѣ чувства изну-
рилъ —
Не нужное для насъ бываетъ ли прі-
ятно?

Сшарался я узнать людей;
Узналъ — и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
Сердца ихъ злобны — и несчастны;
Они враги врагамъ своимъ,
Враги друзьямъ, себѣ самимъ.

Тамъ бѣдный проливаетъ слёзы,
Въ судѣ невинный осужденъ,
Глупецъ уваженъ и почтенъ;
Злодѣй находить въ жизни розы,
Для добрыхъ терніе растётъ;
Темницей кажется имъ свѣтъ.

Смотри: невѣрная смѣется —
 Любовникъ горестью сраженъ —
 Она другому ошдается,
 Который ею восхищенъ;
 Но скоро кляшву онъ забудетъ,
 И скоро... самъ обманутъ будетъ.

Ехидны зависти вездѣ, вездѣ шипятъ;
Достоинство, шаланшѣ и трудѣ безъ
награжденья.

Творишь ли добро, вамъ люди зло шво-
рятъ.

Отъ каменныхъ сердецъ не ждите со-
жалѣнья.

Злословіе свой ядъ на имя мудрыхъ
льетъ;

Не судишь ни объ комъ разсудокъ
безприспращный:

Лишь страсти говорятъ. — Кто въ
роскоши живетъ,

Не знаетъ и того, что въ свѣтѣ
есть несчастный.

Но онъ несчастливъ самъ, не зная,
отъ чего;

Желаетъ получить, имѣетъ и ску-
чаетъ;

Желаетъ новаго — и только что же-
лаетъ.

Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ
врагъ его.

По грозной влгѣ Океана

Мы всѣ плывемъ на кораблѣ

Во мракѣ бури и шумана;

Плывемъ, спѣшимъ приспашъ къ зем-
лѣ —

Но вѣтрѣ ярился съ новой силой,
И море . . . служишь намъ могилой.

Умы людей ослѣплены.

Что предковъ нашихъ обольщало,

Тѣмъ самымъ мы обольщены;

Ученье ихъ для насъ пропало:

И наше также пропадетъ —

Потомковъ та же участь ждетъ.

Ничто не ново подъ луною:

Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.

И прежде кровь лилась рѣкою,

И прежде плакалъ человекъ,

И прежде былъ онъ жертвой рока,

Надежды, слабости, порока.

И Царь и рабъ его, безумецъ и мудрецъ,

Невинная душа, преступникъ, извергъ

злости;

Изчезнутъ всѣ какъ пѣнь — и всѣмъ

одинъ конецъ:

На всѣхъ грозитъ смерть, для всѣхъ

отверсты гробы.

Для шигра, агницы сей лугъ равно

цвѣшетъ,

Равно питаетъ ихъ. Несчастныхъ при-

тѣснитъ

Покоишся въ землѣ какъ бѣдныхъ
 утѣшителъ;
 На хладномъ гробѣ ихъ единый мохъ
 распешъ.

Гордися славою, великими дѣлами,
 И памяшники спрой: что пользы? ты
 забышъ,
 Какъ скоро нѣшъ тебя, народомъ и
 друзьями;
 Могилы швоея никто не посѣшишъ.

Какъ жизнь для смертнаго мяшежна!
 И мы еще желаемъ жить!
 Какъ власть и слава ненадежна!
 И мы хошимъ мечшамъ служишъ,
 Любишъ, чего любишъ не должно —
 Искашъ, чего найши не можно!

Нещасный, слабый человекъ!
 Ты жизнь проводишъ въ огорченъи,
 И кончишъ дни свои въ мученъи.
 Ахъ! лучше не родишся въѣкъ,
 Чѣмъ въ жизни каждый мигъ шерзашся
 И смерти каждый мигъ бояшся!

Ничтожество! ты благо намъ;
 Ты лучше капли наслажденій
 И моря страшныхъ огорченій;
 Ты другъ чувствительнымъ сердцамъ,

Всегда надеждой обольщеннымъ,
Всегда поскою изнуреннымъ!

Что насъ за гробомъ ждешъ, не знаешъ
и мудрецъ.
Могила, плѣніе всему ли есть конецъ?
Угаснешъ ли душа съ разрушеннымъ
покровомъ,
На небо ль воспаривъ, жить будешъ
въ шѣлѣ новомъ?

Сей тайны изъ людей никто не раз-
рѣшилъ.
И червя произвелъ Творецъ непоси-
жимый;
Живошныя и мы Его рукой хранимы;
Имъ такъ же, какъ и намъ, Онъ чув-
ство сообщилъ.

Подобно намъ они родятся, умираютъ:
Гдѣ будешъ ихъ душа? гдѣ будешъ и
швоя,
О бранный человекъ? Въ нихъ чув-
ства исчезающъ,
Изчезнушъ и во мнѣ: увь! что жь буду я?

Но кто изъ смертныхъ разсуждаешъ?
Скупецъ богатства собираешъ,
Какъ будто вѣкъ ему здѣсь жить;
Пловцы сражаются съ волнами —

За чѣмъ? чтобъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельсшишь.

Предъ мощнымъ слабость шрепешала :
Онъ громъ держалъ въ своихъ рукахъ ;
Чело скрывая въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ — земля пылала —
Но меркнешъ свѣтъ въ его очахъ,
И богъ земный... падешъ во прахъ.

Какъ розы юныя прелесны!
И какъ прелесна красота!
Но что же есть она? мечта.
Темнѣешъ цвѣтъ ея небесный :
Минуша — и прекрасной нѣтъ!
Вздохнувъ, любовникъ прочь идешъ.

Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро
гласъ пріятный
Умолкнешъ навсегда для слуха моего ;
Свирѣли, звуки арфъ ему не будутъ
вняшны ;
Заспынешъ въ жилахъ кровь отъ хлада
своего.

Исчезнутъ для меня всѣ прелести
земныя ;
Ливанское вино престанешъ вкусу
льсшишь ;

Преклонится отъ лѣтъ слабѣющая выя,
И помною ногой я долженъ въ гробъ
сступишь.

Подруги нѣжныя, коихъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! просшите
навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлу-
чили;
Весна не разцвѣстетъ для старца ни-
когда.

А ты, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвань,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣй въ забавахъ провождать;
Забава есть швоя спихія;
Улыбка красишь дни младыя.

За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же тихая луна
Явится на небѣ съ звѣздами,
Спѣши къ возлюбленной своей, —
Забудь... на время мудрость съ ней.

Люби!... но будь во всемъ умѣренъ;
Полъ нѣжный часто намъ не вѣренъ;
Любя, умѣй и разлюбить.
Привычки, склонности и спраспи

У мудрыхъ должны быть во власти :
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

Намъ все употреблять для щастія воз-
можно :

Во зло употреблять не должно ничего;
Спокойно разбирай, что истинно, что
ложно :

Спокойствіе души зависить отъ сего.

Самъ Богъ тебѣ велишь пріятнымъ
наслаждайся,

Но помнишь своего великаго Творца:

Онъ нѣжный вамъ отецъ, о нѣжныя
сердца!

Какъ сладостно Ему во всемъ пови-
новаться!

Какъ сладостно предъ Нимъ и пла-
кать и вздыхать!

Онъ любитъ въ горести несчастныхъ
утѣшать,

И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы осу-
шаетъ;

Прохладнымъ вѣтеркомъ ихъ сердце
освѣжаетъ.

Не будь ни въ чемъ излишно строгъ;
Щади безумцевъ горделивыхъ,

Щади невѣждѣ самолюбивыхѣ;
 Безѣ гнѣва обличай пороки;
 Добро всегда собой прекрасно,
 А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другимѣ,
 Ты будешь слабыми любимѣ:
 Любовь же есть свяшой учишель.
 И кто не падалѣ никогда?
 Мудрецѣ, народовѣ просвѣщитель,
 Бывалѣ ли мудрѣ и швердѣ всегда?

Вѣ какихѣ странахѣ благословенныхѣ
 Сіаетѣ вѣчно солнца лучѣ,
 И гдѣ не видимѣ бурныхѣ шучѣ,
 Огнями молній воспаленныхѣ?
 Ахѣ! самый лучшій изѣ людей
 Бывалѣ игралищемѣ спрасшей.

Не только для благихѣ, будь добрѣ и
 для коварныхѣ,
 Подобно какѣ Творецѣ на всѣхѣ дары
 лѣетѣ.

Прекрасно другомѣ бытъ сердецѣ не-
 благодарныхѣ!
 Награды никогда великій мужѣ не
 ждетѣ.

Награда для него есть совѣсть, духѣ
 покойный.

(Безуміе и злость всегда враги Уму:

Внима́нія его ихъ стрѣлы не достойны;
Онъ ими не язвимъ: премудрость
щипъ ему.)

Сіяюшъ передъ нимъ безсмертія свѣ-
щилы;
Божественный огонь блеспишъ въ
его очахъ.
Ему не страшень видъ отверспыя
могилы:
Онъ шѣломъ на землѣ, но сердцемъ
въ небесахъ.

В о л г а.

Рѣка священнѣйшая въ мірѣ,
Кристалльныхъ водъ царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебя, о Волга! величать,
Богиней Пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струнъ моихъ,
Подъ шумомъ гордыхъ волнъ твоихъ—
Ихъ тонкой пѣной орошаясь,
Прохладой въ сердцѣ освѣжаясь—
Хвалишь красу твоихъ береговъ,
Гдѣ грады, веси процвѣтають,
Поля волнистыя сіяють
Подъ тѣнію густыхъ лѣсовъ,
Въ кошорыхъ древле раздавался
Единый спрашный ревъ звѣрей,
И эхомъ вѣкъ не повторялся
Любезный слуху гласъ людей—
Береговъ, гдѣ прежде обитали
Орды златыя племена;
Гдѣ стрѣлы въ воздухъ свистали,
И гдѣ невѣрныхъ знамена
Не рѣдко кровью обагрялись
Святыхъ, но слабыхъ Христіянъ;

Гдѣ враны трупамъ питались
 Несчастныхъ древнихъ Россіянъ;
 Но гдѣ теперь одной державы
 Народы въ тишинѣ живутъ,
 И всѣ одну Богиню чшутъ,
 Богиню щастія и славы (*) —
 Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
 Небеснымъ свѣтомъ озарился,
 И чувствомъ жизни наслаждался;
 Гдѣ пшечкѣ нѣжныхъ громкій хоръ
 Воспѣлъ рожденіе младенца;
 Гдѣ я Природу полюбилъ, —
 Ей первенцы души и сердца,
 Слезу улыбку, посвятилъ,
 И росъ въ веселіи невинномъ,
 Какъ юный миръ въ лѣсу пусты-
 номъ?

Дерзну ли пѣшь, о мать - рѣка!
 Какъ ты, красуясь въ теченьѣ
 По злашу чистаго песка,
 Несешь земли благословенье (**)
 На серебряномъ хребтѣ своемъ,
 Вездѣ щедроты разливаешь,
 Вездѣ страны обогащаешь
 Въ блистательномъ пуги твоемъ;
 Какъ быстро плаваешь безспрашной

(*) Писано въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ.

(**) То есть, суда съ хлѣбомъ и съ другими
 плодами земли.

Лепишѣ на парусныхѣ крылахѣ
 Среди пучинѣ спихіи влажной,
 Вѣ швоихѣ лазоревыхѣ зыбяхѣ,
 Хваля свой жребій, милость Неба,
 Хваля благопріятный вѣтрѣ;
 И какѣ, прельщенный свѣшомѣ Феба,
 Со дна подѣмлется осепрѣ,
 Играешѣ на верьху сѣ волнами,
 Сѣ швоими пѣнными буграми,
 И плесомѣ разсѣкаешѣ ихѣ? —
 Когда жѣ подѣ шучами со гнѣвомѣ,
 Сѣ ужаснымѣ шумомѣ, грознымѣ ре-
 вомѣ,

Начнешѣ кипѣшѣ вѣ брегахѣ своихѣ—
 Какѣ вихри воздухѣ раздирающѣ,
 Какѣ громы сѣ прескомѣ ударяющѣ,
 И молніи шипяшѣ вѣ волнахѣ —
 Когда пловцы, спасшись не чая,
 И кѣ небу руки просширая,
 Хладѣ смерти чувсшвующѣ вѣ сер-
 дцахѣ: —

Какая кистѣ дерзнетѣ предсшавишѣ
 Великость зрѣлища сего?
 Какая пѣснь возможешѣ славишѣ
 Ужасность гнѣва швоего? ...
 Едва и самѣ я вѣ лѣшахѣ нѣжныхѣ,
 Во цвѣшѣ радостной весны,
 Не кончилѣ дней вѣ водахѣ мяшежныхѣ
 Твоей, о Волга! глубины.

Уже безъ вѣтрилъ, безъ кормила,
 По безднамъ буря насъ носила;
 Гребецъ отъ страха цѣпенѣлъ;
 Уже зіяла хлябь подъ нами
 Своими пѣнными ушами;
 Надежды лучъ въ душахъ блѣднѣлъ;
 Уже я съ жизнію прощался,
 Съ ея прекрасною зарей;
 Въ поскѣ слезами обливался,
 И ждалъ гибели своей...
 Но вдругъ Творецъ изрекъ *спасенье* —
 Утихло бурное волненье,
 И брегъ съ улыбкой намъ предсталъ.
 Какой восшоргъ! какая радость!
 Я землю спраспно лобызалъ,
 И чувствовалъ всю жизни сладость. —
 Сколь ты въ величїи своемъ,
 О Волга! яросшна, ужасна,
 Сшоль въ благосши мила, прекрасна:
 Ты образъ Божій въ мірѣ семъ!

Теки, Россію украшая;
 Шуми, священная рѣка,
 Свою великосшь прославляя, —
 Доколѣ времени рука
 Не истощитъ швоей пучины...
 Увы! сей горесшной судьбины
 И ты не можешь избѣжать:
 И ты должна свой вѣкъ скончать!

Но прежде многіе народы
 Исплбюшѣ, превращаясь въ прахѣ,
 И блескѣ цвѣщущія Природы
 Померкнетѣ на твоихѣ берегахѣ (*).

(*) Мысль, что Природа старѣется, есть не
 только пѣищическая мысль; самые Фило-
 софы и Натуралисты не опровергаютъ ее.
 I. 2

Къ Милости (*).

Что можетъ быть Тебя свяще,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ міръ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирашь на прелести Твои?

Какая ночь не озарится
Ошъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мяжежъ не укрошится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣютъ;
Гдѣ спужишь, тамъ цвѣшны алѣютъ,
И съ неба льется благодать.

Любовь твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Машерью зоветъ;
Любовь Тебя на шронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.

(*) Писано въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ.

Блаженъ, блаженъ народъ живущій
 Въ пространной области Твоей!
 Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
 Въ жару, въ огнѣ души своей! —
 Доколѣ Милосшію будешь,
 Доколѣ права не забудешь,
 Съ кошорымъ человекъ рожденъ;

Доколѣ гражданинъ довольный
 Безъ страха можешъ засыпашъ,
 И дѣши-подданные вольны
 По мыслямъ жизнь располагаешъ,
 Вездѣ Природой наслаждаешъ,
 Вездѣ наукой украшаешъ,
 И славить прелести Твои;

Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
 Пребудешъ въ мракѣ удалена
 Отъ свѣшлогошатаго прона;
 Доколѣ правда не спрашна,
 И чистый сердцемъ не боишся
 Въ своихъ желаніяхъ отккрышся
 Тебѣ, Владычицѣ души;

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
 И свѣша не шемнишъ въ умахъ;
 Пока довѣренность къ народу
 Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
 Дошолѣ будешь свято чшима,
 Отъ подданныхъ богошворима
 И славима изъ рода въ родъ.

Спокойствія Твоей державы
Ничто не можешь возмутишь;
Для чадъ Твоихъ нѣшь большей
славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранишь.
Тамъ шронъ вовѣкъ не пошрясешся,
Гдѣ онъ любовію брежешся,
И гдѣ на шронѣ — Ты сидишь.

К л а д б и щ е.

Одинъ голосъ.

Спрашно въ могилѣ, хладной и шем-
ной! —

Вѣтры шамѣ воюшѣ, гробы шрясушся,
Бѣлыя кости спучашѣ.

Другой голосъ.

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.

Вѣтры шамѣ вѣюшѣ, спящимѣ про-
хладно,

Травки, цвѣточки распушѣ.

Первой.

Червь кровоглавый почишѣ умершихѣ,

Вѣ черепахѣ желшыхѣ жабы гнѣздяшся,

Зміи вѣ кропивѣ шипяшѣ.

Второй.

Крѣпокѣ сонѣ мершвыхѣ, сладосшенѣ,
крошокѣ;

Вѣ гробѣ нѣшѣ бури; нѣжныя пшички

Пѣснь на могилѣ поюшѣ.

Первой.

Тамъ обитаютьъ черные враны,
 Алчныя пшицы; хищные звѣри
 Съ ревомъ копаютьъ въ землѣ.

Второй.

Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
 Съ милой подружкой шамъ отдыхаешъ;
 Голубъ на вѣшочкѣ спитъ.

Первой.

Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
 Плаваютьъ шамо въ воздухѣ душномъ;
 Древо безъ лисъевъ спойтъ.

Второй.

Тамо спруишся въ воздухѣ свѣшломъ
 Паръ благовонный синихъ фіялокъ,
 Бѣлыхъ яминовъ, лилей.

Первой.

Странникъ боится мершвой юдоли;
 Ужасъ и препенъ чувствуя въ сердцѣ,
 Мимо кладбища спѣшитъ.

Второй.

Странникъ усшлый видитъ обителъ
 Вѣчнаго мира—посохъ бросаю,
 Тамъ остаешся навѣкъ.

Къ богинѣ здравіа.

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси злшый сосудъ
Съ цѣлебнымъ пишіемъ!

Усша мои завяли,
Въ глазахъ весь огонь погасъ,
И сердце томно бьется;
Едва дышатьъ могу —
Едва, едва живу.

И червя оживляетъ
Прохладный вѣшперокъ;
И травку освѣжаетъ
Небесная роса:
Всегда ли мнѣ спрадашь?

Хоша едину каплю,
Посланница боговъ,
Хоша едину каплю
Пролей въ мои усша —
И буду исцѣленъ!

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ пишемъ!

Къ Прекрасной.

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Крошкая ночи пѣвица,
Сидя на миршовой вѣшви?

Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ
спремишся
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Ушромъ кропимая, нѣжно алѣетъ,
Скромно съ Зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ пишая?

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣ-
щаетъ
Горъ неприступныхъ хребетъ разно-
цвѣтный (*),

(*) Когда въ хорошій вечеръ, передъ захожде-
ніемъ солнца, изъ нѣкотораго отдаленія
смотришь на высокія, снѣгомъ покрытыя
горы, то верьхи ихъ кажутся разноцвѣт-
ными.

Гдѣ обитали издревле
Вышшія Силы и боги?

Гласъ твой божественный часто вни-
маю;

Часто сквозь облако образъ твой ви-
жу —

Руки къ нему проспираю —
Облако, воздухъ объемлю!

Р а и с а,

Древняя Баллада.

Во тьмѣ ночной ярилась буря;
Сверкалъ на небѣ грозный лучъ;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

Нигдѣ не видно было жизни;
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ.
Раиса, блѣдная Раиса,
Скишалась въ шемношѣ одна.

Нося отчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствовала грозы,
И бури страшный вой не можетъ
Ея сненаній заглушить.

Она блѣдна какъ листъ увядшій,
Какъ мертвый цвѣтъъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея открытой блѣлой груди,
Язвимою вѣшьями деревъ,

Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранишныя горы:
Между спремнинъ, по камнямъ ос-
шрымъ
Раиса всходишь на него.

(Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю попопишь.)

Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой спонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
„Увы! увy! погибла я!

„Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

„Кронидъ! поди ко мнѣ! Забуду,
Забуду все, прощу тебя! —
Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной!...
Почто тебя узнала я?

„Опецѣ и маѣ меня любили,
И я любила нѣжно ихѣ;
Вѣ невинныхѣ радостяхѣ, вѣ забавахѣ
Часы и дни мои текли.

„Когдажѣ явился ты какѣ Ангелѣ,
И сѣ нѣжнымѣ вздохомѣ мнѣ сказалѣ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я отца и маѣ.

„Вѣ восторгѣ, сѣ шрепешомѣ сердеч-
(нымѣ
И сѣ пламенной слезой любви
Вѣ твои обѣяшїя упала,
И сердце ошдала тебѣ.

„Душа моя вѣ твою вселилась;
Вѣ тебѣ жила, дышала я;
Вѣ твоихѣ глазахѣ свѣшѣ солнца зрѣла;
Ты былѣ мнѣ образѣ Божества.

„Почто я жизни не лишилась
Вѣ обѣяшїяхѣ твоей любви?
Не зрѣла бѣ я твоей измѣны,
И щасшливѣ былѣ бы мой конецѣ.

„Но рокѣ судилѣ, чшобѣ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелѣ;
Чшобѣ ты меня навѣкѣ оставилѣ,
Когда сномѣ крѣпкимѣ я спала,

„Когда мечшала о Кронидѣ,
И мнила обнимашь его!
Увы! я воздухъ обнимала....
Уже далеко былъ Кронидъ!

„Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.

„На холмѣ высокой я спѣшила....
Нещасная!... Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людь-
милой!

Безъ чувствъ тогда упала я.

„Съ сея ужасныя минушы
Крушусь, поскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронида —
Но ты не хочешь мнѣ внимашь.

„Теперь злощасная Раиса
Звала тебя въ послѣдній разъ...
Душа моя покоя жаждешъ...
Проси!... Будь щасливъ безъ меня!“

Сказавъ сіи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

Э п и т а ф і и.

Одна нѣжная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулѣтней дочери ея. Я предложилъ ей на выборъ слѣдующія пять эпитафій; она выбрала послѣднюю, и приказала вырѣзать ее на гробѣ.

1.

Небесная душа на небо возвратилась,
Къ Источнику всего, въ объятія Отца;
Порокомъ здѣсь она еще не омрачилась;
Невинностью своей плѣняла всѣ сердца.

2.

И на землѣ она какъ Ангелъ улыбалась:
Что жъ шамъ, на небесахъ?

3.

Въ объятіяхъ земли покойся милый прахъ!
Небесная душа ликуй на небесахъ!

4.

Едва блеснула въ ней небесная душа,
И къ Солнцу всѣхъ міровъ поспѣшно
возвратилась.

5.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго
утра!

Молишва о дождѣ.

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросишь лице земли!

Все помишся, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣшокъ —
Нѣжный ландышъ, василёкъ
Пылью сѣрою покрыты —
Не пишаетъ ихъ роса...
Дѣши машерью забыты!

Солнце жжетъ, палишъ лѣса.
Пшички въ рощахъ замолчали;
Ищущъ только холодка.
Ручейки журчатъ пресшали;
Испощилася рѣка.
Агнецъ пищи не находишъ:
Черенъ холмъ и черенъ долъ.
Конь въ степи печально бродишъ;
Тошъ и слабъ ревушій волъ.

Ахъ! такой ли ждалъ награды
Земледѣлецъ за труды?

Гибнушѣ всѣ его плоды!...
 Вѣ горькой части безѣ оспрады,
 Онѣ шерзается шоской;
 За себя, за чадѣ спрадаешѣ,
 И блеспящею слезой
 Хлѣбѣ изсохшій орошаешѣ.
 Дѣши плачушѣ вмѣстѣ съ нимѣ;
 Игры всѣ не милы имѣ!

Машѣ любезная, Природа!
 Опѣ лазореваго свода
 Дождѣ шумящій ниспошли
 Оросишѣ лице земли!

Ахѣ! доселѣ ты внимала
 Крику слабаго пшенца,
 И вѣ печаляхѣ ушѣшала
 Наши томныя сердца:
 Не ужель шеперь забудешѣ
 Вѣ нуждѣ, вѣ скорби чадѣ своихѣ?
 Не ужель шеперь не будешѣ
 Нѣжной машерью для нихѣ? —
 Нѣшѣ, шобою оживяшѣся
 Наши мершвыя поля;
 Вновь украсишѣся земля—
 Пѣсни вѣ роци возврашѣся—
 Благодарный ѣиміамѣ
 Воскуришѣся къ небесамѣ!

Веселой часъ.

Братья, рюмки наливайше!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайше!
Осушайше въ рюмкахъ дно!

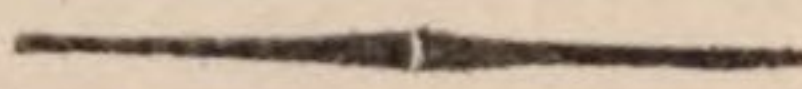
Мы живемъ въ печальномъ мірѣ;
Всякой горе испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ свяшой Мудрецъ:
Спарецъ въ немъ находить младость,
Бѣдный гореснямъ конецъ.

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотришь Сенсябремъ:
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

Да свѣтлѣетъ сердце наше,
Да сіяетъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!

Военная пѣснь.

Въ чьихъ жилахъ льется кровь Ге-
роевъ;
Кто сердцемъ мужъ, кто духомъ Россѣ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праз-
дность,
Забавы, радость слабыхъ душъ!

Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ—
Туда, гдѣ громъ войны гремитъ—
Гдѣ воздухъ стонетъ, солнце мерк-
нетъ,
Земля дымитъ и дрожитъ;

Гдѣ жизнь блѣднѣетъ и шепчетъ;
Гдѣ злобы, кляшвы, ада дщерь, —
Гдѣ смерть съ улыбкой пожираетъ
Тьмы жершвъ, и кровь ихъ жадно
пьетъ:

Туда спѣши, о сынъ Россіи!
Разишь безчисленныхъ враговъ!
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, спремись по ихъ рядамъ!

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчися:
Умри, умри Россіи врагъ!

Губи! — Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбросью швоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, брашій поразилъ!

П ѣ с н ь м и р а.

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою лешишъ,
И вѣнецъ свѣшлѣ Феба
На главѣ его блеспишъ.
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ снранъ ээира
Въ тѣмъ низносишъ свѣшлый рай.

Х о р ъ.

Бури, громы умолкаютъ;
Тучи черны исчезають;
Исчезаетъ, какъ призракъ,
Ужасъ блѣдный, дымъ и мракъ.
Все въ Природѣ оживаетъ;
Свѣтъ проникъ въ густую тѣнь:
Пышно роза расцвѣтаетъ,
Какъ весною въ красный день;
Лугъ пушится, зеленѣетъ,
Класъ сребрился вдалекъ,
Плодъ златый на древѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣетъ въ вѣтеркѣ.

Х о р ъ.

Милліоны веселишесь,
Милліоны обнимашесь,

Какъ обѣмлетъ брата братъ!
Лобызайтесъ всѣ спокрашъ!

Пшички снова прилешають
Въ наши роши и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ шигра не боится,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все швореніе дружитъ,
На землѣ и на водахъ.

Х о р ъ.

Милліоны да ликуютъ!
Милліоны торжествуютъ!
Вѣкъ Аспреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!
Въ рощахъ слышны звуки лиры;
На берегахъ кристальныхъ водъ
Нимфы, Фауны, Сапиры
Составляютъ хороводъ.
И Силенъ неушомимой
Громкимъ голосомъ поетъ;
Пляшетъ съ Нимфою любимой,
И къ веселью всѣхъ зоветъ.

Х о р ъ.

Пойте, пойте духа радость! . . .
Лейте, лейте въ сердце сладость! . . .
Вѣкъ Аспреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Музы, Граціи сплетая
 Цѣпь изъ лавровъ и лилей,
 Ею крылья обвивая
 Бога пихихъ, райскихъ дней,
 Нѣжно всѣ его ласкаютъ
 Съ видомъ щасливой любви,
 И въ восторгъ восклицають:
 „Вѣчно съ нами, Миръ, живи!“

Х о р ъ.

Вѣчно съ нами, Миръ прелестной,
 Вѣчно съ нами, сынъ небесной,
 Вѣчно съ нами обитай,
 И блаженствомъ насъ питай!

Полно намъ губить другъ друга,
 Сирымъ слезы проливать!
 И печальная супруга
 Да пресшанетъ горевать!
 Долго смертные не знали,
 Что блаженство есть любовь;
 Щастья въ хищности искали,
 И лилась рѣками кровь.

Х о р ъ.

Смертный нынѣ просвѣтился,
 И ко дружбѣ обратился.
 Вѣкъ Аспреинъ оживи!
 Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Цѣпь сославъше, милліоны
 Дѣши одного отца!

Вамъ даны одни законы,
 Вамъ даны одни сердца!
 Брашки, нѣжно обнимитесь,
 И клянитесь — любите!
 Чувствомъ, мыслию клянитесь:
 Вѣчно, вѣчно въ мирѣ живите!

Х о р ъ.

Мы клянемся всѣ сердечно,
 Въ мирѣ съ братьями живите вѣчно!
 Ошче! слышите клятву чадъ!
 Мы твердимъ ее спокрашъ.

О с е н ь.

Вѣютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубравѣ;
Съ шумомъ на землю валяшся
Желтые листья.

Поле и садъ опустѣли;
Сѣшуютъ холмы;
Пѣніе въ рощахъ умолкло —
Скрылися пшички.

Поздніе гуси станицей
Къ югу спремяшся,
Плавнымъ полешомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

Вьются сѣдые шуманы
Въ тихой долині;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.

Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смогришъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

Спранникъ печальный утѣшся!

Вянетъ Природа

Только на малое время;

Все оживишся,

Все обновишся весною;

Съ гордой улыбкой

Снова Природа возстанетъ

Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ! вянетъ навѣки!

Сшарецъ весною

Чувствуетъ хладную зиму

Вешхія жизни.

~~~~~

Пѣснь Божеству (*).

Господь Природы, — Безконечный,
Міровъ безчисленныхъ Творецъ,
Источникъ бышя всевѣчный,
Отецъ чувшвишельныхъ сердецъ:

Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видишь славу, блескъ небесъ,
Улыбкой радость изъясляетъ
И въ скорби льетъ попоки слезъ!

Отъ вѣка Самъ въ Себѣ живущій,
Держащій все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ не зримый, всюду сущій, —
Въ странахъ эфирныхъ и земныхъ!

Блаженство, свѣтъ, душа вселенной,
Свяшый, премудрый, дивный Богъ!
Кшо — сердцемъ, чувствомъ одарен-
ной —
Тебя назвать мечшою могъ?

(*) Сочиненная на шотъ случай, какъ безу-
мецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ
Конвентѣ: *нѣтъ Бога!*

Тебя?.. И страшнымъ громомъ неба
 Сей извергъ въ прахъ не обращенъ?
 Огнемъ пылающаго Феба
 Сей злобный смершный не сожженъ?

Но Ты великъ! но Ты не знаешь,
 Какъ мспишь, — наказывать враговъ;
 Они ничто — Ты ихъ прощаешь;
 Ты зришь въ врагахъ — Своихъ сыновъ,

И льешь на нихъ дары благіе;
 Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь. —
 Исчезнетъ тьма въ умахъ, и злые
 Твою почувствуютъ любовь.

Любовь!... и съ крошкимъ удивлень-
 емъ, —
 Въ минушу славы, торжества, —
 Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
 Падутъ предъ трономъ Божества;

Обнимутъ руку всеблагую,
 Ошцемъ проспершую къ сынамъ;
 Восхвалятъ милость пресвяшую —
 Рекутъ: *есть Богъ: міръ Божій храмъ!*

Посланіе кѣ Дмипріеву.

*Въ отвѣтъ на его стихи, въ которыхъ
онъ жалуется на скоротечность ща-
стливой молодости.*

Конечно такъ—ты правъ, мой другъ!
Цвѣшъ счастья скоро увядаешъ,
И юность наша есть тошъ лугъ,
Гдѣ сей красавецъ расцвѣшаетъ.
Тогда въ эфиръ мы живемъ,
И нектаръ сладостный пьемъ
Изъ полной Олимпійской чаши.
Но жизни алая весна
Есть мигъ — увы! пройдетъ она,
И съ нею мысли, чувства наши
Лишатся свѣжести своей.
Что прежде душу веселило,
Къ себѣ съ улыбкою манило,
Не мило, скучно будетъ ей.
Надежды и мечты злая
Какъ пшички быстро улешатъ,
И тѣни хладныя, густыя
Надъ нами солнце заземнятъ —
Тогда, подобно Иксиону,
Не милую свою Юнону,

Но дымъ увидимъ предъ собой (*)!

И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ брашій и друзей;
Желалъ добра имъ всей душою;
Гошовъ былъ кровію моею
Пожертвовавъ для счастья ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился
Не бесполезно жишь для нихъ —
Мой духъ сей мыслию гордился!
Источникъ радостей и благъ
Открышь въ чувствительныхъ ду-
шахъ;

Плѣнишь ихъ истиной святою,
Ея неплѣнной красою;
Орудіемъ Небеснымъ бышь,
И въ памяти попомсхва жишь,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребій свой благословлялъ,
Любуясь прелестью награды —
И тихій свѣтъ моей лампы
Съ звѣздою ушра угасалъ.

(*) Извѣстно изъ Мифологіи, что Иксіонъ, желая обнять Юнону, обнялъ облако и дымъ.

Злапое, дневное свѣшило
 Примѣромъ, образцемъ мнѣ было....
 Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
 Обманомъ щасливъ человекъ?

Но время, опытъ разрушающъ
 Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
 Красы волшебства исчезающъ...
 Теперь иной я вижу свѣтъ, —
 И вижу ясно, что съ Плашономъ
 Республикѣ намъ не учредишь, —
 Съ Пиштакѣмъ, Талесомъ, Зенономъ
 Сердецъ жестокихъ не смягчишь.
 Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
 И люди будутъ — люди вѣчно.
 Когда несчастныхъ Данаидъ (*)
 Сосудъ наполнился водою,
 Тогда, чудесною судьбою,
 Нашъ шаръ приметъ лучшій видъ:
 Сатурнъ на землю возвратится,
 И шигра съ агнцемъ помирится;
 Богатый съ бѣднымъ подружится,
 И слабый сильнаго просишь.
 Дошолъ истина опасна,
 Однимъ скучна, другимъ ужасна;
 Никто не хочетъ ей внимать —

(*) Онъ въ подземномъ мѣрѣ льющъ непре-
 станно воду въ худой сосудъ.

И часто ядѣтому заплаша,
 Кшо гласомѣ мудраго Сократа
 Дерзаетѣ буйству угрожаѣ.
 Гордецѣ не любитѣ наставленья,
 Глупецѣ не терпитѣ просвѣщенья —
 И шакѣ лампаду угасимѣ,
 Желая доброй ночи имѣ.

Но что же намѣ, о другѣ любезный!
 Осталось дѣлать вѣ жизни сей,
 Когда не можемѣ быть полезны,
 Не можемѣ премѣнить людей?
 Оплакать бѣдныхѣ смертныхѣ долю,
 И мрачный свѣтѣ предать на волю
 Судьбы и Рока: пусть они,
 Симѣ міромѣ правя искони,
 И впредѣ творятѣ, что имѣ угодно!
 А мы, любя дышать свободно,
 Себѣ построимѣ тихій кровѣ,
 За мрачной сѣнію лѣсовѣ,
 Куда бы злые и невѣжды
 Вовѣкѣ дороги не нашли,
 И гдѣ бѣ, безѣ страха и надежды,
 Мы вѣ мирѣ жить сѣ собой могли,
 Гнушались издали порокомѣ,
 И яснымѣ, терпѣливымѣ окомѣ
 Взираѣ на пучи, вихрь суешѣ,
 Отѣ грома, бури укрываясь,
 И вѣ чистомѣ сердцѣ наслаждаясь
 Мерцаніемѣ вечернихѣ лѣшѣ,

Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.
 Хошя ужъ нѣшъ цвѣтовъ весеннихъ
 У насъ на лицахъ, на устахъ,
 И юный огонь погасъ въ глазахъ;
 Хошя красавицы престали
 Меня любезнымъ называть —
 (Зефиры съ нами опыграли!) —
 Но мы не должны унывать:
 Живемъ по общему закону!..
 Ошелло въ старости своей
 Плѣнилъ младую Дездемону (*),
 И вкрался тихо въ сердце къ ней
 Любозныхъ Музъ прелестнымъ даромъ.
 Онъ съ нѣжнымъ, прогашельнымъ жа-
 ромъ

Въ картинахъ ей изображалъ,
 Какъ случай въ жизни имъ игралъ;
 Какъ онъ за дальними морями,
 Необозримыми степями,
 Между ревушихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
 Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ,
 Песковъ горящихъ и сыпучихъ,
 Гдѣ люди не бывали ввѣкъ,
 Безспрашно въ юности скишался,
 Со львами, шиграми сражался,
 Терпѣлъ жестокой зной и хладъ,
 Терпѣлъ усталость, жажду, гладъ.

(*) Смотри Шекспирову трагедію Ошелло.

Она внимала, удивлялась;
 Врала участіе во всемъ;
 Въ опасность вмѣстѣ съ нимъ вда-
 валась,

И въ нѣжномъ пламени своемъ,
 Съ блестящею въ очахъ слезою,
 Сказала: я люблю тебя!

И мы, любезный другъ, съ тобою
 Найдёмъ подругу для себя,
 Подругу съ милою душою.

Она пріятностью своею
 Украситъ западъ нашихъ дней.

Бесѣда опытныхъ людей,
 Ихъ басни, повѣсти и были
 (Насъ лѣта сказкамъ научили!)

Ея вниманіе займётъ,
 Ея любовь пріобрѣтётъ.

Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
 Себя подъ солнцемъ утѣшать!

Искашь блаженства намъ не должно,
 Но должно — менѣе страдать;

И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
 Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чти-
 мымъ,

Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
 Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо потрясаютъ,
 Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
 Безумцы хвалятъ разумъ свой!
 Мой другъ! не мы тому виной.

Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
 И всѣмъ ума, добра желали;
 У насъ не черныя сердца!
 И шакъ безъ препеша и страха
 Намъ можно ожидать конца
 И лечь во гробъ, жилище праха.
 Завѣса вѣчности страшна
 Убійцамъ, кровью обагренымъ,
 Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
 Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
 Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣ-
 чаетъ

Злашую Фебову стрѣлу (*),
 И Ангелъ мира освѣщаетъ
 Предъ нимъ густую смерти мглу.
 Тамъ—тамъ—за синимъ океаномъ,
 Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
 Онъ зрѣтъ... но мы еще не зримъ.

(*) Древніе Поэты говорили, что злашая Фе-
 бова стрѣла приноситъ смерть человѣку.

Къ д*.

„Многіе Барды, лиру наспроивъ,
„Смѣло играющъ, поющъ;
„Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней,
„Мчатся по рощамъ, шумящъ.

„Многіе Барды, тоны возвысивъ,
„Спрашныя битвы поющъ;
„Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
„Сстонъ пораженныхъ и смерть.

„Многіе Барды, тоны унизивъ,
„Сельскую радость поющъ —
„Нравы невинныхъ, крошкихъ пасу-
шекъ,
„Вздохи, утѣхи любви.

„Многіе Барды въ шумномъ восторгѣ
„Намъ воспѣваютьъ вино,
„Всѣхъ призывая имъ уполяши
„Скуку, заботы, печаль.

„Всѣ ли ихъ пѣсни прогаютъ сердце,
„Душу приводятъ въ восторгъ?
„Всѣ ли Омиры, Геснеры, Клейсты?
„Гдѣ Анакреонъ другой?

„Мало оспалось Бардовъ великихъ!“ —
Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо капаясь;
Лира упала изъ рукъ.

Быстро Зефиры съ Невскаго берега,
Быстро несутся ко мнѣ —
Вѣющъ — вливаютьъ сладкія пѣсни,
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ...

Я восхищаюсь! — Въ радости сердца
Громко взываю, пою:
„Древніе Барды духъ свой вліяли
„Въ новаго Барда Невы!“

К ъ с о л о в ъ ю.

Пой во мракѣ тихой рощи,
Нѣжной, крошкой соловей!
Пой при свѣтѣ лунной ночи!
Гласѣ твой милѣ душѣ моей.

Но почто жъ рѣкой кашаюся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства ноюшѣ и шомаяся
Отъ гармоніи твоей?
Ахѣ! я вспомнилъ незабвенныхъ,
Въ нѣдрахъ хладныхъ земли
Хищной смертью заключенныхъ;
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою травой.
Я остался сиротою, ...
Я остался въ горѣ жить,
Тосковать и слезы лишь! ...
Съ кѣмъ теперь мнѣ наслаждашся
Нѣжной пѣснью твоей?
Съ кѣмъ Природой утѣшаешся?
Все печально безъ друзей!
Съ ними духъ нашъ умираетъ,
Радость жизни оплешаетъ;

Сердцу скучно одному —
Свѣтъ пустыня, мракъ ему.

Скоро ль пѣснiю своею,
О любезной соловей!
Надъ могилою моею
Будешь ты плѣнять людей?

Ф и л л и д ъ.

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасной,
Въ которой ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится,
И яркими лучами
На зелени играетъ!
Смотри, какъ вся Природа
Ликуетъ, веселишся! —
Взгляни же и на друга,
Которой для прелестной
Принесъ цвѣтовъ прелестныхъ,
И арфу златоспрунну,
Чтобъ радостную пѣсню
Сыграшь на ней Филлидъ,
Въ щасливой день рожденья
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодіи
Излишь желанья дружбы.

Да будетъ годъ твой красной
Единымъ Майскимъ ушромъ,
Которое питаетъ
Ясины и лилеи,
И духъ ихъ ароматной
Въ Зефирахъ развѣваетъ!

Будь радостна, безпечна,
 Какъ радостенъ, безпеченъ
 Пѣвецъ весны и утра,
 Вѣясь подъ облаками!
 Когда жь вздохнуть захочешь —
 Увы! гдѣ свѣтъ безъ тѣни? —
 Да буденъ вздохъ твой крошокъ!
 И естли въ нѣжныхъ чувствахъ
 Слезу прольешь изъ сердца,
 Блистай она подобно
 Росѣ на юныхъ розахъ,
 Живящей цвѣтъ ихъ алый!

Въ чудесномъ же искусствѣ,
 Любовію найденномъ,
 Будь въ годъ сей Прометеемъ,
 Жизнь въ мертвое вливая!
 Пиши блестящій образъ
 Земнаго совершенства —
 Представь намъ Аполлона —
 И вдругъ, когда попужишь,
 Что юноша не дышетъ,
 Да оживится образъ,
 И ставъ передъ тобою — —
 Филлида! я умолкну.

На разлуку съ П* *.

Наспалъ разлуки горькой часъ!..
Проси, мой другъ! Въ послѣдній
разъ

Тебя я къ сердцу прижимаю;
Хочу сказать: *не плачь!* и слезы про-
ливаю!

Но такъ назначено судьбой —
Проси, — и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира
Да вѣетъ за тобой!

Уже я вижу предъ собой
Весь путь, на коемъ Знашность, Слава
Тебя съ дарами ждуть. Души твоей
и нрава
Ничто не премѣнитъ; ты будешь
вѣчно ты —

Я въ томъ, мой другъ, увѣренъ.
Не ослѣпятъ тебя блестящія мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешь
вѣренъ —

И видя вокругъ себя пороки, подлость,
лесть,
Которыхъ цѣль есть суешная честь,

Со вздохомъ вспомнишь то пріятнѣй-
шее время,
Когда со мной живалъ подъ кровомъ
пишины;
Когда намъ жизнь была не шягостное
бремя,
Но радостный восторгъ; когда, уда-
лены
Отъ шума, отъ заботъ, съ весельемъ
мы встрѣчали
Аврору на лугахъ, и въ знойные часы
Въ прохладныхъ грошахъ отдыхали;
Когда вечернія красы
И пѣсни соловья вливали въ духъ
нашъ сладость...
Ахъ! часто мракъ шемнилъ надъ нами
синій сводъ;
Но мы, вкушая радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,
И сонъ съ тобою забывали!
Не рѣдко огонь блисталъ, гремѣлъ надъ
нами громъ;
Но мы сердечно ликовали
И улыбались предъ Отцомъ,
Который проспиралъ къ намъ съ неба
длань благую;
Въ восторгъ пѣли мы гимнъ славы
пѣснь свяшую:
На крыльяхъ молніи къ Нему летѣлъ
нашъ духъ!..

Ты вспомнишь все сіе, и слезы пока-
 шаясь
 По блѣдному лицу. Ахъ милой, нѣж-
 ной другъ!
 Сіи блаженны дни вѣкъ не возвра-
 щаясь! —
 Невольный тяжкій вздохъ колеблетъ
 грудь мою...
 Грядетъ весна въ нашъ міръ, и холмы
 зеленѣютъ,
 И утренній пѣвецъ (*) гласитъ намъ
 пѣснь свою —
 Увы! тебя здѣсь нѣтъ!.. цвѣты вездѣ
 песнрѣютъ,
 Но сердце у меня въ печали не цвѣ-
 шетъ...
 Прости! благій Отецъ и Геній твой
 съ тобою.
 Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить
 съ собою,
 Тотъ радость и любовь во всѣхъ
 странахъ найдетъ.

Прости! твой другъ умретъ тебя
 достойнымъ,
 Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей
 покойнымъ.
 Не скажутъ вѣкъ объ немъ, чтобъ
 онъ чиновъ искалъ;

(*) Жаворонокъ.

Чтобъ знатнымъ подлецамъ когда
нибудъ ласкалъ.

Предъ Богомъ только онъ колѣна пре-
клоняетъ;

Спрашится — одного себя;

Достоинства одни сердечно уважаетъ,
И любитъ всей душой себя.

П р о с т и.

Кшо могъ любишь такъ спраспно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

Мучишельно плѣнишься,
Быть спраспнымъ одному!
Насильно полюбишься
Не можно никому.

Не значенъ я, не славенъ:
Могуль кого прельспишь?
Не веселъ, не забавенъ:
За чшо меня любишь?

Просшое сердце, чувсшво,
Для свѣта ничего.
Тамъ надобно искуссшво —
А я не зналъ его!

(Искуссшво величашься,
Искуссшво ловкимъ бышь,
Умнѣ всѣхъ казашься,
Пріятно говоришь.)

Не зналъ — и ослѣпленный
 Любовію своею,
 Желалъ я дерзновенный
 И самъ любви швоей!

Я плакалъ, ты смѣялась,
 Шутила надо мной, —
 Моею забавлялась
 Сердечною шоской! —

Надежды лучъ блѣднѣешь
 Теперь въ душѣ моеей...
 Уже другой владѣешь
 Навѣкъ рукой швоей!...

Будь щасшлива — покойна,
 Сердечно весела,
 Судьбой всегда довольна,
 Супругу — ввѣкъ мила! —

Во шьмѣ лѣсовъ дремучихъ
 Я буду жизнь весши,
 Лишь шоки слезъ горючихъ,
 Желашъ конца — просши!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Боннешу (*).

Онъ былъ великъ душой своей,
И міру жизнию полезенъ;
Любилъ Природу и людей, —
Природѣ, людямъ былъ любезенъ;
Гремящимъ гласомъ прославлялъ
Величіе Творца вселенной,
И бѣдныхъ смертныхъ утѣшалъ
Надеждой вѣчности блаженной. —
Леманъ (**)! въ зеркалѣ водъ своихъ
Запмился зракъ Его священный;
Но умъ, но духъ Его неслѣбный
Живещъ въ швореніяхъ своихъ.

(*) Кошорая излилась изъ души моей въ самой
пошъ часъ, какъ я получилъ извѣстіе о
смерши сего незабвеннаго друга челове-
чества, сего великаго Философа, сего истин-
наго мудреца, любезнаго моему сердцу.

(**) Женевское озеро. — Боннешъ жилъ на бе-
регу его.

Л ю б е з н о й,

Въ день ея рожденія.

Въ сей день тебя Любовь на свѣшѣ
произвела,
Красою свѣта бышь, владѣшь людей
сердцами;
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами;
Сказала: *будь мила!*....
„Будь щаслива!“ сказахъ богиня не
могла.

Спранность любви, или без-
сонница.

Кто для сердца всѣхъ спрашнѣе?
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе?
Знаю: милая моя!

„Кто же милая твоя?“
Я спыжусь; мнѣ право больно
Спранность чувствъ моихъ открышь
И предметомъ шутокъ бышь.
Сердце въ выборѣ не вольно!..
Что сказать? Она... она...
Ахъ! ни мало не важна,
И талантовъ за собою
Не имѣетъ никакихъ;
Не блистаетъ острошою,
И движеньемъ глазъ своихъ
Не умѣетъ изъясняться;
Не умѣетъ восхищаться
Аполлоновымъ огнемъ;
Философовъ не читаетъ,
И въ невѣжествѣ своемъ
Всю ученость презираетъ.

Знайше также, что она
 Не Венера красою —
 Такъ худа, блѣдна собою,
 Такъ ээирна и помна,
 Чшо безъ жалоси не можно
 Бросишь взора на нее.
 Сшранно!... я люблю ее!

„Что жь шакое думашь должно?
 „Увѣряюшъ сшарики
 „(Вѣ эшомъ дѣлѣ знашоки),
 „Что любовь любовь раждаетъ, —
 „Сердце нравится любя:
 „Можетъ бышь она плѣняетъ
 „Жарѣмъ чувствъ своихъ шебя;
 „Можетъ бышь она на свѣшѣ
 „Не имѣетъ ничего
 „Для души своей вѣ предметъ,
 „Кромѣ сердца твоего?
 „Ахъ! любовь и спрасъ шакая
 „Есть небесная, святая!
 „Умъ блестящій, краса
 „Передъ нею суеша.“

Нѣшъ!... Къ чему теперь скры-
 ваться?

Лучше искренно признашся
 Вамъ, любезные друзья,
 Чшо жестокая моя

Нѣжной, страстной не бывала,
 И съ любовью на меня
 Глазѣ своихъ не успрямляла.
 Нѣшѣ въ ея душѣ огня!
 Тщешно пламенемъ пылаю —
 Въ миломъ сердцѣ ледѣ, не кровь!
 Такъ какъ Эхо (*) изсыхаю —
 Нѣшѣ ошвѣща на любовь!

Очарованъ я шобою,
 Богѣ, играющій судьбою,
 Богѣ коварной — Купидонѣ!
 Ядовишою стрѣлою
 Ты лишилъ меня покою.
 Какъ ужасенъ швой законѣ,
 Мудрыхъ мудрости лишая,
 И ученый кабинетѣ
 Въ жалкой *Бедламѣ* (**) превращая,
 Гдѣ безуміе живешѣ!
 Щасшливѣ, кшо не знаешѣ спрасши!
 Щасшливѣ хладной человѣкѣ,
 Не любившій весь свой вѣкѣ!..
 Я завидую сей части,

(*) Т. е. Нимфа, которая опѣ любви кѣ Нар-
 циссу преврапилась — въ ничшо, и кошо-
 рой вздохи слышимѣ мы иногда въ лѣсахѣ
 и пустыняхѣ, и называемѣ — эхомѣ.

(**) Домѣ сумасшедшихъ въ Лондонѣ.

И съ Тишаніей люблю
Всѣмъ насмѣшникамъ въ забаву (*)!...
По Небесному усшаву
Днемъ зѣваю, ночь не сплю.

(*) Любопытные могутъ прочитати претіе
дѣйствіе, вторую сцену Шекспировой
піесы: *Midsummer-night's dream*.

Весеннее чувство.

Пришла весна — цвѣшетъ земля;
Древа шумяшъ въ цвѣсахъ зеленыхъ,
Лучами солнца позлащенныхъ;
Красуются луга, поля;
Спада вокругъ холмовъ играюшъ;
На вѣтвяхъ пшички воспѣваютьъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей!

И левъ, среди песковъ сыпучихъ,
Любовь и нѣжность ощутилъ;
И хищный шигръ въ лѣсахъ дрему-
чихъ

Союзъ съ Природой заключилъ.
Любовь! вездѣ твоя держава;
Вездѣ твоя сіяетъ слава;
Земля есть твой огромный храмъ.
Тебѣ курится ѿиміамъ
Цвѣшовъ и древъ и травъ душистыхъ,
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ, —
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!

Но кто дерзаетъ миръ священный,
 Миръ кропкій, миръ блаженный,
 Своею злобой нарушать?..
 Безсмертный челоѣкъ!.. созданный
 Собой Натуру украшать!...
 Любимецъ Божества избранный!
 Вѣнецъ творенія и цвѣтъ!

Когда Природа оживаетъ,
 Любовь сердца звѣрей питаетъ,
 Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ (*):
 Безумства мракомъ ослѣпленный
 И адской желчью упоенный,
 Терзаетъ братьевъ и друзей,
 Ко щастью вмѣстѣ съ нимъ рожден-
 ныхъ,
 Душею, чувствомъ одаренныхъ,
 Отца единого дѣтей!

(*) Начало военныхъ дѣйствій весною.

Надежда.

Il est doux quelquefois de rêver le bonheur.

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
Гдѣ солнце пламенемъ горитъ,
Что душу странниковъ несчастныхъ
Отрадой сладкою живитъ?
Надежда — что труды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ прохладѣ нѣжнаго зефира,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Жить будешь съ милою семьей.

Надежда! ты моя богиня!
Надежда, лучъ души моей!
Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
Дышу отрадою твоей!
Хотя помлюся и спрадаю,
Но ты во мнѣ... не умираю!
За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется въ ожиданьи:
Живу въ любезнѣйшемъ желаньи —
Вдали возможность счастья зрю!

Еще мы можемъ, Ангелъ милой,
 Другъ друга *радостно* любишь!
 Въ душѣ моей, шеперь унылой,
 Твой образъ можешь съ *щастьемъ* жить!
 Когда? когда? — увы! не знаю;
 Но вѣря чувству, ожидаю,
 Что намъ готовится вѣнецъ;
 Что мы навѣкъ соединимся,
 И въ жизни раемъ насладимся:
 Умремъ въ сліяніи сердецъ.

Ручей два древа раздѣляетъ,
 Но вѣтви ихъ сплестясь распушъ;
 Судьба два сердца разлучаетъ,
 Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.
 Препятствій страшныхъ миліоны,
 Тиранство рока и законы
 Не могутъ спраси прохладить:
 Она всего, всего сильнѣе;
 Всего, мой милой другъ, свяще —
 Самъ Богъ великъ намъ такъ любишь!

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный
 пламень
 Любви, всесильныя любви,
 Могуль сказать: „будь, сердце, ка-
 мень, —
 „Угасни огонь въ моей крови?“

Могуль сказаць прости надждѣ ?
 Мы видимъ-любимъ, другъ мой, прежде,
 Чѣмъ знаемъ, должно ли любишь ;
 Полюбимъ, и въ себѣ не власны ;
 Умолкнешъ разумъ безпристрастный--
 Лишь сердце будетъ говоришь.

Когда жь, о милой другъ! намъ должно
 Въ семъ мірѣ шолько слезы лишь,
 Въ другомъ, въ другомъ еще возможно
 Несчастнымъ щасливymi бышь !
 Клянуся... Небо будь свидѣтель !...
 Любишь свяшую добродѣтель,
 Чшобъ рай въ томъ мірѣ заслужишь,
 Гдѣ все прошедшее забудемъ,
 Гдѣ шолько милыхъ помнишь будемъ;
 А рай мой... шамъ съ побою жишь !

На смерть Князя Г. А. Хованскаго
Декабря 1, 1796.

Друзья! Хованскаго не спало!
Увы! намъ въ гробѣ всѣмъ лежать;
На всѣхъ грозится смерти жало:
Лишь пронешъ, должно умирать!

Иной сидѣлъ въ златой коронѣ,
Какъ Богъ величіемъ сіялъ:
Взгляни... вѣнецъ лежишь на тронѣ,
Но вѣнценосецъ прахомъ спалъ.

Гроза земли, людей губитель,
Какъ Зевсъ яряся въ бурной мглѣ,
Взывалъ, „я міра побѣдитель!“
Но пуля въ лобъ, Герой въ землѣ.

Нарцисъ гордился красою,
И жизнь любовью украшалъ;
Но вдругъ скелетъ махнулъ косою...
Проси любовь! Нарцисъ увялъ.

Другой сидѣлъ надъ сундуками,
Отъ вора золото сперегъ;

Но, ахъ! за крѣпкими замками
Себя отъ смерти не сберегъ!

Она и въ пору и не въ пору
Велишъ намъ домъ перемѣнять;
Младенцевъ, сшарцевъ безъ разбору
Спѣшишъ за гробъ переселяшъ.

Блаженъ, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живешъ,
И міръ покойно оставляя,
Безъ сыраха въ темный путь идешъ!

Друзья! такъ умеръ нашъ пріятель.
Онъ вѣрилъ, что есмь Богъ сердецъ;
Онъ вѣрилъ, что міровъ Создатель
И здѣсь и тамъ для насъ Отецъ.

Чего же подъ Его покровомъ
Боятся добрымъ въ смертный часъ?
И тамъ, и тамъ, въ жилищѣ новомъ
Найдутся радости для насъ. —

Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ;
Онъ былъ... лишь доброй человѣкъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прожилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.

Писалъ стихи, но не пасквили;
Писалъ, но зависти не зналъ;

Его немногіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.

Богатства Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жаль;
Опдашь послѣднее былъ радъ.

Друзья! пойдемъ съ душой унылой
Ему печальный долгъ воздашь:
Поплакашь надъ его могилой.
Намъ также будешь умирашь!

Къ бѣдному Поэту.

Престань, мой другъ, Поэтъ унылый!
Ропшай на скудный жребій свой,
И знай, что бѣдность и покой
Еще быть могутъ сердцу милы.
Форшуна-мачиха тебя,
За что-то очень не влюбя,
Пусшой сумою наградила
И въ міръ съ клюкою оппустила;
Но истинно-родная мать,
Природа, любитъ награждать
Нешасныхъ пасынковъ Форшуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣшь, чудесный даръ
Вливать огонь въ злая спруны,
Сердца гармоніей плѣнять.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь;
Стихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославлять;
Какъ ппичка въ бѣломъ свѣтѣ воленъ,
Не знаешь клѣшки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вдыхай, ропшай, есть спросить
глупцовъ.

Взгляни на солнце, сводъ небесный,
 На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
 Смощи на быструю рѣку,
 Лещащую съ сребристой пѣной
 По свѣшло-желтому песку;
 Смощи на лѣсъ густой, зеленой,
 И слушаи пѣсни соловья:
 Поэтъ! Нашура вся швоя.
 Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
 Ты царь на велелѣпномъ шронѣ.
 Ошавъ другимъ носишь вѣнецъ:
 Гордися, нѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,
 Вѣнкомъ, изъ нѣжныхъ розъ сплешен-
 нымъ,
 Тобой отъ Грацій полученнымъ!
 Тебѣ никшо не хочешъ льспишь:
 Чшо нужды? кшо въ душѣ спокоинъ,
 Кшо истинной хвалы достоинъ,
 Тому не скучно вѣкъ прожишь
 Безъ шума, безъ льсщцовъ ковар-
 ныхъ.
 Не можешъ ты чиновъ давать,
 Но можешъ зернами пишать
 Семейство пщичекъ благодарныхъ;
 Онѣ хвалу тебѣ споюшъ
 Гораздо лучше стиходѣвъ,
 Тирановъ слуха, лже-Орфеевъ,
 Кошорыхъ Музы въ одахъ лгушъ
 Нескладно-пышными словами.

Мой другъ! сущесшвенность бѣдна:
 Играй въ душѣ своей мечшами,
 Иначе будешъ жизнь скучна.
 Не Крезъ съ мѣшками, сундуками
 Здѣсь можешъ веселѣе жишъ,
 Но тошѣ, кто въ бѣдноти умѣешъ
 Себя богашсшвомъ веселишъ;
 Кто даръ воображаешъ имѣешъ
 Въ карманѣ тысячу рублей,
 Копѣйки въ домѣ не имѣя.
 Поэшъ ешъ хитрый чародѣй:
 Его живая мысль какъ Фея
 Творишъ красавицъ изъ цвѣшка;
 На соснѣ розы производишъ,
 Въ крапивѣ нѣжный миршъ находишъ
 И строишъ замки изъ песка.
 Лукуллы въ нѣгѣ ушонченной
 Напрасно вкусъ свой пришупленной
 Хошашъ чѣмъ новымъ усладишъ.
 Самрапъ съ Лайсою зѣваешъ;
 Плашокъ ей бросивъ, засыпаешъ.
 Ихъ жребій: дни счишаешъ, не жишъ;
 Душа ихъ въ роскоши исплѣла,
 Подобно камню онѣмѣла
 Для чувства радостей земныхъ.
 Избышокъ благъ и наслажденья
 Ешъ хладный гробъ воображенья.
 Въ мечшахъ, въ желаніяхъ своихъ
 Мы только щасшливы бываемъ;

Надежда золошо для насъ,
 Призракъ любезнѣйшій для глазъ,
 Въ кошоромъ щасшье лобызаемъ.

Не сышому хвалишь обѣдъ,
 За коимъ Нимфы, Ганимедъ
 Госпямъ амврозію разносятъ,
 И не въ обѣяшїяхъ Лизетъ
 Пѣвцы красавицъ превозносятъ;
 Все лучше кажется вдали.
 Сухими фигами питаюсь,
 Но въ мысляхъ царски наслаждаюсь
 Дарами моря и земли,
 Зови къ себѣ въ стихахъ игривыхъ
 Друзей любезныхъ и щасшливыхъ
 На сладкой и роскошной пиръ;
 Сбери красотокъ несравненныхъ,
 Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
 Вели имъ съ нѣжнымъ звукомъ лиръ
 Пѣшь въ громкомъ и прїятномъ хорѣ,
 Лешать подобно Терпсихорѣ
 При плескѣ радостныхъ гостей,
 И милой ласкою своей,
 Умильнымъ, сладострасшнымъ взоромъ,
 Нѣмымъ, но внятнымъ разговоромъ,
 Сердца къ шому пригошовлять,
 Чего... въ стихахъ не лзя сказашъ.
 Или, подобно Донъ-Кишоту,
 Имѣя къ рыцарству охоту,

Вѣ шишакѣ и панцырь нарядись,
 На борзаго коня садись,
 Ищи опасныхъ приключеній,
 Волшебныхъ замковъ и сраженій,
 Чшобѣ добрымъ Принцамъ помогаешь,
 Принцессѣ отъ узъ освобождаешь.
 Или, Плапоновъ воскрешая,
 И съ ними умъ свой изошряя,
 Законъ Республикамъ давай,
 И землю въ небо превращай.
 Или... но какъ все по исчислишь,
 Чшо можешъ стихотворецъ мыслишь
 Вѣ укрошной хиженкѣ своей?

Мудрецъ, которой зналъ людей,
 Сказалъ, чшо мѣръ стоишъ обманомъ;
 Мы всѣ, мой другъ, лжецы:
 Простые люди, мудрецы;
 Непроницаемымъ шуманомъ
 Покрыша истина для насъ.
 Кшо можешъ вымышлять пріятно,
 Стихами, прозой — въ доброй часѣ!
 Лишь толькобъ было вѣрояшно.
 Чшо естъ Поэтъ? искусной лжецъ:
 Ему и слава и вѣнецъ!

О т с т а в к а.

Amour, né d'un soupir, est comme lui léger.

И такъ вѣ опсшавку ты уволенъ!..
Что дѣлать, нѣжной паспушокъ?
Взять вѣ руки шляпу, посошокъ;
Сказать: сласибо; я доволенъ!
Ищи, и слезки не пролишь.

Иду, желая милой Хлоѣ
Пріятно съ новымъ другомъ жишь.
Свобода дѣло золотое,
Свобода вѣ мысляхъ и вѣ любви.
Минуша чувсшва воспаляетъ,
Минуша гаситъ огонь вѣ крови.
Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпъ, но тонкой волосокъ;
Дохнетъ ли рѣзвой вѣшерокъ,
Порхнетъ ли бабочка межъ ими...
Всему конецъ, и связи нѣтъ!
Начто упреками пусшыми
Терзаетъ другъ друга? бѣлой свѣтъ
Своимъ порядкомъ ввѣкъ идетъ.
Всѣ любятъ, Хлоя, разлюбляющъ;
Клянутся, клятву пресшупающъ:

Гдѣ судѣ на вѣтреность сердецѣ?
 Что нынѣ взору, чувстввамѣ мило,
 То завтра будешѣ имѣ пошлыо.
 Теперь вамѣ нравишся мудрецѣ,
 Чрезѣ часѣ понравится глупецѣ,
 И часто бога Аполлона
 (Чему свидѣшель древній мірѣ)
 Смѣнялѣ вѣ любви лѣсной Саширѣ.
 Подѣ скипшромѣ душегубца Крона (*)
 Какому постоянству бышѣ?
 Гдѣ время царѣ, тамѣ все конечно;
 И развѣ вѣ вѣчности вамѣ вѣчно
 Придешся одного любишѣ!

И такѣ смотри вѣ глаза мнѣ смѣло;
 Я право, Хлоя, не сердитѣ.
 Шумѣтъ мужей несносныхѣ дѣло;
 Любовникѣ видишѣ, и молчитѣ.
 Укажушѣ дверь—и онѣ сѣ поклономѣ
 Ее зашворишѣ за собой;
 Не ссорясь сѣ новымѣ Селадомѣ,
 Пойдешѣ...сшихи писашѣ домой.

Я жилѣ вѣ Аркадіи сѣ побою
 Не часѣ, но цѣлыхѣ сорокѣ дней!
 Довольно — лучшій соловей
 Поетѣ не долѣе весною...

(*) Сатурна.

Я также, Хлоя, пѣлъ тебя!..
 И ты съ восторгомъ мнѣ внимала;
 Рукою... на песокъ писала:
Люблю — люблю — умру любя!

Но старой другъ твой не забудешь,
 Что кто о старомъ помнить будешь,
 Лишишься глаза какъ Циклопъ (*):
 Пусть, Хлоя, мой обширной лобъ
 Подъ часъ украсится рогами;
 Лишь только былъ бы я съ глазами!

(*) Русская пословица: „кто старое помянетъ,
 тому глазъ вонъ.“

Посланіе къ Александру Алексѣ-
евичу Плещееву.

Мой другъ! всступая въ шумный свѣтъ
Съ любезной, искренней душою,
Въ весеннемъ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Ты хочешь съ Музою моею
Въ свободный часъ поговорить
О томъ, чего всѣ ищутъ въ свѣтѣ;
Что вѣчно у людей въ предметѣ;
О чемъ позволено судить
Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ, —
Богатымъ въ золотой одеждѣ
И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ, —
На тронахъ, славой окруженныхъ,
И въ сельскихъ хижинахъ смирен-
ныхъ; —
Что въ каждомъ климатѣ земномъ
Надежду смертныхъ составляетъ,
Сердца всечасно обольщаетъ,
Но, ахъ!... не зримо ни въ одномъ!

О щастьи слово. Удалимся
Подъ вѣтви сихъ зеленыхъ ивъ;

Прохладой чувства освѣживѣ,
Мы тамъ бесѣдой насладимся
Вѣ любезной Музамъ тишинѣ (*).

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чшобѣ *десять тысячъ* было мнѣнїй,
Ученыхъ философскихъ прѣнїй,
Вѣ архивахъ древности сѣдой (**)
О средсхвахъ жишь щасшливо вѣ
свѣшѣ,
О средсхвахъ обрѣсши покой?
Но точно такъ, мой другъ; вѣ семѣ
счешѣ

Ошибки нѣшѣ. Фалесѣ, Хилонѣ,
Пиштакѣ, Эпименидѣ, Кришонѣ —
Біоны, Симміи, Спильпоны,
Эсхины, Эмміи, Зеноны,
Вѣ Лицеѣ, вѣ храмахъ и садахъ,
На бочкахъ, темныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили
И смертныхъ кѣ щасшїю манили
Своею... нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,

(*) Сїи стихи писаны вѣ самомъ дѣлѣ подѣ
тѣнїю ивѣ.

(**) Десять тысячъ!! Чипашель можешѣ со-
мнѣваться вѣ вѣрности счеша; но одинѣ
изѣ древнихъ же Авпоровѣ пишешѣ, что
ихѣ было точно десять тысячъ.

Что плодъ земнаго совершенства
 Въ саду ихъ мудрости расцвѣтъ;
 Что въ немъ неслѣбный цвѣтъ бла-
 женства

Какъ роза пышная цвѣтешъ.
 Слова казались прекрасны,
 Но только были несогласны.
 Одинъ кричалъ: *стулай туда!*
 Другой: *нѣтъ, нѣтъ, лоди сюда!*
 Чшожь Греки дѣлали? Смѣялись;
 Ученой распрей забавлялись,
 А щастье... называли сномъ!

И въ наши времена о томъ
 Бываетъ много шуму, спору.
 Не мало новыхъ гордецовъ,
 Которымъ часто безъ разбору
 Даюшъ названье мудрецовъ;
 Они намъ также общаюшъ
 Открышь прямой ко щастью слѣдъ;
 Въ глаза же щастія не знаюшъ;
 Живушъ, какъ всѣ, подъ игомъ бѣдъ;
 Живушъ, и горькими слезами
 Судьбѣ шихонько плащяшъ сами
 За право умниками слышъ,
 О щастьи въ книгахъ говоришъ!

Преспанемъ льспить себя мечшою,
 Искать блаженства подъ луною!

Скорбе, другъ мой, ты найдешь
 Чудесный философскій камень,
 Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
 Япешовъ сынъ (эѳирный пламень
 Похишилъ для людей съ небесъ,
 Но щасья къ нимъ онъ не принесъ;
 Оно въ удѣлѣ намъ не досталось,
 И шамъ, съ Юпишеровъ, оспалось.
 Вдыхай, шужи; но пользы нѣтъ!
 Судьбы рекли: да будетъ свѣтъ
 Жилищемъ призраковъ, суетъ,
 Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!
 Рекли — и Суеты спустились
 На землю шумною толпой:
 Герои въ лашы нарядились,
 Плѣняя Славы красою;
 Мечемъ махнули, полетѣли
 Въ забаву умерщвлять людей;
 Одни престоловъ захошѣли,
 Другіе самыхъ олшарей;
 Одни шумящими рулями
 Разсѣкли пѣну дальнихъ водъ;
 Другіе мощными руками
 Ошверзли въ землю темный ходъ,
 Чшобъ взять пригоршни свѣшлой пы-
 ли! . . .

Мечшы всѣмъ головы вскружили,
 А горесъ врѣзалась въ сердца.
 Народовъ сильныхъ побѣдитель

И странѣ безчисленныхъ властителей
 Подъ блескомъ свѣтлаго вѣнца
 Въ душевномъ мракѣ унываешь,
 И часто самъ того не знаешь,
 На что величія желалъ
 И кровью лавры омочалъ!
 Смѣльчакъ, Америку открывшій,
 Пути къ счастью не открылъ;
 Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
 Цѣпями самъ окованъ былъ,
 Провелъ и кончилъ жизнь въ спра-
 дань —

А сей вздыхающій скелетъ,
 Которой богомъ чтитъ смяжанье,
 Среди богатствъ въ шокѣ живетъ!..
 Но к   мой другъ, въ морской пу-
                                  чинѣ

Глазъ   волны перечтешь?
 И кто представитъ намъ въ картинѣ
 Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?

Чтожь дѣлать намъ? Ужель со-
                                  крыться

Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
 Въ какой нибудь безвѣстный кровъ,
 И съ міромъ навсегда проститься,
 Когда, къ несчастью, міръ таковъ?
 Увы! Анахоретъ не будешь
 Въ пустынѣ счастливецъ насъ!

Хотя земное и забудешъ;
 Хотя умолкнешъ спраси гласъ
 Въ его душѣ уединенной,
 Безмолвнымъ мракомъ огражденной:
 Но сердце спанешъ унывать,
 Въ груди холодной посковашь,
 Не зная, чѣмъ ему заняшься.
 Тогда пустынною являясь
 Химеры, адскія мечшы,
 Плоды душевной пустошы!
 Чудовищъ грозныхъ миллионы,
 Змѣи лешучія, драконы,
 Надъ нимъ крылами зашумяшъ,
 И страхомъ умъ его зашмяшъ (*).
 Въ шокъ онъ жизнь свою скончаетъ!

Каковъ ни есть подлунный свѣтъ;
 Хотя блаженства въ ономъ нѣтъ;
 Хотя въ немъ горестъ обихаетъ:
 Но мы для свѣта рождены,
 Душей, умомъ одарены,
 И должны въ немъ, мой другъ,
 остаться.
 Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,
 Какъ можно менѣе шужишь,
 Какъ можно лучше, тише жишь,

(*) Многіе пустынники, какъ извѣстно, сходили съ ума въ уединеніи.

Безъ всякихъ суешныхъ желаній,
 Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
 Но что пріятное найдемъ,
 То съ радостью себѣ возьмемъ.
 Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
 Бываетъ краше анемонъ,
 Когда украдкой выдешъ онъ
 Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
 Во тѣмъ густой, въ печальной мглѣ
 Сверкнешъ лучъ солнца веселѣе: —
 Добра не много на землѣ,
 Но есть оно — и тѣмъ милѣе
 Ему быть должно для сердецъ.
 Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
 Не скованъ въ чувствахъ, духомъ во-
 ленъ,
 Не есть чиновъ, богатства льстецъ;
 Душею такъ же прямъ, какъ сшаномъ;
 Не ищетъ благъ за океаномъ
 И съ моря кораблей не ждетъ,
 Шумящихъ въ шпротъ не робѣетъ,
 Подъ солнцемъ домикъ свой имѣетъ,
 Въ сей день для дня сего живетъ
 И мысли вдаль не просшираетъ;
 Кто смотришъ прямо всѣмъ въ глаза;
 Кому несчастнаго слеза
 Оправы въ пищу не вливаетъ;
 Кому работа не трудна,
 Прогулка въ полѣ не скучна

И опдохъ въ знойный часъ любезенъ;
 Кшо ближнимъ иногда полезенъ
 Рукой своей или умомъ;
 Кшо можешъ бышь пріятнымъ дру-
 гомъ,

Любимымъ, щасливымъ супругомъ
 И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
 Кшо Музъ отъ скуки призываетъ
 И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
 Стихами, прозой забавляешъ
 Себя, домашнихъ и чужихъ;
 Отъ сердца чистаго смѣешся
 (Смѣяшся, право, не грѣшно!)
 Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
 Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживешся,
 И дней своихъ не прекрашишъ
 Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
 Тому сей міръ не будетъ адомъ;
 Тотъ пущь свой розой оцвѣтитъ
 Среди колючихъ жизни шерней,
 Отраду въ горестяхъ найдетъ,
 Съ улыбкой встрѣтитъ часъ ве-
 черній,
 И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

Опѣвъ моему пріятелю, ко-
рой хотѣлъ, чѣобы я написалъ
похвальную оду Великой ЕКА-
ТЕРИНѢ.

Мнѣ ли славишь тихой лирой
Ту, Которая порфирой
Скоро весь обнимешъ свѣтъ?
Лишь безумецъ зажигаетъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяетъ.
Бѣдной чирикъ не дерзнетъ
Пѣть гремѣщей Зевса славы;
Онъ любовь одну поетъ;
Съ нею въ рощицѣ живетъ.

Блескъ Россійскія державы
Очи брѣнныя слѣпятъ:
Тамъ на первомъ въ свѣтъ шронѣ,
Въ лучезарнѣйшей коронѣ
Мать опечесхва сидитъ,
Правитъ царствъ земныхъ судьбами,
Правитъ міромъ и сердцами,
Скиптромъ щастіе даритъ,
Взоромъ бури укрощаетъ,
Словомъ милость изливаетъ
И улыбкой все живитъ.

Что Богинѣ наши оды?
Что Великой пѣснь моя?
Ей пѣвцы — Ея народы,
Похвала—дѣла Ея;
Имѣ дивяся, умолкаю
И хвалишь позабываю.

КЪ ней.

Тебѣ ли думать, другъ безцѣнный,
Что есть измѣнники въ любви?
Огонь, побою воспаленный,
Погаснешь ли когда въ крови?
Погаснешь съ жизнію, не прежде!

И мнѣль непостояннымъ бышь?
Мнѣ ль бабочкой порхашь, въ надеждѣ
Другую болѣе любишь?
Я всѣхъ невѣрныхъ презираю,
И съ ними нашъ холодной вѣкъ.
Какъ можешь въ жизни человѣкъ
Два раза бышь влюбленъ, не знаю.
Не спанешь сердца, милой другъ,
И сила въ чувствахъ ослабѣетъ.
Однажды роза въ годъ алѣетъ,
Однажды красится ей лугъ;
Однажды любимъ всей душою—
Чтобъ щастье райское вкусишь,
Или глаза навѣкъ закрышь
Со вздохомъ горести, съ тоскою!

Д в ъ п ѣ с н и.

I.

Мы желали — и свершилось!...

Лиза! Небо любишь насъ.

Постоянство наградилось:

Ты моя! — Блаженный часъ!

Быть счастливейшимъ супругомъ,

Быть любимымъ и любишь,

Быть любовникомъ и другомъ....

Ахъ! я радъ на свѣтѣ жить!

Радъ терпѣть, чего не можно

Въ здѣшней жизни избѣжать;

Радъ и плакать, если должно

Смертнымъ слезы проливать.

Нѣжность горе улаживаетъ,

Дружба милою рукой

Слезъ попоки опираетъ

И вселяетъ въ грудь покой.

Будь единственнѣйшимъ предметомъ

Спроси сердца моего!

Я навѣкъ просился съ свѣтомъ;

Мнѣ наскучилъ шумъ его.

Пусть Прелесты шамъ сіяють
Блескомъ хипросшей своихъ ;
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ ;
Пусть другіе любятъ ихъ !

Было время заблужденій ;
Я какъ бабочка лешалъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморѣ искалъ !

Сонъ исчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хипрыхъ былъ ;
Всѣхъ Прелестъ возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.

Ты одна любви достойна ;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа моя спокойна.
Все сбылось, чего желалъ !

Свѣтъ забудетъ насъ съ тобою:
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

II.

Доволенъ я судьбою,
И милою богашъ.
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Съ тобою жизни бремя
Меня не тягошитъ;
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ моднѣя лешишь.

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ тобой забава;
Въ твоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

Когда ты скажешь: *милый!*
Проходишь грусть моя, —
Свѣплѣешь взоръ унылой, —
Спокоенъ, веселъ я!

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мірѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Несчастливъ безъ тебя.

Но естѣли рокъ ужасной
 Насъ, Лиза, разлучишъ?
 Что буду я несчастной?...
 Сырой землей покрышъ!

Двѣ горлицы покажущъ
 Тебѣ мой хладный прахъ;
 Воркуя помно, скажущъ:
 Онъ умеръ во слезахъ!

Приписаніе къ Гжѣ. Н, которая
 желала, чѣмъ я списалъ для
 нее сіи двѣ пѣсни.

Невольникъ въ пятгостныхъ цѣпяхъ
 О волѣ милой помышляетъ,
 Спарикъ о юныхъ, красныхъ дняхъ;
 Томимый жаждой, воспоминаетъ
 О свѣшлыхъ, ясныхъ ручейкахъ.
 А я чѣмъ сердце занимаю?
 О щасливой любви мечтаю!

Соловей, Галки и Вороны.

Б а с н я.

Прошедшею весною,
Вечернею зарёю
Въ лѣсочкѣ семѣ пѣвалъ любезный со-
ловей.
Пришла опять весна: гдѣ другъ души
моей?
Ахъ, нѣтъ его! За чѣмъ онъ
скрылся? —
За чѣмъ? Въ лѣсочкѣ поселился
Хоръ галокъ и воронъ. Онъ и день и
ночь
Кричатъ, усшалости не знаятъ,
И слухъ людей (увы!) безжалостно
шерзаютъ!
Чшожъ дѣлать соловью? — Лешъшь по-
далъ прочь!
Жестокіе врали и прозой и стихами!
Какому соловью пѣть можно вмѣстѣ
съ вами?

Прощаніе.

Ударилъ часъ — друзья просише!
Иду — куда, вы знашь хошише?
Въ страну покойниковъ — за чѣмъ? —
Спросишь тамъ, для чего мы здѣсь,
друзья, живемъ!

Къ самому себѣ.

Прости, надежда!... и навѣкъ!...
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душѣ моей казалось мило;
Исчезло! Слабой человѣкъ!
Что хочешь дѣлать? обливаешься
Рѣкою горькихъ, щепныхъ слезъ?
Спенать во прахъ и терзаться?...
Что пользы? Рока и Небесъ
Не пронешь ты своей тоскою,
И будешь жалокъ лишь себѣ!
Нѣтъ, лучше докажи судьбѣ,
Что можешь быть великъ душою,
Спокоенъ, вопреки всему.
Чего робѣшь? ты самъ съ собою!
Прибѣгни къ сердцу своему:
Оно твой другъ, твоя опрада,
За всѣ несчастія награда —
Еще ты въ свѣтѣ не одинъ! —
Еще ты міра гражданинъ!...
Смотри, какъ солнце надъ тобою
Сіяетъ славой, красою;
Какъ ясенъ, чистъ небесный сводъ;
Какъ мирно, тихо все въ Природѣ!
Зефиръ струитъ зеркало водъ,

И пшички въ радостной свободѣ
Поюшѣ: *будь веселѣ, улыbnись!*
Поюшѣ согласнымѣ, нѣжнымѣ хоромѣ.
А ты споишь съ унылымѣ взоромѣ,
Съ душею мрачной?.. Ободришь,
И вспомни, что бывалѣ ты прежде,
Какѣ мудрымѣ въ чувствахѣ подра-
жалѣ,
Сократа сердцемѣ обожалѣ,
Съ Кашономѣ смерть любилѣ, въ на-
деждѣ

Носишь безсмертія вѣнецъ.
Житейскихъ радостей конецъ
Да будешь для себя началомъ
Геройской твердости въ душѣ!
Язвимый людскихъ бѣдствій жаломъ,
Забвенный въ шемномъ шалашѣ
Всѣмъ въ свѣтомъ, ложными друзьями,
Умѣй спокойными очами
На міръ обманчивый взирашь,
Нешасстье съ щасстьемъ презираешь!

Я сполько лѣтъ мечтой плѣнялся,
Хотѣлъ блаженства, восхищался!..
Въ минушу все покрылось тьмой,
И я остался лишь съ шоской!

Такъ нѣкій зодчій, созидая
Огромный, велелѣпный храмъ
На диво будущимъ вѣкамъ,
Гордился духомъ, помышляя

О славу дѣла своего;
Но вдругъ огромный храмъ трясется,
Падешъ.... упалъ.... и нѣтъ его!...
Что жь бѣдный зодчій? онъ клянется
Не спроишь впредь, безпечно жишь — —
А я клянуся... не любишь!

П ъ с н я.

Нѣшѣ, полно, полно! впредь не буду
Себя пусшой надеждой льсшишь,
И васѣ, красавицы, забуду.
Нѣшѣ, нѣшѣ! что прибыли любить?

Любилѣ я рѣзвую Плѣниру,
Любилѣ веселую Темиру,
Любилѣ и сердцемѣ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,
Моею спрасшью забавлялись;
А я — я слезы лилѣ рѣкой!

Нѣшѣ, полно, полно! впредь не буду
Себя пусшой надеждой льсшишь,
И васѣ, красавицы, забуду.
Нѣшѣ, нѣшѣ! что прибыли любить?

Мнѣ горы золоша сулили;
Надѣйся! взоромѣ говорили.
Пришло кѣ развязкѣ наконецѣ....
И чшожѣ? мнѣ двери указали!
Учись знать шутку, другѣ! сказали —
Онѣ смѣются!... я глупецѣ!

Нѣшѣ полно, полно! впредь не буду
 Себя пустой надеждой льсшишь,
 И васѣ, красавицы, забуду.
 Нѣшѣ, нѣшѣ! что прибыли любить?

Томѣ ввѣкѣ несчастливѣ будешѣ съ
 вами,

Кто любитѣ прямо, не словами.
 Вамѣ мило головы кружишь,
 Играшь невинными сердцами,
 Даришь насѣ рабствомѣ и цѣпями,
 И только для щеславья жишь.

Нѣшѣ, полно, полно! впредь не буду
 Себя пустой надеждой льсшишь,
 И васѣ, красавицы, забуду.
 Нѣшѣ, нѣшѣ! что прибыли любить?

Ахѣ! лучше по лѣсамѣ скишаться,
 Съ Лапландцами вѣ снѣгу валяшся
 И плавать вѣ лодкѣ по морямѣ,
 Чѣмѣ быть плаксивымѣ Селадомѣ,
 Твердишь *увы* печальнымѣ тономѣ,
 И ввѣкѣ служишь пошѣхой вамѣ!

Нѣшѣ, полно, полно! впредь не буду
 Себя пустой надеждой льсшишь,
 И васѣ, красавицы, забуду.
 Нѣшѣ, нѣшѣ! что прибыли любить?

В р е м я.

Всѣ вещи разрушаетъ время,
И мрачной скукой насъ помишъ;
Оно какъ тяжостное бремя
У смертныхъ на плечахъ лежитъ.
Намъ, право, согласишься должно,
Ему такимъ же зломъ плашишь,
И дѣлашь все, чѣмъ только можно
Его скорѣе погубишь.

Къ Мелодору.

Въ отвѣтъ на его Пѣснь Любви.

Когда блѣднѣеиъ все въ подлунномъ
 мрачномъ мирѣ,
 И жертвы плаваюиъ въ дымящейся
 крови (*),
 Тогда, о Мелодоръ! на крошкѣ, нѣж-
 ной лирѣ
 Играя, ты поеиъ о сладостяхъ любви?
 Умолкни, милой другъ!... Кто будеиъ
 наслаждаеиъ
 Гармоніей твоей? кто ею восхищаеиъ-
 ся?...
 Но нѣтъ! играй и пой, любезнѣйиъ
 Орфей!
 Поеиъ и въ страшный громъ на мир-
 шахъ соловей (**)!

(*) Тогда была война.

(**) Сїи стихи писаны во время грому—и въ самую ту минуу пѣлъ соловей.

Х л о я.

Пусть свѣтъ злословный утвер-
ждаетъ,
Что въ Хлоѣ постоянства нѣтъ;
Что Хлоя всякой день мѣняетъ
Любви своей предметъ!
Не правда: Хлоя обожаетъ
Всегда одинъ предметъ;
Его всему предпочитаетъ —
„Кого же? вѣрно не себя?“
Ахъ, нѣтъ!... себя!

~~~~~

Л и л е я.

Я вижу тамъ лилею:
Ахъ! какъ она бѣла,
Прекрасна и мила!
Душа моя плѣнилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держать въ рукахъ и цѣловать; —
Хочу — но рокъ меня съ лилеей раз-
лучаетъ:
Ахъ! бездна между насъ зияетъ!..
Тоска перзаетъ грудь мою;
Спою печально, слезы лью.

Взираю издали на нѣжную лилею —
Она сотворена бышь, кажешся, моею,
И тихой вѣтерокъ
Ко мнѣ склоняетъ стебелѣкъ
Ея зеленой, изумрудной;
Ко мнѣ же обращенъ и бѣленькой цвѣ-
токъ,
Головка снѣжная, ко мнѣ... но рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: она не для тебя!
Увянетъ не съ твоей слезою;
I.

Другой сорветъ ее холодною рукою
А ты . . . смотри, терзай себя!

О Лиза! я съ побою
Душей дѣлишься сошворенъ,
Но бездной разлученъ!

Гекторъ и Андромаха.

Переводъ изъ шестой книги Иліады.

(Во время сраженія Троянъ съ Греками, Гекторъ у воротъ городскихъ прощается съ Андромахою; подлѣ нее стоишъ кормилица, держа на рукахъ маленькаго сына ихъ. Сія сцена изображена на многихъ картинахъ и эстампахъ.)

Безмолвствуя, Герой на милую взираешъ,
И къ сердцу нѣжному супругу прижимаешъ;
Тоска въ ея душѣ, уныніе и страхъ.
„О Гекторъ!“ — говоришъ печальная
въ слезахъ—
„Ты хочешь умерешь! оставишь
сирошою
„Младенца бѣднаго, меня навѣкъ вдовою!
„Ахъ! можно ль жишь тому, кто жизни не щадишъ?
„Геройство, храбрый духъ тебя не
защитишъ.

- „Враги безчисленны: тебѣ погибнуть
должно! ...
- „О боги! естли вамъ спасти его
не можно,
- „Пусть прежде я навѣкъ сомкну гла-
за свои!
- „Въ печали, въ горести возникли дни
мои:
- „Въ печали, въ горести имъ должно
и скончаться!
- „Почто мнѣ въ свѣтѣ жить? кѣмъ
буду утѣшаться?
- „Всѣ ближніе мои въ сырой землѣ
лежатъ.
- „Озлобленный Ахиллѣ разрушилъ сла-
вный градъ,
- „Гдѣ царствовалъ нашъ родъ; убій-
ственной рукою
- „Лишивъ меня опца, Ахиллѣ почпилъ
слезою
- „Его пусынный гробъ, надъ коимъ
царскій щитъ,
- „Блестящее копье и шлемъ съ мечемъ
виситъ;
- „Гдѣ тлѣетъ прахъ его подъ тѣнью
древъ священныхъ,
- „Руками Ореадъ въ семъ мѣстѣ на-
сажденныхъ

„И братія мои вѣ невинности своей
 „Погибли на зарѣ цвѣтущихъ, юныхъ
 дней.

„Зеленые луга ихъ кровью обагрились,
 „Гдѣ съ агнцами они играя весе-
 лились.

„Смерть вѣ младости страшна! Оста-
 лась мать моя;

„Но строгій, тяжкій плѣнъ былъ
 жребіемъ ея;

„Когда же наконецъ вѣ опчизну воз-
 врашилась,

„Отъ горести и слезъ вѣ міръ тѣней
 преселилась.

„Но я не сирота, пока супругъ мой
 живъ;

„И съ Гекторомъ судьбу мою со-
 единивъ,

„Родителей, друзей и братій вѣ немъ
 имѣю.

„Вѣ тебѣ они живутъ: ты смертию
 своею

„Ихъ снова умертвишь. — Ахъ! сжалъ-
 ся надо мной...

„ Надъ бѣднымъ, плачущимъ, безмол-
 внымъ сиротой!

„Сей день ужасенъ мнѣ: останься,
 Гекторъ, съ нами!

„Пусть войны твои сражаются съ
врагами;

„Но ты останься здѣсь, и городъ за-
щищай.

„Смотри, какъ вождь Апридъ, какъ
храбрый Менелай,

„Аяксъ, Идомей, Ахейскіе Герои,

„Стремятся дерзостно къ врагамъ
священной Трои:

„Будь спражемъ нашихъ спѣвъ; су-
пругу успокой!“

„Что скажутъ обо мнѣ (опивш-
свуется Герой)

Фригійскіе сыны и дщери Иліона,

Когда укроюсь здѣсь? Не я ль защит-
никъ прона

Родителей моихъ? — Кто съ самыхъ
юныхъ дней

Учился не робѣть сверкающихъ ме-
чей;

Кто въ битвахъ возмужалъ, и ды-
шетъ только славой,

Тому опасности всѣ должны быть
забавой.

Сіянье дѣлъ моихъ зашмился ль нынѣ
вдругъ?...

Погибнешъ не въ сѣнахъ, но въ полѣ
твоей супругъ!

Увы! настанетъ день, предсказанный
Судьбою,
Настанетъ въ ужасъ, и въ прахъ низ-
вергнетъ Трою!..
Падетъ, разрушится священный Илі-
онъ!
Падетъ, разрушится Пріамовъ свѣш-
лый пронъ!
Падутъ его сыны!.. Фригійская дер-
жава
Исчезнетъ какъ мечта — умолкнетъ
наша слава!..
Но что душѣ моей ужаснѣе всего?
Не гибель Фригіи и рода моего,
Не жалоспная смерть родителей по-
чтенныхъ,
И братій, въ юности цвѣтущей убіен-
ныхъ,
Но участь слезная супруги моея...
Сшенаніе, тоска неволи швоея
Въ опечесствѣ враговъ!... Тамъ гордый
побѣдитель,
Троянскихъ древнихъ спѣнъ свирѣ-
пый сокрушитель,
Захочетъ при тебѣ сей подвигъ ве-
личашъ,
Чтобъ горесшью швоей свой злобный
духъ пишашъ;
Велишъ тебѣ ишши съ фіалою зла-
шюю

На Гиперійскій ключь, за пѣнисшой
 водою—
 И мсшишельной народѣ, швою печаль
 любя,
 Съ коварной радостью шамѣ спроситѣ
 у тебя:
 Супругу ль Гектора мы видимѣ предѣ
 собою?
 Ты шяжко воздохнешь, и слезною рѣ-
 кою
 Омоешь грудь свою!... Но прежде
 боги мнѣ
 Ошкроютѣ путь во гробѣ. Вѣ глу-
 бокомѣ, вѣчномѣ снѣ
 Не буду зрѣшѣ, что ты, любезная,
 спрадаешь—
 Пока швой Гекторѣ живѣ, печали
 не узнаешь!“

Сказавѣ сіе, Герой младенца хочетѣ
 взятьъ,
 Чшобѣ съ нѣжной ласкою прелест-
 наго обняшѣ;
 Но грозный шлемѣ его младенца успра-
 шаетѣ:
 Онѣ плачетѣ, и глаза рукою закры-
 ваетѣ. —
 Съ улыбкой Гекторѣ зришѣ на сына
 своего,

И черный, грозный шлемъ снимаетъ
для него;

Берешъ любезнаго, цѣлуешъ съ восхи-
щенъемъ,

И вверхъ его поднявъ, вѣщаетъ съ
умилениемъ:

„Премудрый царь боговъ, всесильный
богъ Зевесъ!

И вы, бессмертные властители не-
бесъ!

Кранише дни его! Подъ вашею за-
щитой

Да будетъ онъ Герой, въ потомствѣ
знаменишой;

Да будешъ Гекшоромъ щасливѣй-
шихъ временъ . . .

Украшенъ славою и храбрыми почтенъ,
Ужасенъ для враговъ, непобѣдимый
воинъ!

Да скажущѣ всѣмъ о немъ: сей сынъ
отца достоинъ,

Безсмертенъ по дѣламъ и подвигамъ
своимъ! . .

И сердце матери да радуется имъ! “—

Сказавъ, любезнаго младенца ей вру-
чаетъ.

Она беретъ его и къ сердцу прижи-
маешъ,

Покоитъ на груди, усмѣшкой весе-
 лишъ.
 Но нѣжная слеза въ очахъ ея бле-
 снитъ;
 Трепещетъ грудь ея, волнуется отъ
 страха. —
 Со вздохомъ Текторъ ей вѣщаетъ:
 „Андромаха!
 „Ты плачешь?... Ахъ! почто безвре-
 менно страдаешь?
 „Не власненъ у меня врагъ злобный
 жизнь опиятъ,
 „Доколѣ я хранимъ державными бо-
 гами.
 „Назначенъ всѣмъ предѣлъ небесны-
 ми Судьбами,
 „И рано ль, поздно ли, скончается
 нашъ вѣкъ;
 „Неустрашимый вождь и робкій чело-
 вѣкъ—
 „Со славой иль стыдомъ — низыдешъ
 въ гробъ безмолвно,
 „Осшая милыхъ, всѣхъ родныхъ, дру-
 зей... Но полно!
 „Поди, любезная! и дома скорбь раз-
 сѣй
 „Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ тру-
 бный, сшукъ мечей
 „Зовешъ меня на брань. Тому, кто
 всѣхъ славнѣе,

„Бышь должно впереди,— бышь шамъ,
гдѣ врагъ сильнѣе.“

Герой вѣ послѣдній разъ на милую
воззрѣлъ,
Обшеръ ея слезу... и грозный шлемъ
надѣлъ.

Супруга нѣжная должна повиновашь-
ся—

Идешъ вѣ свой тихій домъ слезами
обливаясь —

Взираешъ издали на друга своего —
Взираешъ... но уже вдали не зришь
его!

Вздохнувъ, спѣшишь она вѣ чертогъ
уединенный,
Древями мрачными печально осѣ-
ненный.

Тамъ вѣ горести своей желаетъ уме-
реть;

Предчувствуя ударъ, оплакиваетъ
смерть

Супруга своего; зришь вѣ мысляхъ
предъ собою

Его кровавый шрупъ, несомый тихо
вѣ Трою

На Греческихъ щипахъ... И солнце
для нее

Упрашило навѣкъ сіяніе свое.

Посланіе къ женщинамъ.

The gen'rous God, who wit and gold re-
fines (*),
And ripens spirits as he ripens mines,
To you gave sense, good humour and . . .
a Poet. — Pope.

О вы, которыхъ мнѣ любезна благо-
склонность,
Любезнѣе всего! которымъ съ юныхъ
лѣтъ
Я въ жертву приносилъ, чего дороже
нѣтъ:

Спокойствіе и вольность; —
Которыхъ милые глаза,
Улыбка и слеза
Законъ въ душѣ моей писали,
И мною такъ играли,
Какъ рѣзвый вѣщерокъ перомъ,
Тогда еще, какъ я гонялся
За неспрымъ мошьякомъ,
Считалъ себя богатыремъ,
Когда на дерево взбирался
За пшашкинымъ гнѣздомъ. . .

(*) То есть Фебъ или Аполлонъ.

(И все лишь для того, чтобъ милой,
нѣжной Розѣ,

Красоткѣ нашего села,
Подобной въ самомъ дѣлѣ розѣ,
Подаркомъ угодишь; чтобъ Роза мнѣ
была

Обязана своей забавой)....

О вы, для коихъ я хошѣлъ враговъ
разить(*),

Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хошѣлъ воин-
ской славой

Почтеніе людей, опличность заслу-
жишь,

Чтобъ съ лавромъ на главѣ предъ
вашими очами

Явись и скажешь: „для васъ, для
васъ и вами!

„Возьмите лавръ, а мнѣ въ награ-
ду... поцѣлуй!“

Для коихъ послѣ я, въ войнѣ добра
не видя,

Въ чиновныхъ гордецахъ чины возне-
навидя,

Вложилъ свой мечъ въ ножны („Россія
поржесивуй,

Сказалъ я, безъ меня!“)... и, вмѣсто
острой шпаги,

(*)Авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ
ѣхать въ армію.

Взялѣ въ руки листѣ бумаги,
 Чернилицу съ перомѣ,
 Чшобѣ бытъ писателемѣ, швор-
 цомѣ,
 Для васѣ, красавицы, пріятнымѣ;
 Чшобѣ слогомѣ чистымѣ, сердцу
 внятнымѣ,
 Ошпѣнки вамѣ изображають
 Спрасшей щасшливыхѣ и неща-
 сныхѣ,
 То крошкихѣ, шо ужасныхѣ;
 Чшобѣ вы могли сказають:
 „Онѣ право милѣ, и вѣрно перево-
 дишь
 „Все темное въ сердцахѣ на ясный
 намѣ языкѣ;
 „Слова для шонкихѣ чувствѣ на-
 ходишь!“—
 О вы, въ которыхѣ я привыкъ
 Любить себя, Природу
 И все, что смертныхѣ роду
 Въ предметѣ любви дано!
 Я къ вамѣ хочу писать посланіе спи-
 хами.
 Дамѣ волю сердцу: пусть оно
 Съ своими милыми друзьями
 Чшо хочешь, говоришь!
 Не нужно думать мнѣ: слова шекушь
 рѣкою

Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ
всей душою.

Любовь стихи живошворишь,
И старому даешь видъ новой.

Скажу вамъ, милыя — и чѣмъ другимъ
начашь? —

Что вы родитесь свѣтъ моральный
украшаешь,

Который бы безъ васъ въ угрюмости
суровой

Былъ самой мрачной свѣтъ.

Нешасный Мизогинъ (*) въ Сибири
вовѣкъ живешь:

Напрасно Фебъ надъ нимъ въ величїи
сіяешь —

Душа его отъ хлада умираешь.

Къ сердцамъ и къ щасїю Судьбой
вамъ опданъ ключъ;

У васъ въ очахъ блесшишь небесный,
тихій лучъ,

Который показашь намъ долженъ путь
къ блаженству,

Добру и совершенству;

Другимъ путемъ къ тому вѣки не
дойдемъ.

Три спроси правяшь свѣтомъ:

Одна имѣешь честь предметомъ,

(*) То есть, ненавистникъ женскаго пола.

Другая золото, а прешьюе живемъ
 Для вашихъ милыхъ глазъ. Ахъ! пер-
 вая доводитъ
 Людей до спрашныхъ бѣдъ, злодѣевъ
 производитъ,
 Жестокихъ, мрачныхъ Силъ
 И яросныхъ Апшилъ.

Тамъ льется кровь рѣкой, здѣсь градъ
вѣ огонь пылаетъ—
На что?.... Герой (*) желаетъ
Сказать: „я любилъ,
„И честь безсмертія геройствомъ за-
служилъ!“

Но дни побѣдами счишая,
Пусть скажешь, много ли минуѣ бла-
женныхъ челѣ
Онѣ въ жизни для себя? и лавромъ
осѣняя
Надменное чело, не часто ли хошѣлъ
Укрышся въ сѣнь лѣсовъ, чтобъ
жертвѣ, его рукою
Сраженныхъ, не видашь,
Ихъ вопля не слыхашь?

(*) То есть ложной Герой, Аппила и подобные ему. Истинные Герои сражаются для пользы своего опечесства. — Здѣсь Авторъ представляетъ *честолюбіе* только съ дурной стороны; о хорошей — молчитъ.

Пушѣ славы не ведешѣ къ сердечному
покою;

Мы зримѣ на немѣ довольно розѣ,
Но больше шерній, больше слёзѣ.
Ахѣ! щасѣе любишѣ мирѣ, отѣ шума
убѣгаешѣ:

Таковѣ Небесѣ усшавѣ!

Кшо жѣ вѣ злашѣ душу полагаетѣ,
Тотѣ, всѣ сокровища собравѣ,
Еще души не обрѣшаетѣ
Ни вѣ злашѣ, ни... вѣ самомѣ
себѣ!

Всегда какѣ червь ползетѣ во
прахѣ;

Всегда живешѣ вѣ ужасномѣ спра-
хѣ,

Чшобѣ вдругѣ не вздумалось Судьбѣ
Лишишѣ его сокровищѣ милыхѣ;
Таишся какѣ сова вѣ шѣни ночей уны-
лыхѣ,

Бояся, чшобы Фебѣ его не освѣшилѣ
И золоша вѣ мѣшкахѣ лучемѣ не
расшопилѣ.

Трепещетѣ листѣ, и сердце вѣ
немѣ трепещетѣ...

„Конечно ворѣ ко мнѣ идетѣ!“...

Гдѣ искра вѣ воздухѣ сверкнетѣ,
Тамѣ, кажешся ему, кинжалѣ убійцы
блещетѣ —

И сей безумный человекъ
 Съ шоскою на часахъ проводишь весь
 свой вѣкъ.

Но кто плѣнится вами,
 Любезныя мои, какъ милъ бываетъ
 шопъ,
 Какъ нѣженъ сердцемъ, добрѣ
 дѣлами!
 Природа для него есть зрѣлище кра-
 сотъ.
 Не ищетъ рая онъ въ предѣлахъ,
 намъ безвѣстныхъ, —
 Вверху, за солнцемъ, выше звѣздъ;
 Онъ рай нашелъ въ глазахъ преле-
 стныхъ
 Любовницы своей; и тѣхъ священныхъ
 мѣстъ,
 Гдѣ милая гуляетъ,
 Гдѣ, сидя надъ ручьемъ, о другѣ по-
 мышляетъ,
 Не промѣняетъ онъ на вѣчную весну
 Полей блаженныхъ, Елисейскихъ.
 Онъ умеръ — для суетъ жишей-
 скихъ;
 Живетъ — лишь для любви, и зришь
 любовь одну
 Во всемъ твореніи обширномъ;
 Бѣжитъ отъ скуки городской,

Чтобъ въ сельскомъ кровѣ мир-
 номъ
 Пишеть въ груди своей чувствитель-
 ность, покой.
 Гдѣ тихо горлицы воркуютъ,
 Другъ друга съ нежностью ми-
 луютъ,
 И гнѣздышко себѣ на юныхъ миршахъ
 вьетъ;
 Гдѣ двѣ малиновки поютъ;
 Гдѣ всѣ богатства Флоры
 Сіяютъ на лугахъ,
 Какъ пурпуръ, золото Авроры
 Въ часъ утренній блестятъ на пон-
 кихъ облакахъ:
 Тамъ онъ, подъ сѣнью древъ
 душистыхъ,
 Тамъ онъ, подъ шумомъ водъ среб-
 рисыхъ,
 Съ любезною своей въ восторгахъ
 дни ведетъ,
 И только лишь отъ нежныхъ
 чувствъ вздыхаетъ,
 И только лишь отъ счастья слезы
 льетъ.
 Вкушая радости, онъ радость со-
 общаетъ
 Всему вокругъ себя: приблизится ли
 къ нему

Печальный во слезахъ? онъ слезы осу-
 шаетъ —
 Убогой ли придетъ? онъ все даетъ
 ему,
 Желая, чтобъ весь міръ съ нимъ вмѣ-
 стѣ наслаждался,
 Любился, восхищался.....
 Велише мнѣ избрать подсолнечной
 царя:
 Кого я изберу, усердіемъ горя
 Ко щастію людей? Того, кто всѣхъ
 нѣжнѣе,
 Того, кто всѣхъ сираснѣе
 Умѣетъ васъ любить — и свѣтъ бы
 щастливъ былъ!
 Ахъ! самой люшой воинъ,
 Который ввѣкъ на ратномъ полѣ
 жилъ,
 (И жизни былъ едва ли досто-
 инъ!)
 Смягчается душой, восчувствовавъ
 любовь;
 Услышавъ имя той, которою пылаетъ,
 Щадитъ враговъ сраженныхъ
 кровь,
 И мечъ подъятый... опускаетъ.
 Не рѣдко и скупецъ, чтобъ милой
 угодишь,
 Пріятный взоръ ея, улыбку заслужишь,

Бываетъ сирыхъ другъ и нищихъ
благодѣтель.

Вотъ дѣйствіе любви — вотъ ваша
добродѣтель!

Пусть сурогій мужъ Зенонъ въ угрю-
мости своей

Кричитъ, что должно жить намъ въ
свѣтѣ безъ спрасшей,

Людьми лишь называться,

Но камнемъ въ сердца бытъ:

Ученію сему въ архивахъ оспаваться,

Въ сердцахъ вовѣки не входяшь;

Природа, истина его не освятили

Печашію своей. Сей разумъ, коимъ
насъ

Судьбы благія одарили,

О коемъ мудрецы швердятъ намъ
всякой часъ,

Не есть ли щедрый даръ безъ склон-
ностей сердечныхъ?

Онѣ - то движутъ насъ; безъ нихъ
и умъ молчитъ,

Погибель ждетъ пловцовъ безпечныхъ,

Когда ихъ кормщикъ въ бурю спитъ;

Но кормщику не можно

Безъ вѣтра моремъ плыть. Уму лишь
правильно должно

Кормиломъ жизни сей:

Насъ по морю несешъ шумящій вѣтръ
спрасшей...

Блаженъ, кто съ вѣющимъ Зе-
фиромъ,
Съ любовью въ сердцѣ и въ очахъ,
Лешитъ на парусныхъ крылахъ
Къ щасливой пристани, гдѣ съ
миромъ
Насъ Геній тихой смерти ждетъ!

„Но часто страсть любви насъ къ
гореснямъ ведетъ!“

Не часто, — иногда: такъ тихая
лампада,

Во шьмѣ для мудраго ошрада,
Бываетъ пагубна для рѣзвыхъ мо-
шылковъ:

Уже ли для того во мракѣ вечеровъ
Сидѣшь намъ безъ огня? О бабочкѣ
вздыхаю,

Но свѣчку снова зажигаю.

Злощасный Вершеръ не законъ;
Тамъ гробъ его: глаза рукою закры-
ваю...

Но здѣсь цвѣтами осыпаю
Тьму брачныхъ олшарей, гдѣ милый
Купидонъ
И скромный Тименей навѣкъ соединя-
ютъ

Любовниковъ сердца,
И чашу жизни ихъ блаженствомъ на-
полняющъ.

Но за одну ли спрасъ достойны вы
вѣнца?

Вамъ юная душа поручена Судьбою;
Младенецъ съ первою слезою
Вамъ, милая, себя въ науку отдаетъ;
Съ улыбкой, чувствомъ ожив-
ленной,
Отъ васъ онъ первыхъ мыслей
ждетъ.

Сей цвѣтъ одушевленной
Лишь вашею рукой быть можетъ
возращенъ,
Отъ хлада, бури сохраненъ.
Съ любовью матери онъ мило расцвѣ-
щаетъ;
Изъ глазъ ея въ себя лучъ крошоси
впиваетъ,
И зрѣетъ нѣжною душой.

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ
мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ
былъ Судьбой!

Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ
быть тобой!

Другіе на колѣняхъ
Любозныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой
земли,

На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, ми-
лый
Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соеди-
ненъ!

Твой тихій нравъ остался мнѣ въ
наслѣдство;

Твой духъ всегда со мной.

Невидимой рукой

Кранила ты мое безопытное дѣт-
ство;

Ты въ лѣшакъ юноши меня къ до-
бру влекла,

И совѣстью моею въ часъ слабостей
была.

Я часто тѣнь твою съ любовью обни-
маю,

И въ вѣчности тебя узнаю!...

Проспите мнѣ, что я о мертвой вспо-
мянулъ,

И съ горестью вздохнулъ!

Подобно какъ въ саду, гдѣ роза съ
нѣжнымъ криномъ,
Нарцисъ и анемонъ, аврикула съ яс-
миномъ,

И тысячи цвѣтовъ
Неспрѣютъ на берегу кристальныхъ
ручейковъ,
Не знаешь, что хвалишь, надъ чѣмъ
оспановишься,

На что смотришь, чему дивишься:
Такъ я теряюсь въ красотахъ
Прелестныхъ вашихъ душъ. — Хва-
лишь ли въ васъ то чувство,
Которымъ истину находите въ ве-
щахъ (*)

Скорѣ всѣхъ мужчинъ? Намъ надобно
искусство,
Трудишься разумомъ, работаешь, раз-
мышляешь,

Чтобъ истину сыскать;
Для насъ она живетъ въ лѣсахъ, въ
вершесахъ темныхъ
И въ кладезахъ подземныхъ:

(*) Я нѣсколько разъ имѣлъ случай удивляться
острому понятію женщинъ, которое Ла-
фатеръ называетъ чувствомъ истины.
Мушина десять разъ перемѣняетъ мысли
свои; женщина остается при первомъ чув-
ствѣ, — и рѣдко обманывается.

Для васъ же пшичкою лешаетъ на
лугахъ;

Махнете ей, — и вдругъ она у васъ
въ рукахъ....

Скажете, отъ чего мудрецъ Сократъ
милъ

Всѣхъ прочихъ мудрецовъ? учение его

Пріятнѣе другихъ, пріятнѣе, силь-
нѣе

Насъ къ мудрости влечетъ? Я знаю
— отъ того,

Что Грацій онъ любилъ, съ Аспазіей
былъ друженъ.

Философу совѣтъ вашъ нуженъ,
Чтобъ умъ людей плѣнитъ, подобно
какъ сердца

Умѣете плѣнять. Любезность мудреца

Должна быть истинъ приправой;

Иначе скученъ намъ и самый разумъ
здравой —

Любезность же сія есть вашъ без-
цѣнный даръ.

Хвалишь ли въ васъ потѣ жаръ,
Съ кошорымъ вы всегда добро шво-
ришь гошovy?

Вамъ милы бѣдныхъ кровы;

Для васъ они священный храмъ,

Гдѣ добродѣтели небесной

Рукою вашею прелестной

Куришся ѿиміамъ.

У васъ учишься должно намъ,
Какъ ближнему служишь. Я видѣлъ
женъ прекрасныхъ,
Которыхъ юный вѣкъ тому лишь
посвященъ,

Чтобъ муки ушляшь несчаст-
ныхъ(*);

Всечасно взоръ ихъ устремленъ
На то, что душу возмущаетъ:
На скорбь, спраданіе и смерть!
Съ какою крошосшью ихъ голосъ
увѣщаетъ

Болящихъ не ропшашъ на Бога, но
терпѣшь!

Колѣна преклонивъ, одна у Неба про-
ситъ

Имъ здравіа, или... спокойнаго конца;
Другая пише цѣлебное разноситъ,
И ласкою живитъ тоскующихъ сердца.

Своею красошою

Могли бъ онѣ Царей плѣняшь;
Но имъ милѣе бытъ съ болѣзнью, нище-
шою,

Чтобъ бремя ихъ сколь можно
облегчашъ!

(*) Орденъ такъ называемыхъ *сестръ милосердія*, *Sœurs grifes*, которыхъ вѣжному челоѡколюбію удивлялся я въ Ліонскихъ больницахъ.

Я былъ шому свидѣтель,
И слезной, пламенной рѣкой
Излилъ восторгъ души. — Ахъ! бла-
госъ, добродѣтель
Священнѣе всего являющъ образъ свой
Въ лицѣ красавицы любезной!

Хвалишь ли васъ, друзья мои, за даръ
полезной

Мушинъ развеселяшъ
Однимъ пріятнымъ взоромъ?
Безъ васъ что дѣлашъ намъ? Другъ
друга усыпляшъ
Холоднымъ, скучнымъ разгово-
ромъ!

Явишесь въ обществѣ съ усмѣшкой
на устахъ,

И вдругъ во всѣхъ очахъ
Веселья лучъ сверкнешъ; нашъ разумъ
оживится;

Чтобъ милымъ полюбишься,
Мущина самъ бываетъ милъ...

Но кшобъ исчислилъ все, чѣмъ свѣшу
вы полезны,

Чѣмъ сердцу вы любезны,
Тотъ Эйлеръ бы другой въ наукѣ чи-
слить былъ.

Довольно, что вы насъ во всемъ, во
всемъ добрѣ,

Почти во всемъ умнѣе,
И будете всегда намъ въ нѣжности
примѣръ.

Пусть васъ злословишь — лице-
мѣръ,
Которой для того красавицъ пори-
цаешь,
Что средства нравиться красавицамъ
не знаешь!

Скажите, что любезенъ онъ —
И страшный Мизогинъ вдругъ будетъ
... Селадонъ!

Положимъ, что найши въ васъ сла-
бости возможно;
Но развѣ отъ того луна ужъ не свѣ-
тла,
Что видимъ пятна въ ней? Ахъ, нѣтъ!
она мила,
И крошкой свѣтъ ея Поэтамъ сла-
вишь должно.
Луна есть образъ вашъ: ея сребри-
стый лучъ

Тьму ночи озаряешь,
А прелестъ ваша намъ отраду въ грудь
вливаешь

Среди печальныхъ жизни шучь.

Гдѣ только люди просвѣтились,
Жишь, мыслишь научились,

Мущины обожаютъ васъ.

Гдѣ разумъ, чувство въ усыпленьи;
Гдѣ смертныхъ родъ во шѣмъ невѣ-
жества погрязъ;

Гдѣ санъ, права людей въ пре-
зрѣньи,

Тамъ презрѣны и вы. — О Азія, раба
Насильствъ, предразсужденій!

Когда всемогущая Судьба

Въ тебѣ разсѣетъ мракъ несчастныхъ
заблужденій,

И нѣжный полъ отъ узъ освободишь?

Когда познаешь ты пріятность воль-
ной спраси?

Когда въ тебѣ любовь сердца соеди-
нитъ,

Не шаякая рука жестокой, лютой
власши?

Когда не гнусной стражъ, не крѣ-
пость мрачныхъ стѣнъ,

Но вѣрность красотъ хранилищею
будешь?

Когда въ любви ширяи — мущина по-
забудетъ,

Что больше женщины онъ силой на-
дѣленъ?

Когда? когда? ... Уже Дщерь Неба,
Другъ Судбины,

Воззрѣла на себя — орлы ЕКАТЕРИНЫ

Къ своимъ спранамъ лешятъ,
 И человекства любезной половинѣ
 Тамъ вольность возвѣспятъ!...
 Хоръ женщинъ загремитъ: *хвала и*
честь Богинѣ!

Цвѣти, "о нѣжный полъ! и сыпь на
 насъ цвѣшы!
 Исчезли для меня прелесныя меч-
 ты —
 Уже я не могу плѣнять васъ красо-
 тою,
 Ни юностью своей: весна моя прошла;
 Зрю осень предъ собою,
 А осень, говоряшъ, скучна и не ми-
 ла!
 Но все еще вашъ взоръ бываетъ мнѣ
 опрадой,
 И сладкою наградой
 За то, что въ жизни я опъ злыхъ му-
 щинъ терплю;
 Но всё, но всё еще люблю
 Въ Апрѣлѣ рвать фіялки съ ва-
 ми,
 Въ жаръ лѣтній отдыхать въ тѣни
 надъ ручейками,
 Въ печальномъ Октябрѣ грустить и
 шосковать,

Зимой передъ огнемъ романы сочи-
 няшъ,
 Васъ тѣшишь и спращаешь!
 Сказавъ любви: *прости!* я дружбою
 свяшою
 Живу и жить хочу. Мнѣ рѣзвой Ку-
 пидонъ
 Отсставку подписалъ — любовникъ съ
 сѣдиною
 Не можешь щасливъ быть: таковъ
 Судьбы законъ —
 Но истинныхъ друзей я въ васъ же
 обрѣтаю.
 Нанина! десять лѣтъ томъ день бла-
 гословляю,
 Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ
 первой разъ;
 Гармонія сердецъ соединила насъ
 Въ единый мигъ навѣкъ. Что былъ
 я? сиротою
 Въ пространномъ мірѣ семъ; скучалъ
 самимъ собою,
 Печальнымъ бытіемъ. Никто меня
 не зналъ,
 Никто участія въ судьбѣ моей не
 бралъ.
 Чувшвишельность въ груди пи-
 тая,
 Въ сердцахъ у всѣхъ людей я камень
 находилъ.

Среди цвѣтущихъ дней душею увя-
дая,

Не въ свѣтѣ, но въ пустынѣ
жилъ.

Ты дружбой, искренностью милой
Утѣшила мой духъ унылой;

Святой любовью своей

Во мнѣ цвѣтѣ жизни обновила,

И въ горестной душѣ моей

Источникъ радостей открыла.

Теперь, когда я заслужилъ

Улыбку Грацій, Музъ прелест-
ныхъ,

И гордой свѣтѣ меня улыбкою по-
чтилъ;

Не мало слышу я привѣтствій, сер-
дцу лестныхъ,

Отъ добрыхъ, нѣжныхъ душъ. Слав-
нѣйшіе творцы,

и Фебовы друзья, безсмертные Пѣвцы,

Меня въ любви своей, въ пріязни увѣ-
ряютъ,

И слабый мой талантъ къ успѣхамъ
ободряютъ.

Но знай, о милый другъ! что друж-
бою твоей

Я болѣе всего горжуся въ жизни сей,

И хижину съ побою,

Безвѣстность, нищету,

Чертогамъ золотымъ и славѣ пред-
почту.

Что истина своею рукою
Напишешь надъ моею могилою? Онъ
любилъ:

Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ дру-
гомъ былъ!

Графъ Гвариносъ.

*Древняя Гишпанская Историческая
пѣсня.*

Худо, худо, ахъ Французы!
Въ Ронцевалѣ было тамъ!
Карлъ Великой тамъ лишился
Лучшихъ Рыцарей своихъ.

И Гвариносъ былъ поиманъ
Многимъ множествомъ враговъ;
Адмирала вдругъ плѣнили
Семь Арабскихъ Королей.

Семь разъ жеребей бросающъ
О Гвариносъ Цари;
Семь разъ сряду достается
Марлошесу онъ на часъ.

Марлошесу онъ дороже
Всею Аравіи большой.
„Ты послушай, что я молвлю,
„О Гвариносъ!“ онъ сказалъ.

„Ради Аллы, храбрый воинъ,
Нашу вѣру пріими!
Все возми, чего захочешь,
Что приглянешся тебѣ.

„Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу отдамъ;
На любой изъ нихъ женися,
А другую шакъ возьми,

„Чтобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравію приданымъ
Я за дочерью отдамъ.“

Тутъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлошесу онъ сказалъ:
„Сохрани Господь небесный
И Марія, мать Его,

„Чтобъ Гвариносъ, Христіанинъ,
Магомешу послужилъ!
Ахъ! во Франціи невѣсша
Дорогая ждешъ меня!“

Марлошесъ, пришедши въ яросшь,
Грознымъ голосомъ сказалъ:
„Вмигъ Гвариноса окуйше,
Нечесливаго раба;

„И вѣ темницу преисподню
Засадите вы его.

Пусть гнѣшѣ шамѣ понемногу,
И умрешѣ какѣ бѣдный червь!

„Цѣпи сяжки, вѣ семь сошѣ фуншовѣ,
Возложите на него,
Ошѣ плеча до самой шпоры —
Спрашенѣ вѣ гнѣвѣ Марлошесѣ!

„А когда настанешѣ праздникѣ,
Пасха, Святки, Духовѣ день,
Вѣ кровь его тогда сѣкише
Предѣ глазами всѣхѣ людей.“

Дни проходятѣ, дни приходятѣ
И насталѣ Ивановѣ день;
Христїяне и Арабы
Вмѣстѣ празднуютѣ его.

Христїяне сыплютѣ галгантѣ (*);
Миршы мечетѣ всякой Маврѣ (**).
Вѣ почестѣ празднику заводитѣ
Разны игры Марлошесѣ.

(*) Индѣйское растѣніе.

(**) Вѣ день Св. Іоанна Гишпанцы усыпали ули-
цы галганшомѣ и миршами.

Онѣ высоко цѣль поставилѣ,
 Чшобѣ попасть вѣ нее копьемѣ.
 Всѣ свои бросаюшѣ копья,
 Всѣ Арабы мѣшяшѣ вѣ цѣль.

Ахѣ напрасно! нѣшѣ удачи!
 Цѣль для слабыхѣ высока.
 Марлошесѣ велѣлѣ во гнѣвѣ
 Чрезѣ Герольда обѣявишѣ:

„Дѣшамѣ груди не сосаши,
 А большимѣ ни пишь, ни ѣсшѣ,
 Есшѣли цѣли сей на землю
 Кшо изѣ Мавровѣ не сшибешѣ!“

И Гвариносѣ шумѣ услышалѣ
 Вѣ шой темницѣ, гдѣ сидѣлѣ.
 „Машѣ Свяшая, чиста дѣва!
 Чшо за день такой пришелѣ?“

„Не Король ли нынѣ вздумалѣ
 Выдашѣ за-мужѣ дочь свою?
 Не меня ли сѣчѣ жестоко
 Часѣ презлой теперь насталѣ?“

Стражѣ темничный то подслушалѣ.
 „О Гвариносѣ! свадьбы нѣшѣ;
 Нынѣ сѣчѣ тебя не будушѣ;
 Трубный звукѣ не то гласишѣ..

„Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
 Всѣ Арабы вѣ шоржеспвѣ.
 Всѣмъ Арабамъ на забаву
 Марлошесѣ поставилъ цѣль.

„Всѣ Арабы копья мечушъ,
 Но не могушъ вѣ цѣль попастъ;
 По чему Король во гнѣвѣ
 Чрезъ Герольда объявилъ:

„Пишъ и ѣстъ никшо не можешъ,
 Буде цѣли не сшибушъ.“
 Тушъ Гвариносѣ вспрепенулся;
 Слово молвилъ онъ сіе:

„Дайте мнѣ коня и сбрую,
 Съ коей Карлу я служилъ;
 Дайте мнѣ копье булашно,
 Коимъ я враговъ разилъ.

„Цѣль шопчасѣ сшибу на землю,
 Сколь она ни висока.
 Ешъли жъ я сказалъ неправду,
 Жизнь моя у васъ вѣ рукахъ.“

„Какъ!“ на то шюремщикъ молвилъ:
 „Ты семь лѣшъ вѣ шюръмѣ сидѣлъ,
 Гдѣ другіе больше года
 Не могли никакъ прожитъ;

„И еще ты думаешь можешь,
 Что сшибешь на землю цѣль? —
 Я пойду сказать Инфаншу,
 Что теперь ты говорилъ.“

Скоро, скоро поспѣшаетъ
 Спражъ шемничный къ Королю;
 Приближается къ Инфаншу,
 И приноситъ вѣсть ему:

„Знай, Гвариносъ Христіанинъ,
 Что въ шюрмѣ семь лѣтъ сидишь,
 Хочешь цѣль сшибишь на землю,
 Если дашь ему коня.“

Марлошесъ, сіе услышавъ,
 За Гвариносомъ послалъ;
 Царь не думалъ, чѣмъ Гвариносъ
 Могъ еще конемъ владѣть.

Онъ велѣлъ принесть всю сбрую
 И коня его сыскасть.
 Сбруя ржавчиной покрыта,
 Конь возилъ семь лѣтъ песокъ.

„Ну, ступай!“ сказалъ съ насмѣшкой
 Марлошесъ, Арабской Царь:
 „Покажи намъ, храбрый воинъ,
 Какъ сильна рука твоя!“

Такъ какъ буря разъярена,
Къ цѣли мчишся сей Герой;
Мечешъ онъ копье булашно —
На землѣ вдругъ цѣль лежишъ.

Всѣ Арабы взволновались,
Мечушъ копья всѣ въ него;
Но Гвариносъ, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечемъ сбъчешъ.

Солнца свѣтъ почти зашѣмился
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые стремились
На Гвариноса всѣ вдругъ.

Но Гвариносъ ихъ разсѣялъ,
И до Франціи достигъ,
Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
Съ честью приняли его.

Послѣднія слова умирающаго.

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я исти-
ны искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣшильникъ
погашаю.

Богъ далъ мнѣ сердце: я сстрадалъ,
И Богу сердце возвращаю.

Любовь и дружба.

Любовь тогда лишь намъ полезна,
Какъ съ милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда съ любовію равна.

Печаль и радость.

Съ печалью радость здѣсь едва ли не
равна:
Надежда съ первою , съ другою боязнь
дана.

Сспраспи и безспраспіе.
Какъ бѣденъ человекъ! намъ спрас-
спи горе, мука;
Безъ спраспи жизнь не жизнь, а ску-
ка:
Люби, и слезы проливай;
Покоенъ будь, и вѣкъ зѣвай!

Спорщикъ.

Какъ сспраненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно ушверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!

Любовь ко врагамъ.

Взгляните на меня: я въ двадцать
лѣтъ сшарикъ;
Весь высохъ какъ скелетъ, едва ша-
скаю ноги;
Смошрю въ очки, ношу парикъ;
Былъ Крезомъ годъ назадъ, теперь
я Ирѣ убогій.“ —
Какой же адской Духъ съ тобою такъ
сшутилъ? —
„Красавицы: увы! я сшрасшно ихъ
любилъ!“ —
Зачшожь, когда онѣ тебѣ врагами бы-
ли? —
„Насѣ учашъ, чшобы мы враговъ сво-
ихъ любили!“

Къ невѣрной.

Разсудокъ говоришъ: „все въ мірѣ
есть мечта!“

Увы! несчастливъ тотъ, кому и сердце
скажетъ:

„Все въ мірѣ есть мечта!“

Кому жестокий Рокъ по опытомъ до-
кажетъ.

Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;

Тогда несносенъ свѣтъ;

Тогда нашъ взоръ унылый

На горестной землѣ не ищетъ ниче-
го:

Онъ ищетъ лишь... могилы!...

Я слышалъ страшный гласъ, гласъ
сердца моего,

И съ прелестью души, съ надеждою
просился;

Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

Когда любви твоей я, милая, лишился,

Могу ли что нибудь, могу ль себя лю-
бить?...

Кто въ жизни испыталъ всю сладость
нѣжной страсти,

И нравился тебѣ, шотѣ... жилъ, и
долго жилъ;
Мнѣ должно умереть: такъ рокъ опре-
дѣлилъ.

Ахъ! естѣлибѣ было въ нашей вла-
сти

Вовѣки пламенно любить,
Вовѣки въ миломъ сердцѣ жить,
Никтобѣ не захошѣлъ разсѣяться съ
здѣшнимъ свѣтомъ;
Тогда бы человекъ былъ зависѣти пред-
метомъ
Для жителей небесъ. — Упреками те-
бѣ

Скучать я не хочу: упреки бесполе-
зны;
Насильно никогда не можемъ быть
любезны.

Любви покорно все, любовь... одной
Судьбѣ.

Когда отъ сердца сердце удалится,
Напрасно звать его: оно не возвра-
тился.

Но странникъ въ горестныхъ мѣ-
стахъ,
Въ пустынѣ мершвой, на пескахъ,
Пріятности луговъ, долинъ вообра-
жаетъ,
Чрезъ кои нѣкогда онъ шелъ:

„Тамъ пѣли соловьи, тамъ миршѣ
 душистый цвѣтъ!“
 Сей мыслию себя спрадалецѣ лишь шер-
 заешѣ,
 Но всѣ несчастные о щастьи гово-
 ряшѣ.
 Имѣ учасѣ... воспоминашѣ, щасшли-
 вцу... наслаждашѣся;
 Я также вспомню рай, пишая въ сер-
 дцѣ адѣ.

Ахѣ! было время мнѣ мечшашѣ и за-
 блуждашѣся:
 Я прожилѣ придцашѣ лѣшѣ; съ цвѣ-
 шочка на цвѣшокѣ
 Съ Зефирами лешалѣ. Киприда свой
 вѣнокѣ

Мнѣ часто подавала;
 Какѣ рѣзвый вѣшерокѣ рука моя играла
 Со флеромѣ на груди прелесшнѣйшихѣ
 Цирцей;
 Армиды Тасовы, Лайсы нашихѣ дней
 Улыбкою любви меня къ себѣ мани-
 ли,
 И сердце юноши бышѣ вѣшренымѣ
 учили;

Но я влюблялся не любя.

Когда жѣ узналѣ себя;
 Когда дрожащими руками

Обнявъ другъ друга, все забывъ —
 Двумя горящими сердцами
 Союзъ священный заключивъ —
 Мы небо на землѣ вкусили,
 И вѣчность въ мигъ одинъ вмѣстили:
 Тогда, тогда любовь я въ первый разъ
 узналъ;

Ея воспоргомъ изнуренной,
 Лишился мыслей, чувствъ, и смерти
 ожидалъ,

Прелестнѣйшей, блаженной!...
 Но Рокъ хотѣлъ меня для горя сохра-
 нить;

За щастье должно намъ нещасіемъ
 плашить.

Какая смершная какъ ты была лю-
 бима,

Какъ ты богошворима?

Какая смершная была

И столь любезна, столь мила?

Любовь въ тебѣ пылала,

И подлѣ сердца моего

Любовь, любовь въ швоемъ такъ сильно
 шрепешала!

Съ небесной сладостью дыханья шво-
 его

Она лилась мнѣ въ грудь. Чшо слово,
 шо блаженство;

Что взоръ, то новый даръ. Я цѣлой
 свѣтъ забылъ,
 Природу и друзей: Природы совершен-
 ство,
 Друзей, себя, Творца, въ тебѣ одной
 любилъ.

Единый часъ разлуки
 Былъ сердцу моему несноснымъ го-
 домъ муки;

Прощаясь съ тобой,
 Прощался я съ самимъ собой...
 И съ чувствомъ обновленнымъ
 Къ тебѣ въ обѣщія спѣшилъ;
 Въ душевной радости рѣкою слезы
 лилъ;
 Въ блаженствѣ препешалъ... не смер-
 тнымъ, богомъ былъ!..
 И прахъ у ногъ твоихъ казался мнѣ
 священнымъ!

Я землю цѣловалъ,
 На кою ты сшупала;
 Какъ Некшаръ воздухъ пилъ, кото-
 рымъ ты дышала..
 Увы! отъ счастья здѣсь никто не
 умиралъ,
 Когда не умеръ я!... Оставилъ мнѣ
 холодный,
 Который врагъ чувствительнымъ
 душамъ;

Обнявшись перейди въ другой, гдѣ
мы свободны

Жишь съ тѣмъ, что мило намъ;
Гдѣ царствуешь любовь безъ всѣхъ
предразсуждений,

Безъ всѣхъ несчастныхъ заблуж-
дений;

Гдѣ Богъ улыбкой встрѣшилъ
насъ...

Ахъ! сколько, сколько разъ
О томъ въ восторгѣ мы мечтали,
И вмѣстѣ слезы проливали!....
Я былъ, я былъ любимъ тобой!

Жестокая!... увы! могло ли подо-
зрѣнье
Мнѣ душу омрачить? Ужасною ви-
ной

Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;
Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной бышь!

Скорѣ насъ Творецъ забудетъ,
Скорѣ извергъ здѣсь покоенъ ду-
хомъ будетъ,

Чѣмъ милая души мнѣ можетъ из-
мѣнить!

Такъ думалъ я... и что жъ? на разъ
устъ небесныхъ,

На тайной красотѣ твоихъ грудей
прелестныхъ

Еще горѣлъ, пылалъ мой страстный
поцѣлуй,

Когда сказала ты другому: торжествуй:
Люблю тебя! . . . Еще ты рукъ не опу-
скала,

Кошорыми меня лаская обнимала,
Другой, другой ужъ былъ въ объяті-
яхъ твоихъ . . .

Иль въ сердцѣ . . . все одно! Безъ шучи
громъ ужасный

Ударилъ надо мной. Въ волненьи
чувствъ моихъ

Я вѣришь не хотѣлъ глазамъ своимъ,
несчастный!

И думалъ на яву, что вижу всё во снѣ;
Сомнѣніе тогда блаженствомъ бы-
ло мнѣ —

Но ты, жестокая; холодною рукою
Завѣсу съ истины сняла! . . .

Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не при-
несла! . . .

Какъ можно разлюбить, что намъ
казалось мило,

Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше
сердце жило?

Однажды чувства истощивъ,

Гдѣ новыхъ взяшь для новой спра-
 сши?
 Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей
 ли власпи
 Невѣрную забышь? Однажды полю-
 бивъ,
 Я долженъ вѣкъ любишь; исчезну
 обожая.

Тебѣ судьба иная;
 Иное сердце у тебя —
 Блаженствуй! — Самый гробъ меня не
 утѣшаетъ;
 И въ вѣчности я зрю пустыню для
 себя:
 Я буду шамъ одинъ! Душа не уми-
 раетъ;
 Душа моя и шамъ все будетъ поско-
 вать

И пѣни милая искашь!

~~~~~

Къ вѣрной.

Ты мнѣ вѣрна!... тебя я снова обнимаю!...

И сердце милое швое
Опять, опять *мое!*

Къ швоимъ ногамъ вѣ восторгѣ упа-
даю...

Цѣлую ихъ!... Ты плачешь, милой
другъ!...

Сладчайшія слова: *души моей супругѣ,*
Опять изъ устѣ швоихъ я вѣ сердце
принимаю!...

Ахъ! какъ благодарить Твор-
ца!...

Все горе, всю шоску навѣкъ позабы-
ваю!...

.....

Ты блѣдность своего лица
Показываешь мнѣ — прощаешь! Не дер-
заю

Оправдывать себя:
Заспавя мучишься тебя,
Прешупникомъ я былъ. Но мнѣ каза-
лось ясно

Нещасіе мое. И ты сама . . . прости . . .
 Воспоминаніе душѣ моей ужасно! . . .
 Къ сей тайнѣ я тогда не могъ ключа
 найши (*).

Теперь, теперь спыжусь, и впредь кля-
 нусь не вѣришь

Ни слуху, ни глазамъ;

Не вѣришь и своимъ словамъ,
 Когда бы ты сама хотѣла разувѣришь
 Меня въ любви своей. На сердце укажу,
 Взгляну съ улыбкою, и съ швердосью
 скажу:

„Оно, мой другъ, спокойно;

„Оно тебя доспойно

„Надежносью своей.

„Испышывай меня!“ — Пусть преле-
 сью швоей

Другіе такъ же заразясь!

Для нихъ надежды *цвѣтъ*, а мнѣ — на-
 дежды *ллодъ*!

Изъ нихъ пусть каждый щасстья
 ждѣтъ:

Я буду щасстьемъ наслаждаюсь.

Ихъ жребій: *милую любить*;

Мой жребій: *милой милымъ быть*!

Хошя при людяхъ намъ не лзя еще
 словами

(*) Темно; можно шолько догадываться.

Люблю другъ другу говоришь;
 Но спрасшными сердцами
 Мы будемъ всякой мигъ люблю, люблю
 швердишь —

(Другимъ языкъ сей непоняшенъ;
 Но голосъ сердца сердцу вняшенъ) —
 И взоръ умильный то жь украдкой
 подшвердишь.

Снесу жестокость принужденья —
 (Чшо дѣлашь? такъ Судьба ве-
 лишь) —

Снесу въ блаженствѣ увѣренья,
 Чшо ты моя въ душѣ своей.

Ахъ! истинная спрасшь пишается
 собою;

Воспорги чувствъ не нужны ей.

Я знаю, чшо меня съ тобою

Жестокій рокъ готовъ надолго раз-
 лучишь;

Скажу тебѣ... прости! и долженъ буду
 скрышь

Тоску въ груди моей!... Обильными
 слезами

Ее не облегчу въ присушствіи дру-
 гихъ;

И Ангела души дрожащими устами

Не буду цѣловашь въ обѣщаніяхъ сво-
 ихъ!...

Разспахься шажело съ сердечной по-
 ловиной;

Но . . . я любилъ тобой: сей мыслию еди-
ной

Унылой мракъ душевныхъ чувствъ
моихъ

Какъ солнцемъ озаришся.

Разлука опытъ намъ:

Кто опыта спрашится,

Тотъ вѣрно не любимъ, шотъ мало
любишъ самъ;

Прямую спрасъ всегда разлука умно-
жаетъ —

Такъ буря слабый огонь въ минушу по-
гашаетъ,

Но больше силъ огню сильнѣйшему
даешъ.

Когда души единственнѣй предметъ

У насъ передъ глазами,

Мы знаемъ то одно, что весело лю-
бишь;

Но чтобъ узнать всю власть его
надъ нами —

Узнать, что безъ него душъ не мо-
жно жить . . .

Разсханься съ нимъ! . . . Любовь пи-
тается слезами,

Отъ горести расстешъ;

И чувство, что не лзя преодолѣть
намъ спраси,

Еще ей болѣе даетъ
Надъ сердцемъ сладкой власши.

Когда нибудь, о милый другъ!
Судьбы жестокия смягчатся:
Два сердца, двѣ руки навѣкъ соеди-
няшся;
Любовникъ... будетъ твой супругъ.
Ахъ! спанемъ жишь; съ надеждой
жизнь прекрасна;
Не намъ, тому она ужасна,
Кто любишь лишь одинъ, не будучи
любимъ. —
Изчезнушь для меня съ отбытіемъ
твоимъ
Существенность и міръ: въ одномъ
воображеніи
Я буду находить утѣхи для себя;
Далеко отъ людей, въ лѣсу, въ уеди-
неніи,
Построю (*) домикъ для тебя,
Для насъ двоихъ, надъ тихою рѣчкою
Забвенія всего, но только не любви;
Скажу тебѣ: „въ семъ домикѣ живи
„Съ любовью, щастьемъ и со-
мною:
„Для прочаго умремъ. Прельщаяся по-
бою,

(*) Въ мысляхъ.

„Я прелести ни въ чемъ иномъ не
нахожу.

„Тебѣ всѣ чувства посвящаю :

„Взгляну ль на что , когда на милую
гляжу ?

„Услышу ль что нибудь , когда тебѣ
внимаю ?

„Душа моя полна: я въ ней себя вмѣ-
щаю !

„Пусть Богъ вселенную въ пустыню
превратишь;

„Пусть будемъ въ ней мы толь-
ко двое!

„Любовь ее для насъ украсишь , ожи-
вишь.

„Что сердцу надобно? найди, любишь
другое;

„А я нашелъ, хочу съ нимъ вѣчнось
провести ,

„И свѣшу говорю: *прости!*“

Прелестный *домикъ* сей вдали насъ
ожидаетъ;

Теперь его Судьба завѣсой покрыва-
етъ,

Но онъ явился намъ: въ немъ буду
жить съ тобой,

Или мечту сію... возьму я въ гробъ
съ собой.

Долина Иосафатова ,

или

Долина спокойствія.

Долина , гдѣ Судьбы рукою
Хранился таинство сердецъ;
Гдѣ странникъ , жаждущій покою,
Его встрѣчаетъ наконецъ;

Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтелъ ,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Заботъ печальный вѣспникъ , пѣшелъ,
Не будитъ щастливыхъ во снѣ;

Молчатъ и громы и Бореи ,
Не слышенъ грозный ревъ зверей,
И мило-злобныя Цирцеи
Не ставятъ нѣжности сѣтей;

Гдѣ хитрый богъ , любящій слёзы ,
Не мечетъ кипарисныхъ стрѣлъ;
Гдѣ нѣтъ змѣи подъ цвѣтомъ розы —
Гдѣ щастья , истины предѣлъ !

Спрана блаженная, святая!
 Когда, когда тебя найду,
 И мирный берегъ благословляя,
 Корабль въ пристанище введу?

Къ тебѣ не рѣдко приближаясь,
 Хочу ступишь на берегъ.... но вдругъ
 Съ опливомъ въ море удаляясь,
 Бываю жертвой новыхъ мукъ.

Уже ль во мрачности шумана
 Мнѣ ввѣкъ игрищемъ служишь
 Шумящимъ вѣпрамъ океана,
 Безъ цѣли по волнамъ кружишь?

Довольно я терпѣлъ, крушился,
 Гоняясь сердцемъ за мечшой;
 Любилъ, надѣялся, спрашился:
 Ахъ! время мнѣ вкусишь покой!

Навѣкъ въ груди угасни пламень!
 Пусть въ ней живетъ единый хладъ!
 Пусть сердце превратится въ камень!
 Его чувствительность мнѣ ядъ.

Спрана блаженная, святая!
 Когда, когда тебя найду,
 И мирный берегъ благословляя,
 Корабль въ пристанище введу?

Э п и т а ф і я.

Онъ жилъ вѣ семѣ мірѣ для того,
Чшобѣ жишь — не зная, для чего.

Спихи на день рожденія А. А.
П — ой, 14 Октябрю.

Ты вѣ мрачномѣ Октябрѣ родилась —
не весною —
Чшобѣ сѣшующій мірѣ утѣшенѣ былѣ
шобою.

Тріолетъ Алетъ (*), въ топъ
день, какъ ей исполнилось 14
лѣтъ.

Чешырнадцаши лѣтъ
Быть Флорой право стыдно:
Въ Апрѣлѣ розы нѣтъ!
Чешырнадцаши лѣтъ
Ты лучше всѣхъ Алетъ:
Ахъ! это имъ обидно.
Чешырнадцаши лѣтъ
Быть Флорой право стыдно.

(*) Тріолетъ есть игрушка въ стихотвор-
ствѣ. Надобно, чтобы онъ состоялъ изъ ось-
ми стиховъ равной мѣры, и на двѣ рѣмы;
чтобы четвертой стихъ былъ повторені-
емъ перваго, а седьмой и восьмой повторені-
емъ перваго и втораго.

Тріолешъ Лизешъ.

„Лизеша чудо въ бѣломъ свѣшѣ,“
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ:
„Красой подобныхъ нѣшъ Лизешъ;
„Лизеша чудо въ бѣломъ свѣшѣ;
„Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣшѣ.“
Когда же злосць ея узналъ...
„Лизеша чудо въ бѣломъ свѣшѣ!“
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ.

Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы,
въ копорыхъ она клянется Хлоѣ,
другу своему, любить ее пла-
менно и вѣчно, оставляя для
Купидона только маленькой уго-
локъ въ сердцѣ.

На первой случай всѣмъ доволенъ
Купидонъ;
За тѣсной уголокъ спасибо скажетъ
онъ,
И въ немъ, какъ можетъ, помѣ-
сится.
Но скоро уголокъ его распроспра-
нился;
Любовь весь домъ займетъ,
И Хлоя для себя въ немъ мѣста не
найдетъ.

І М - П Р О М П Т У

Графинѣ Р**, которой въ одной
святошной игрѣ досталось быть
Королевою.

Напрасно говоряшѣ, что случай есть
слѣпецъ:

Сію минушю онѣ вручилѣ тебѣ вѣнецъ,
Тебѣ, рожденной быть Царицею сер-
децъ.

Сей выборѣ доказалѣ, что случай не
слѣпецъ.

ІМ-ПРОМPTУ

двумъ молодымъ дамамъ , которыя
въ маскахъ подошли къ Авшору,
и хотѣли увѣрить его , что
онъ ихъ не знаетъ.

Ничто , ничто сокрышь Любезныхъ
не могло!

На васъ и маска какъ стекло.

Прелестныя глаза Прелестныхъ об-
личающъ:

Подъ маскою они не менѣе сіяющъ.

Взглянулъ — и сердце мнѣ

Сказало: вошъ онъ!

Деліины слова.

О время! знаю власть закона твоего:
Всѣ прелести лица уносишь ты съ
собою;

Но нѣжность сердца моего
Останется со мною;
А тотъ, кто сердцу милъ,
Меня за нѣжность полюбилъ!

Надпись къ дамской пабакеркѣ, на
которой изображены мраморной
столпъ и увядающій цвѣтокъ.

Любезное глазамъ какъ цвѣтъ весен-
ній плѣнно;
Любезное душѣ какъ мраморъ неиз-
мѣнно.

Д а р о в а н і я.

Враги Парнасскихъ вдохновеній,
Ума и всѣхъ его швореній!
Молчите, — скройшеся во мглу!
На лирѣ, Музамъ посвященной,
Лучемъ эфирнымъ озаренной,
Я буду имъ гремѣть хвалу.
Отъ злобы адской препените:
Ихъ слава есть для васъ позоръ.
Пѣвца и пѣснь его кланите!
Ужасенъ вамъ мой гласъ и взоръ.

А вы, копорымъ Фебъ предестный
Льешъ въ душу огонь и свѣтъ небе-
сный!

Приблизьтесь къ сердцу моему:
Оно любовью къ вамъ пылаешъ.
Одна печать на насъ сіяешъ:
Мы служимъ богу одному.
Для васъ беру златую лиру:
Внимайте, милые друзья!
Подобно нѣжному зефиру
Въ вашъ слухъ проникнетъ пѣснь
моя. — —

Явился , древность , предо мною!
 Дерзаю смѣлою рукою
 Раскрыть священный твой покровъ . . .
 Что зрю? людей , во шмѣ живущихъ,
 Какъ злакъ безчувственно растущихъ
 Среди пустынь, густыхъ лѣсовъ.
 Ихъ гласъ какъ страшный ревъ звѣ-
 риный,
 Ихъ мрачный взоръ свирѣпъ и дикъ;
 Отрада ихъ есть сонъ единый;
 Имъ день неносенъ , дологъ мигъ.

Сей міръ , обильный чудесами ,
 Какъ садъ усѣянный цвѣтами ,
 Зерцало мудраго Творца ,
 Для нихъ напрасно существуетъ,
 Напрасно Бога образуетъ:
 Подобны камню ихъ сердца.
 Среди красотъ ихъ око дремлетъ;
 Природа вся для нихъ пуста.
 Ихъ слухъ гармоніи не внемлетъ;
 Безмолвны хладныя уша.

Они другъ друга убѣгаютъ
 Или другъ друга поражаютъ
 За часть . . . изсохшаго плода.
 Любовь для нихъ есть только звѣр-
 ство ,
 Ея желаніе — свирѣпство ;
 Взаимной спрасью никогда

Сердца не шаюшѣ, не пылаюшѣ;
 Потребность, сила все рѣшишѣ...
 Едва желанья изчезаюшѣ,
 Предметѣ обѣяшій позабышѣ.

Таковѣ былѣ родѣ людей неща-
 стный...

Но вдругѣ явился Фебѣ прекрасный
 Съ своею лирою златой,
 Съ лучемѣ небесныхѣ дарованій...
 И силой ихѣ очарованій
 Вѣ душахѣ разсѣялѣ мракѣ густой:
 Вѣ нихѣ искры чувства воспылали!
 Насшалѣ другой для смертныхѣ вѣкѣ;
 Искусства вѣ мѣрѣ возсіяли:
 Родился снова человѣкѣ!

Возсталѣ, возрѣлѣ — и вся Природа,
 Отѣ звѣздѣ лазореваго свода
 До нѣдрѣ земныхѣ, морскихѣ пучинѣ,
 Предѣ нимѣ вѣ изящности явилась;
 Вѣ тайнѣйшихѣ связяхѣ обнажилась;
 Рекла: „будь мѣра властелинѣ!
 „Мои богатства предѣ тобою:
 „Хвали Творца — будь самѣ творецѣ!“
 И смертный гордою рукою
 Изѣ рукѣ ея прїялѣ вѣнецѣ (*).

(*) Чувство изящнаго вѣ Природѣ разбудило
 дикаго человѣка и произвело Искусства, ко-

Гдѣ волны шумныхъ океановъ
 Во мракѣ бури и шумановъ
 Несутся съ ревомъ къ берегамъ;
 Гдѣ горы съ вѣчными снѣгами,
 Съ сѣдыми, дикими хребтами
 Главу возносятъ къ облакамъ;
 Гдѣ кедръ, дубы вѣковые
 Отъ вихрей гнутся и скрипятъ;
 Лѣса угрюмые, густые
 То тихо дремлютъ, то шумятъ:

Тамъ Геній умственныхъ творений
 Нашелъ источникъ вдохновеній,
 Нашелъ въ ужасномъ красоты,
 Въ живой картинѣ ихъ представилъ,
 И Бога грознаго прославилъ.
 Но тамъ, гдѣ нѣжные цвѣты
 Отъ солнечныхъ лучей пестрѣютъ,
 Съ зеленой травкою сплѣтясь;
 Кристальны ручейки свѣплѣютъ,
 Среди луговъ журча, вѣсь;

Гдѣ въ рощахъ, какъ въ садахъ Ар-
 миды,
 Порхаютъ рѣзвые Сильфиды,

порыя имѣли непосредственное вліяніе на
 общежитіе, на всѣ мудрые законы его, на
 просвѣщеніе и нравственность. Орфеи, Ам-
 фіоны были первыми учителями дикихъ
 людей.

И пшички хорами поюшѣ;
 Плоды древесѣ сіяюшѣ златомѣ,
 Зефиры вѣюшѣ ароматомѣ,
 Съ прохладой сладость вѣ душу льюшѣ:
 Тамѣ онѣ Творца воображаетѣ
 Вѣ небесной благости Его,
 И гласомѣ тихимѣ изливаетѣ
 Восторги сердца своего.

Разсудокѣ, чувствомѣ пробужденный,
 Открылѣ порядокѣ неизмѣнный
 Во всѣхѣ подлунныхѣ существахѣ;
 Во всѣхѣ явленіяхѣ чудесныхѣ,
 Вѣ бездушныхѣ тваряхѣ и словесныхѣ,
 Вѣ различныхѣ года временахѣ;
 Вѣ ничтожномѣ червячкѣ, вѣ былинкѣ
 Печать премудрости узрѣлѣ;
 Вѣ атомахѣ мершвыхѣ и вѣ песчинкѣ
 Слѣды величія нашелѣ.

Чѣмѣ глубже око проницало,
 Тѣмѣ болѣ сердце обрѣшало
 Пріятныхѣ чувствѣ вѣ себѣ самомѣ:
 Любовь моральная, живая,
 Любовь чистѣйшая, свяшая,
 Мгновенно воспылала вѣ нѣмѣ:
 Надежда, нѣжный страхѣ родились,
 И взорѣ сказалѣ: *твоя навѣкѣ (*)!*

(*) Надежда и нѣжный страхѣ суть дѣйствія
 благородной душевной любви, неизвѣстной

Сердца и руки сѣединились —
Вкусилъ блаженство чловѣкъ.

Ошцы и дѣши обнялися (*);
Рѣкою слезы излилися
О жалкихъ, бѣдныхъ сиротахъ,
И слезы бѣдныхъ осушились;
Святыя жертвы воскурились
Благошворенію въ душахъ —
И ты, о дружба, даръ небесный!
Предстала съ крошостью своей;
Твой милый гласъ и взоръ прелестный
Ушѣшилъ лучшихъ изъ людей!

Въ лѣсахъ явились верхограды;
При звукѣ лиръ воздвиглись грады,
И мудрость изрекла законъ:
„Жишь вмѣстѣ, вмѣстѣ наслаждаешься,
„Любишь добро и зломъ гнушаешься.“
Возсѣла олытность на тронъ,
Творишь щасливыми народы,
Бышь другомъ-Геніемъ земли;
И люди часть злашой свободы
Порядку въ жертву принесли (**).

дикимъ. *Языкѣ взоровъ* есть также слѣд-
ствие утонченной нравственности.

(*) Происхожденіе нравственной любви родите-
лей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ —
жалости, благошворенія, благодарности,
дружбы.

(**) Начало общежитія, законовъ, царской вла-
сти.

Ихъ прежде время угнетало:
 Теперь оно крылашымъ стало —
 Лешитъ, и сыплетъ имъ цвѣшъ;
 Его - - - *желанье* призываетъ,
 Его - - - *надежда* озлащаетъ
 И красятъ розою мечшъ.
 Труды забава уладила;
 Посредствомъ милыхъ Грацій, Музъ,
Пріятность съ *пользою* заключила
 Навѣки дружескій союзъ.

И такъ хвала любимцамъ Феба!
 Хвала милѣйшимъ чадамъ Неба!
 Они творенія вѣнецъ;
 Они міръ темный просвѣтили,
 И въ садъ пустыню обратили;
 Они питаютъ огонь сердецъ,
 Какъ жрицы древле-чтимой Весты
 Пили вѣ храмахъ огонь святой;
 Покровы Красоты отверсши
 Для нашихъ взоровъ ихъ рукой.

Они безъ власти, безъ короны
 Дающъ умомъ своимъ законы;
 Ихъ кисть, рѣзецъ, струна и гласъ
 Играютъ нѣжными душами,
 Улыбкой, вздохами, слезами,
 И чувство возвышаютъ въ насъ;

Любовь къ Изящному вливая,
Изящность сообщая намъ;
Добро Искусствомъ украшая,
Веляшъ его любишь сердцамъ.

Такъ Фидій Кодра воскрешаетъ,
И въ юномъ воинѣ пылаетъ
Огонь великихъ, славныхъ дѣлъ:
Желанье подражать Герою.
Такъ кистью нѣжною, живою
Сбираетъ прелести Апеллъ
И пишетъ образъ Никофоры
Въ примѣръ Невинности свяшой,
Чтобъ юныхъ дѣвъ сердца и взоры
Нашли въ немъ милый образъ свой.

Такъ голосъ, арфа Тимошеевъ
Смягчаетъ варваровъ, злодѣевъ,
И чувство въ хладный камень льетъ.
Но кто, Поэзія свяшая,
Благаго Неба дщерь благая,
Твою чудесность воспоешь?
Ты всѣ Искусства замѣняешь;
Ты всѣхъ Искусствъ глава, вѣнецъ;
Въ себѣ всѣ прелести вмѣщаешь —
Ты богъ чувствительныхъ сердецъ.

Натуры каждое явленье
И сердца каждое движенье

Есть кисти своея предметъ;
 Какъ въ свѣпломъ, явственномъ кри-
 сталѣ

Являешь ты въ своемъ зеркалѣ
 Для глазъ другой прекрасной свѣтъ;
 И часто прелестъ въ подражаньи
 Милѣ, чѣмъ въ Природѣ намъ:
 Лѣсокъ, цвѣточикъ въ описаньи
 Еще пріятнѣ очамъ (*).

Ламберта, Томсона чистая,
 Съ рисункомъ подлинникъ сличая,
 Я міръ сей (**) лучшимъ нахожу:
 Тѣнь роши для меня свѣжѣ,
 Журчанье ручейка нѣжнѣ;
 На все съ веселіемъ гляжу,
 Что Клейсѣ, Делиль живописали;
 Спихи ихъ въ памяти храня,
 Гуляю, гдѣ они гуляли,
 И слѣдъ ихъ радуешь меня!

(*) Всѣ прелести изящныхъ Искусствъ суть
 ничто иное, какъ подражаніе Натурѣ: но
 копія бываетъ иногда лучше оригинала —
 по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его для насъ все-
 гда занимательнѣе: мы имѣемъ удовольствіе
 сравнивать.

(**) То есть, міръ физической, которой опи-
 сывали Томсонъ и Ст. Ламбертъ въ своихъ
 поэмахъ.

Картина нравственнаго свѣта
Еще важнѣе для Поэта;
Богатство тонкихъ чувствъ, идей
Онъ въ ней искусно разсыпаетъ;
Сердца для глазъ изображаетъ
Живою кистію своею:
Приливъ, отливъ желаній страст-
ныхъ,
Ихъ шѣни, пользу, сладкій ядъ;
Рай свѣтлый, небо душъ прекрас-
ныхъ,
Порока вредъ и злобы адъ.

Кшо милыхъ слезъ не проливаетъ,
Какая грудь какъ воскъ не таетъ,
Когда любимецъ крошкихъ Музъ
Поетъ швое, Любовь, блаженство,
Души земное совершенство,
Двухъ пламенныхъ сердецъ союзъ,
Одно другимъ благополучныхъ,
Нашедшихъ вѣкъ злой вѣ себѣ,
Вѣ несчастьи, вѣ смерти неразлуч-
ныхъ,
На зло и людямъ и судьбѣ?

„Для смершныхъ много бѣдъ ужас-
ныхъ;
„На каждомъ шагѣ зримъ несчаст-
ныхъ;

„Но можно ль Небо порицать?
 „Оно - - - любить не запретило!
 „Чье сердце Нектаръ сей вкусило,
 „Тотъ долженъ Бога прославлять,
 „Сказавъ: *мы щастливы! мы чада*
 „*Всецѣдныхъ, всеблагихъ Небесъ!*
 „Любви минуша есть награда
 „За годъ унынія и слезъ!“

Любовь Поэзіей прелестна;
 Холодность къ Музамъ не совмѣстна
 Съ горячей, нѣжною душой;
 Кто любитъ, тотъ стихи читаетъ,
 Печаркомъ горе улаждаетъ
 Въ разлукѣ съ милою своею.
 Поэтъ наставникъ всѣхъ влюблен-
 ныхъ:

Онъ учитъ сердце говорить;
 Въ молчаньи успѣвъ запечатлѣнныхъ
 Понятнымъ для друга бытъ. —

Сколь всѣ черты краснорѣчивы
 И краски Стихотворца живы,
 Когда онъ истинныхъ друзей
 На сценѣ намъ изображаетъ;
 Когда Герой его вѣщаетъ:
 „Утѣшься, другъ души моей!
 „Ты мраченъ, угнетенъ Судьбою,
 „Клянись ее, не хочешь жить;

„Но вѣрный, нѣжный другъ съ тобою :
 „Еще ты можешь щасливѣ бытъ!“

И мечъ, шоскою изощренный,
 Къ унылой груди устремленный,
 Безъ крови изъ руки падешъ;
 Несчастный съ жизнію мирится;
 Онъ бытъ щасливымъ снова льсшип-
 ся,

И друга съ чувствомъ къ сердцу
 жмешъ. —

Такъ жизнь была мнѣ мукой ада;
 Такъ я глазами измѣрялъ
 Пучину грознаго Левкада...
 О Сафъ страшной размышлялъ...

Хотѣлъ... но другъ неоцѣненной
 Своей любовію священной
 Меня въ семъ мірѣ удержалъ. — —
 Твой гласъ, Поэзія благая,
 Героевъ добрыхъ прославляя,
 Всегда число ихъ умножалъ.
 Ты въ Спархахъ мужество питаешь;
 Въ груди къ опечесству любовь
 Какъ огонь эфирный развѣваешь;
 Гремишь... пылаешъ славой кровъ!

Гремишь: „Къ оружію, Спаршане!
 „Возстаньше, вѣрные граждане!

„Кшо шолько для другихъ собираешъ,
„И день пошеряннымъ считаешъ,
„Въ кошорый для себя лишь жилъ!“
Умолкъ — но мы еще внимаемъ;
Себѣ и Небу обѣщаемъ.
Бышь тѣмъ, чшо гимнъ Пѣвца хва-
лилъ:

Любишь свяшую добродѣтель.
 Ахъ! только надобно узнать,
 Сколь щаспливъ бѣдныхъ благодѣтель,
 Чшобъ имъ послѣднее отдашь! —

Когда жь съ сердечною слезою
 Поэтъ дрожащею рукою
 Снимаетъ съ слабосшей покровъ,
 Являя гибель заблужденій,
 Ведущихъ къ безднѣ пресупленій,
 Змѣю подъ прелестью цвѣшовъ —
 Я въ духъ съ нимъ изнемогаю ...
 Ахъ! кшо изъ насъ спрасшей не рабъ?
 Смопру на небо, и взываю:
 „Спаси, спаси меня! я слабъ!“

Я слабъ, и слабого прощаю,
 Какъ брата къ сердцу прижимаю;
 Суди другой: спѣшу помочь. — —
 Чшо вижу? въ ужасъ Природа!
 Эфиръ лазореваго свода
 Затъмила въ день густая ночь;
 Шумятъ лѣса, яряся воды,
 И ... зришель въ сердцѣ охладѣлъ:
 Злодѣй на сценѣ, врагъ Природы;
 Онъ въ ужасъ естество привелъ —

Злодѣй, презрѣвшій всѣ уставы;
 Злодѣй, искавшій адской славы

Бичемъ невинныхъ - слабыхъ бытъ,
 Слезами ихъ себя питая.
 Напрасно Благосъ всесвяшая
 Его хошѣла просвѣшить,
 И казнь безумца отлагала!
 Онъ гласъ Ея пренебрегалъ.
 „И такъ спрадай!“ она сказала,
 И Фурій адъ къ нему послалъ....

Глаза свирѣпыхъ засверкали;
 Злодѣю ужасы предшали:
 Въ его власахъ шипяшъ змѣи;
 При свѣшѣ факеловъ кинжалы (*)
 Предъ нимъ блистающъ какъ зерцалы:
 Онъ видишъ въ нихъ дѣла свои!
 Бѣжишъ — себя не избѣгаешъ:
 Вездѣ съ собой, вездѣ злодѣй!
 Природа гнѣвная вѣщаетъ
 Ему: „спрадай: ты врагъ людей!“

Преступникъ, въ сердцѣ развращен-
 ный,
 Такою сценой усмращенный,
 Спѣшишъ сокрышся отъ очей;
 Но Трагикъ въ слѣдъ ему взываетъ,
 И эхо грозно повторяетъ:

(*) Извѣстно, что Фуріи изображаются съ факелами и съ кинжалами.

„Будь добрѣ — или сшрадай, зло-
дѣй!“ —

Я взорѣ печальный отвращаю;
Другой, любезнѣйшій предметѣ
Для сердца, чувства обрѣщаю:
Орфей безсмертіе поетѣ.....

И стонѣ несчастныхъ умолкаетѣ,
И бѣдный слезы опираетѣ...

„Что жизнь? единый быспрый лучѣ:
„Сверкнетѣ, угаснетѣ — мы хладѣемѣ;
„Но съ шѣломѣ въ гробѣ не исплѣемѣ:
„Взойдетѣ свѣшило дня безѣ шучѣ
„Для насѣ въ другомѣ и лучшемѣ мірѣ;
„Тамѣ будетѣ щаспливѣ, щаспливѣ
ввѣкѣ

„И Царѣ чувствительный въ порфирѣ,
„И нищій-добрый человѣкѣ.

„Безсмертіе, жизни сей опрада,
„За крапкость дней ея награда!

„Твоя небесная печашь

„У смершныхъ на челѣ сіяетѣ!

„Кшо чувствомѣ вѣчностъ пости-
гаетѣ,

„Не можетѣ съ мигомѣ исчезашь.

„Чей взорѣ Природу обнимая,

„Открышъ Творца въ швореньи могѣ,—

„Тебя, Премудрость всесвятая!

„Тотѣ самѣ бышъ долженѣ полубогѣ.“

И вдругъ гласъ лирный возвышая,
Сильнѣе въ струны ударяя,
Поэтъ дерзаетъ заключишь
Свой важный гимнъ хвалою священной
Причины первыя вселенной;
Дерзаетъ въ пѣсни возвѣсшить,
Кого міры изображаютъ,
Кто есть Начало и Конецъ;
Кого уста не называютъ,
Но кто всего, — Кто нашъ Отецъ;

Кто сводѣ небесѣ рукой Своею
Шатромѣ раскинулѣ надѣ землею,
Какѣ искру солнце воспалилѣ,
Украсилѣ ночь луной, звѣздами,
Усѣялѣ шарѣ земной цѣлѣшами,
Древа плодами озлашилѣ;
Далѣ силу львамѣ неукротимымѣ,
Далѣ умѣ пчелѣ и муравью,
Полетѣ орламѣ неуловимымѣ,
И яркій голосѣ соловью;

Но кто еще, еще живѣе,
Для чувства, разума яснѣе
Открылъ Себя въ сердцахъ людей:
Въ весельи крошкѣ душъ прав-
дивыхъ,
Въ слезѣ любовниковъ щастливыхъ,
Въ улыскѣ нѣжныхъ матерей,

Въ спыдливомъ взорѣ дѣвъ священ-
ныхъ,
Въ чертахъ невинности молодой
И старцевъ, жизнью упружденныхъ,
Идущихъ въ вѣчность на покой;

Кто любитъ все Свое творенье,
И съ чувствомъ жизни наслажденье
Соединилъ во всѣхъ сердцахъ;
Кто Эфемеровъ (*) примѣчаетъ,
Имъ пищу, радость посылаетъ
Въ росѣ и солнечныхъ лучахъ;
Кому служишь ешь — бышь щасли-
вымъ,

Кого гнѣвишь — себя терзашъ,
Любишь ешь — бышь добродобивымъ
И ближнихъ братьями считаешь;

Кто насъ за гробомъ ожидаетъ,
И шамъ предъ нами оправдаетъ
Всѣ темные пуши Свой;
Покажетъ ясно... Умолкаю,
И съ теплой вѣрою взываю:
„Опецъ! добро дѣла Твои!“ —
Се лиры важные предметы,
Се гимновъ слабый образецъ!
Они вовѣки будутъ пѣшны,
Вовѣки новы для сердецъ!

(*) Насѣкомыя, живущія только по-нѣсколь-
ку часовъ.

А вы, питомцы Музъ священныхъ,
 Въ своихъ твореніяхъ неслѣнныхъ
 Вкушайте вѣчности залогъ!
 Прекрасно жить въ вѣкахъ позднѣй-
 шихъ

И быть любовью душъ нѣжнѣйшихъ.
 Кто лирой пронушъ сердце могъ,
 Тотъ въ храмъ безсмертія счезею
 Хвалы сердечныя войдетъ;
 Пошомство сладкою слезою
 Ему данъ чеспи принесетъ.

Вездѣ, во всѣхъ странахъ вы чшмы,
 Душами добрыми любимы.
 Вражда невѣжды и глупца
 Блескъ вашей славы умножаетъ;
 Ядъ черной зависти шерзаетъ
 Ихъ злыя, хладныя сердца. —
 Таланшы сущъ для васъ богашство;
 Другимъ оставьте прахъ злашой:
 Святое Фебово собрашство
 Сіаетъ чувства красошой.

Сей идолъ въ капищѣ богашомъ,
 Сей огонь сверкающій надъ блашомъ
 Меня красою не прельстишъ;
 Вы, вы краса, корона свѣта;
 Вы солнце въ мірѣ, не планета,
 Въ кошорой чуждый лучъ блесшишъ.

Невѣжда золошымъ чершогомъ
Своей души не озлашишъ;
А васъ и въ шалашъ убогомъ
Лучами слава озаритъ.

Потомство скажетъ: „здѣсь на лирѣ,
„На сладкой арфѣ, въ сладкомъ мирѣ
„Игралъ любезнѣйшій Поэтъ;
„Въ сей хижинѣ, для насъ священной,
„Велъ жизнь любимецъ Музъ почтен-
ной;

„Здѣсь онъ собою красилъ свѣшъ;
„Здѣсь будемъ ушромъ наслаждашся,
„Здѣсь будемъ солнце провожать,
„Читашъ Поэта, восхищашся,
„И даръ его благословляшъ.“

Хошя не всѣ, не всѣ народы
Къ дарамъ щасливѣйшимъ Природы
Равно чувствительны душой;
Различны Пѣснопѣвцевъ доли:
Не всѣ восходяшъ въ Капишолій
Съ вѣнками на главѣ своей,
При гласѣ трубъ, народномъ пле-
скѣ (*) —
Ошъ насъ, увы! далекъ сей храмъ!

(*)Какъ на примѣрѣ, Петрарка. Такая же честь
гошовилась Тассу; но онъ умеръ за нѣсколь-
ко дней до назначеннаго торжества.

Поемъ вѣ шѣни, при лунномъ блескѣ,
Подобно скромнымъ соловьямъ;

Но вѣ самомъ сѣверѣ угрюмомъ,
Подъ грознымъ Аквилоновъ шумомъ,
Есть люди — есть у нихъ сердца,
Которымъ игры Музъ пріятны,
Ошѣнки нѣжныхъ чувствъ понятны:
Отъ нихъ мы ждемъ себѣ вѣнца —
И ешъли грудь красавицъ милыхъ
Вѣ любезной томности вздохнетъ
Отъ нашихъ пѣсней, лиръ унылыхъ:
Друзья! намъ вѣ плескахъ нужды
нѣтъ!

Пусть вѣтры прахъ Пѣвцевъ раз-
вѣютъ!

Насъ вспомнятъ, вспомнятъ, пожа-
лѣютъ:

„Умолкъ Поэтовъ скромный гласъ!

„Но мы любезныхъ не забудемъ,

„Чишашъ, хвалишъ ихъ пѣсни будемъ;

„Ихъ имя сладостно для насъ!“

Друзья! что лучше, что славнѣе,

Какъ вѣки жишъ вѣ своихъ стихахъ?

Но то еще для насъ милѣе,

Что можемъ вѣки жишъ... вѣ серд-
цахъ!

Къ Алинѣ на смерть ея супруга.

Супругъ твой слишкомъ щасливъ
былъ :
Не могъ онъ жить въ подлунномъ
свѣтѣ ,
Гдѣ тайный Рокъ въ своемъ совѣтѣ
Сердца на горестъ осудилъ ,
А щасью быть велѣлъ мечшою.
Но кто нечаянной судьбою ,
Украдкой будешь здѣсь блаженъ ,
Тому *въ*кѣ *розы* положенъ :
Какъ щасливъ я ! едва лишь скажешь ,
Увянешь — и въ могилу ляжешь .
Начто ты Ангельской душой ,
Своей любовью , красою ,
Въ супругъ сердце восхищала ,
Его съ Безсмертными равняла ?
Когда бы жизнью онъ скучалъ
И смерть къ себѣ какъ друга звалъ ,
Тогда бы долго прожилъ съ нами ;
Тогдабъ съдыми волосами
Еще онъ ... слезы опиралъ .
Гдѣ радость есть Судьбы ошибка ,
И гдѣ веселая улыбка

Бываетъ рѣдко не обманъ,
Тамъ онъ въ душѣ своей прелестной
Нашелъ блаженства талисманъ,
Земнымъ спрадальцамъ неизвѣстной;
Нашелъ — и смерть нашла его.
Твоей любовью упоенный,
Въ жару восторга своего
Ударомъ рока пораженный,
Щаспливецъ умеръ какъ заснулъ;
Въ минушу самыя кончины
Еще отъ нѣжности вздохнулъ.
Ахъ! кто изъ насъ такой судьбины
Семи вѣкамъ не предпочтетъ?
Не время мило, наслаждение.
Одно щаспливое мгновенье
Не лучше ли многихъ скучныхъ лѣтъ?

К ъ Л и л ѣ.

Ты плачешь, Лилеша?
Ахъ! плакалъ и я.
Смѣялась ты прежде,
Я нынѣ смѣюсь.
Мы оба другъ другу
Не должны ничѣмъ.
Есть очередь въ свѣтѣ,
Есть время всему;
Улыбка съ слезами
Въ сосѣдствѣ живешъ.
Ты прежде алѣла
Какъ роза весной;
Зефиры плѣнялись
Твоей красошой.
Я также плѣнился,
Надежду имѣвъ;
Мечталъ о блаженствѣ,
Спрадая въ душѣ!...
Болѣзнь миновалась,
И лѣта прошли
Любовныхъ мечтаній;
Я Лилу забылъ —

И вижу . . . о Небо !
 Чшо сдѣлалось съ ней ?
 Всѣ алыя розы
 Морозъ умертвилъ.
 Гдѣ прежде Зефиры
 Шепшали любовь ,
 Подъ сѣнію миршовъ
 Таился Эрошъ
 И пальчикомъ нѣжнымъ
 Съ усмѣшкой грозилъ :
 Тамъ нынѣ все пусто !
 Твоя красота
 Угасла какъ свѣчка ;
 Вспорхнула любовь
 И прочь улетѣла ;
 Любовники въ слѣдъ
 За нею исчезли.
 Лилеша одна ,
 И хочешъ отъ скуки
 Меня заманишь
 Въ сшаринныя сѣши !
 Я въ сказкѣ читалъ ,
 Чшо нѣкогда боги
 Влюбились въ одну
 Прекрасную Нимфу :
 Юпитеръ и Марсъ ,
 Непшунъ и Меркурій ,
 И Бахусъ и Фебъ.
 Красоткѣ хотѣлось

Ихъ всѣхъ обманушь,
Украшишь рогами
Лбы вѣчныхъ боговъ.
Такъ, такъ и случилось;
Одинъ за другимъ
Всѣ были рогаты.
Но время прошло;
Красавица стала
Не такъ хороша,
И боги сослали
Ее подъ луну,
Гдѣ Нимфа отъ грусти
Годъ слезы лила,
А послѣ отъ грусти
Слюбилась — увы! —
Съ рогатымъ Саширомъ.
Онъ былъ не брезгливъ,
И принялъ въ подарокъ
Обноски боговъ. —
Ты можешь быть Нимфой;
Но я не Саширъ!

Выборъ жениха.

Лиза въ городѣ жила,
Но невинною была;
Лиза, Ангелъ красою,
Ангелъ нравомъ и душою.
Время ей пришло любить...
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцатъ лѣтъ не можно
Сердцу безъ друга жить.

Что же дѣлать? гдѣ искать?
И кому люблю сказать?
Развѣ въ свѣтѣ появишься,
Всѣхъ плѣнишь, *однимъ* плѣнишься?
Такъ и сдѣлала она.
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно швердили:
„Ты прельщаешь насъ рождена!“

„Будь супругою моею!“
(Говоритъ богатый ей)
„Всякой день шебѣ гошвы
„Драгоцѣнныя обновы;
„Спанешь въ золотѣ ходишь;
„Ожерельями, серьгами,
„Разноцвѣтными парчами
„Буду милую дарить.“

Чшожъ красавица вѣ ошвѣтѣ?

Чшо сказала? *да иль нѣтъ?*

Лиза шолько улыбнулась;

Прочъ пошла, не оглянулась. —

Гордой баринѣ ей сказалъ:

„Будь супругою моею;

„Будешь знашной Госпожею:

„Знай, я *полный* Генералъ!“

Чшожъ красавица вѣ ошвѣтѣ?

Чшо сказала? *да иль нѣтъ?*

Генералу поклонилась,

Только чиномъ не плѣнилась;

Лиза... далѣе идетъ;

Ищешъ, долго не находишъ....

„Такъ она и вѣкъ проходишъ!“ ..

Ошибаешься — найдешъ!

Лизѣ Суженый сказалъ:

„Чиномъ я не Генералъ,

„И богатства не имѣю;

„Но любишь тебя умѣю.

„Лиза! будь навѣкъ моя!“ —

Тутъ прекрасная вздохнула,

На любезнаго взглянула,

И сказала: *я твоя!*

Разлука.

(*На голосъ: J'entends dans la forêt.*)

Любя любимымъ бышь,
Всего для насъ милѣе;
Но съ милой розно жишь,
Всего, всего пошнѣе.
Что въ сердцѣ безъ нее!
Въ ней сердце находило
Все щастіе свое;
Безъ милой все не мило.

Гдѣ щастье? гдѣ она?
И день и ночь вздыхаю;
Ошрада мнѣ одна,
Что слезы проливаю.
Довольно... такъ и бышь
Когда, мой другъ, съ тобою
Не лзя шеперь мнѣ жишь,
Хочу я жишь съ тоскою.

Клятва и преступленіе.

Хотѣлъ я не любить: чтожъ дѣлаю?
люблю!

Любя шерзаюся, крушу себя, гублю!..
Но пользы нѣтъ въ слезахъ; слеза-
ми я не смою

Того, что злой Судьбѣ желѣзною
рукою

Угодно было начертать:

„Кокешкамъ шорговать сердцами,

„Мужьямъ ходишь съ рогами,

„А Плаксѣ (по естѣ, мнѣ) бра-
нишь любовь словами,

„Но сердцемъ обожашь — вѣкъ,
вѣкъ!“ —

Увы! слабъ бѣдной человѣкъ!

Хоръ и куплеты, пѣтые въ Мар-
еинской (*) рошѣ друзьями по-
чтеннаго Хозяина, въ день имя-
нинъ Его.

Х о р ъ.

(На голосъ: *Ахъ пошли наши подружки.*)

Какъ томъ щасливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

І.

(На голосъ: *заря утренья возшла.*)

Кто Царями награжденъ,
Саномъ знашнымъ отличенъ
За достоинство прямое,
Въ томъ не щастіе слѣпое,
Но заслугу люди чшутъ.

(*) Село Мареево, въ 30 верстахъ отъ Москвы.

Хоръ.

Какъ тошъ щаспливъ, кшо сердцами
— и проч.

2.

Кшо не только на войнѣ,
Но и въ мирной пишинѣ
Былъ согражданамъ полезенъ,
Тошъ ошечесству любезенъ,
Тошъ есть вѣрный патріотъ.

Хоръ.

Какъ тошъ щаспливъ, — и проч.

3.

Кшо предъ трономъ въ духѣ швѣрдъ,
Передъ нижшими не гордъ,
Съ ровнымъ искренно дружишся
И коварныхъ не спрашишся,
Тошъ досшойнъ всѣхъ похвалъ.

Хоръ.

Какъ тошъ щаспливъ — и проч.

4.

Кшо среди заботъ и дѣлъ
Для семейства жишь умѣлъ:
Быть щаспливѣйшимъ супругомъ,
Для дѣшей ошцомъ и другомъ,
Тошъ чувствительнымъ рожденъ.

Хоръ.

Какъ тошъ щаспливъ — и проч.

5.

Кто покой Москвы блюдя,
 Часъ свободы находя,
 Любишь въ рощахъ прохлаждашься
 И съ друзьями забавляешься,
 Тотъ имѣешь нѣжной вкусъ.

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ — и проч.

6.

Дѣло дѣлать не всегда,
 И веселье не бѣда.
 Пѣсни намъ для щастья нужны;
 Музы съ Мудросію дружны —
 Имянинникъ! будь нашъ Фебъ!

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ — и проч.

7.

Праздникъ сей любезенъ намъ,
 Милъ домашнимъ и друзьямъ;
 Здѣсь и гости не чужіе;
 Здѣсь и гости какъ родные
 Веселятся всѣ съ тобой.

Хоръ.

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
 Прямо, испинно любимъ;
 Кто не льстивыми словами,
 Но усердіемъ хвалимъ!

~~~~~

Куплешы (на тотъ же голосъ) въ
чеспъ нѣжной Машери, пѣшые
Ея милымъ семействомъ, въ уеди-
ненномъ и пріятномъ мѣстѣ, ко-
торое называется Ея именемъ :
Дарьинымъ.

Какъ пріятны шѣ мѣста,
Гдѣ Нашуры красота
Въ простотѣ своей сіяетъ;
Гдѣ любовь изображаетъ
Имя милое Твое!

Хоръ.

Какъ шотъ щасливъ — и проч.

Прежде именемъ богинь
Украшался мракъ пустынь:
Имя Машери святѣе;
Имя Дарьино милѣе
Всѣхъ Гомеровыхъ имянъ.

Хоръ.

Какъ шотъ щасливъ — и проч.

Здѣсь любезнѣйшую Мать
Будутъ дѣти угощать
Въ часъ вечернія прохлады;
Здѣсь любовь и дружба рады
Съ нею время проводить.

Х о р ъ.

Какъ топъ щасливъ — и проч.

4.

*На палецъ , которымъ Купидонъ
грозитъ.*

Награда скромности гошова :
Будь щаспливъ — но ни слова !

5.

На руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

На крыло.

Амуръ летаетъ для того ,
Чтобъ милую найти для сердца своего :
Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Летать позабываетъ
И съ милою живетъ.

4.

*На палецъ, которымъ Купидонъ
грозитъ.*

Награда скромности гошова:
Будь щаспливъ — но ни слова!

5.

На руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

На крыло.

Амуръ лешаетъ для того,
Чтобъ милую найти для сердца своего:
Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Лешать позабываетъ
И съ милою живетъ.

4.

*На палецъ , которымъ Купидонъ
грозитъ.*

Награда скромности гошова:
Будь щаспливъ — но ни слова!

5.

На руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

На крыло.

Амуръ лешаетъ для того,
Чтобъ милую найши для сердца своего:
Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Лешать позабываетъ
И съ милою живетъ.

4.

*Ма палецъ , которымъ Купидонъ
грозитъ.*

Награда скромности гошова :
Будь щаспливъ — но ни слова !

5.

Ма руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

Ма крыло.

Амуръ лешаетъ для того ,
Чтобъ милую найши для сердца своего :
Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Лешать позабываетъ
И съ милою живетъ.

4.

*Ма палецъ , которымъ Купидонъ
грозитъ.*

Награда скромности гошова:
Будь щаспливъ — но ни слова!

5.

Ма руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

Ма крыло.

Амуръ летаетъ для того,
Чтобъ милую найши для сердца своего:
Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Летать позабываетъ
И съ милою живетъ.

7.

*Ма стрѣлу, которую Амуръ беретъ
въ руку.*

Спрашитесь : прострѣлю !
Но вы отъ-раны не умрете ;
Лишь томно взглянете , вздохнете ,
И скажете : люблю !

8.

Ма ногу.

Когда Любовь безъ ногъ ? Какъ надоб-
но ищи
Отъ друга милаго, сказавъ ему: *прости!*

9.

Ма спину.

Спою всегда лицомъ къ красавцамъ
молодымъ ,
Спиною къ старикамъ сѣдымъ.

Два сравненія.

1.

Что наша жизнь? Романъ. — Кто авторъ? Анонимъ.
Чишаемъ по складамъ — смѣемся, плачемъ — спимъ.

2.

Что есть жизнь наша? сказка.
А что любовь? ея завязка;
Конецъ печальной иль смѣшной.
Родись, люби — и Богъ съ тобой!

И наслаждается вѣками
 Въ геройскомъ подвигѣ своемъ.
 Парить съ орломъ подъ небесами,
 Сіять эфирными лучами,
 Сгорѣть шамъ солнечнымъ огнемъ,
 Оставишь пепелъ намъ, милѣе для
 Героя,
 Чѣмъ духомъ онѣмѣшь въ ничто-
 жесствѣ покоя,
 И съ червемъ прахъ лобзашь, до-
 колѣ Исполинъ,
 Рокъ, грозный смертныхъ вла-
 спелинъ,
 Его не раздавилъ Гигантскою спо-
 пою.—

Всѣмъ должно быть землѣю:
 Ты, слабый человѣкъ!
 Какъ пѣнь, мелькая, исчезаешь;
 Но надпись о другомъ и въ самый
 дальній вѣкъ
 Гласишь: *прохожій стой! Героя поли-*
раешь ()*.

(*) Переводъ славнаго Латинскаго надгробія:
 Sta, viator! Heroem calcas.

Исправленіе.

Пора , друзья, за умъ намъ взяться,
Безпущство кинушь , жишь пушѣмъ.
Не вѣкъ за бабочкой гоняшься,
Не вѣкъ быть рѣзвымъ мошылкомъ.

Безпечной юности ушѣха
Есть въ самомъ дѣлѣ страшной грѣхъ.
Мы часто плакали отъ смѣха:
Теперь оплачемъ прежній смѣхъ,

И другу , недругу закажемъ
Когонибудь въ соблазнъ вводишь;
Прямымъ раскаяньемъ докажемъ,
Что можемъ праведными быть.

Простите , скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!
Простите хитроси , обманы,
Бѣда мужей , забава женъ!

Ошнынъ будетъ все иное:
Чтобъ строгимъ людямъ угодишь,

Мужей оставимъ мы въ покоѣ,
А женъ начнемъ добру учить —

Не съ тѣмъ, чѣмъ нравы ихъ ис-
правишь —

Такихъ чудесъ не лѣзя желать —
Но чѣмъ красавицъ лишь заславишь
Отъ скуки и тоски зѣвашь.

„Зѣвашь?“ — Конечно; въ наказанье
За наши общія дѣла.

Бывало... Прочь, воспоминанье!
Чѣмъ снова не надѣлашь зла.

Искусство нравишься забудемъ,
И съ *лостнымъ* видомъ въ *мясоѣдъ*,
Среди собраній свѣшскихъ будемъ
Ругать, какъ можно злѣе, свѣшъ;

Бранишь все то, что сердцу мило,
Но въ чемъ сокрытъ для сердца вредъ;
Хвалишь, что грѣшникамъ посшало,
Но что къ спасенію ведешь.

Memento mori (*)! велегласно
На балахъ спанемъ восклицаешь,
И спономъ смерти ежечасно
Любезныхъ вѣшреницъ пугаешь. —

(*) То есть: *помни смерть*.

Какъ другъ вашъ споль перемѣнился,
Угодно ль вамъ, друзья, спросишь? ...
Скажешь ли правду? Я лишился
(увы!) способности грѣшить!

Н е п о с т о я н с т в о .

Пусть счастье коловратно —
Не лзя не знашь того;
Но мы еще спократно
Превратиѣ его.

Все новаго желаемъ,
Ошъ стараго бѣжимъ,
И счастье презираемъ,
Когда знакомы съ нимъ.

Любя во всемъ измѣну,
Позволимъ же любви
И счастью перемѣну,
Чшобъ намъ, невѣрнымъ, мспишь!

Эпиграмма.

Я знаю, для чего Крадонъ швердитъ
всегда,
Что свѣтъ наукъ есть зло: для вора
свѣтъ бѣда!

И с т и н а.

Кшо скажешъ не солгавъ, что съ ро-
ду онъ не лгалъ,
Тошъ развѣ никогда влюбленнымъ не
бывалъ!

Мысляшѣ и немысляшѣ.

Всѣ мысляшѣ жишѣ, но не живушѣ;
Не мысля умерешѣ, умрушѣ.

Надгробіе Шарлашана.

Я пылъ въ глаза пускалъ;
Теперь — я пылью спалъ.

Переменная цвѣща.

Вдругъ спалъ у Лины дурень цвѣшѣ:
Конечно въ городѣ румянѣ хорошихъ
нѣшѣ!

Желаніе.

Какъ странникъ, зноемъ утомленный,
Въ тѣни желаетъ отдохнуть :
Такъ бѣдный, скорбью изнуренный,
Желаетъ вѣчнымъ сномъ заснуть.

Тацитъ.

Тацитъ великъ; но Римъ, описанный
Тацитомъ,
Достоинъ ли пера его?
Въ семъ Римѣ, нѣкогда геройствомъ
знамениномъ,
Кромѣ убійцъ и жертвъ не вижу ничего.
Жалѣть объ немъ не должно:
Онъ стоилъ лютыхъ бѣдъ не-
щастья своего,
Терпя, чего терпѣть безъ подлости
не можно!

Къ Шекспирову подражашелю.

Ты хочешь бышь, Глупонъ, Шекс-
пировъ подражашель;
Выводишь для того на сцену мясни-
ковъ,
Башмашниковъ, поршнихъ, чудовищъ
и духовъ.
Великій Александръ, земли завоева-
тель,
Для современниковъ былъ также об-
разцомъ;
Но въ чемъ они ему искусно подра-
жали?
Въ геройствѣ ли души? въ дѣлахъ?
ахъ, нѣтъ! не въ томъ;
Но шею къ лѣвому плечу, какъ онъ,
склоняли (*).
Что дѣлали они, то дѣлаешь и ты:
Уродство видимъ мы; но гдѣ же красо-
ты?

(*) См. Кв. Курц.

Куплеты изъ одной сельской Ко-
медіи, игранный благородными
Любителями Театра.

Хоръ земледѣльцевъ.

Какъ не пѣть намъ? Мы щасливы.
Славимъ барина-опца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умнѣе:
Ихъ искусство говорить.
Что жъ умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодушелей любить.

Сельской любовникъ.

Здѣсь сердца людей согласны
Съ ихъ нелъпивымъ языкомъ,
Наши милыя прекрасны
Не раскрашеннымъ лицомъ,
А природными чертами;
Обмануть насъ не хошашъ
Ни глазами, ни словами:
Лишь по чувству говоряшъ.

Дѣвушка.

Какъ намъ, дѣвушкамъ, ни больно
 Тайну сердца объявишь,
 Слово вылетишь невольно:
 Скажешь — поздно ворошишь!
 Пришворяшься вѣкъ не можно;
 Всѣ мы созданы любви:
 Лишь держаться слова должно;
 Стыдно, стыдно измѣнишь.

Сельская любовница.

Я съ любовью играла
 И съ любовью росла;
 Съ нею горе я узнала,
 Съ нею счастье нашла;
 И надѣюсь безъ искусства
 Сердце друга сохранить;
 Вѣрность, жаръ и нѣжность чувства
 Мнѣ помогутъ милой быть.

Городской житель.

Естьли въ городѣ имѣюшъ
 Больше средствъ плѣнять мужчинъ,
 Лучше здѣсь любить умѣюшъ.
 Тамъ любовь есть цвѣтъ одинъ,
 Здѣсь любовь есть цвѣтъ съ плодами.
 Время нравишься пройдеши,
 И кокетка съ сѣдинами
 Есть завялой пустоцвѣтъ.

Горожанка.

Тотъ живетъ благополучно,
 Кто умѣетъ жить въ другомъ.
 О себѣ лишь думаетъ — скучно;
 Щастье въ двухъ, а не въ одномъ.
 Кто же бабочкой летаетъ
 Съ василька на василекъ,
 Тотъ любви еще не знаетъ;
 Кто любилъ, тотъ любитъ вѣкъ.

Горожанинъ.

Еслибъ было въ нашей власти
 Вѣчно бабочкой летать,
 Не дивился бы я спрашивать
 Съ тѣмъ любить, чтобъ разлюбить
 Время крылья подсѣкаетъ,
 И придется сиднемъ быть.
 Поздно вѣтренной узнаетъ,
 Каково на вѣтеръ жить!

Госпожа.

Можно въ самомъ шумѣ свѣта
 Съ тихимъ сидемъ вѣкъ прожить,
 Святость брачнаго обѣта
 И невинность сохранишь.
 Добродѣтель утѣшаетъ,
 Спрасть къ раскаянью ведетъ.
 Пусть любовникъ насъ плѣняетъ:
 Щастье лишь супругъ даетъ.

Горожанка.

Ахъ! во мракъ заблужденья
 Щастье ложная мечта.
 Нѣтъ для сердца наслажденья,
 Если совѣсть нечиста.
 Что жена безъ доброй славы?
 Мужу, дѣтямъ вѣчной стыдъ.
 Какъ ни дурны въ свѣтѣ нравы,
 Всякой добродѣтель чшишъ.

Староста.

Женихамъ, невѣстамъ должно
 Въ пѣснѣ правду объявишь.
 Ввѣкъ прельщаться не возможно:
 Что же можно намъ? любишь.
 Съ другомъ жить, не съ красою;
 Будешь молодъ не всегда.
 Кто же милъ душѣ душою,
 Въ томъ морщина не бѣда.

Бурмистръ.

Будемъ жить, друзья, съ женами,
 Какъ живали въ старину.
 Худо намъ бышь ихъ рабами;
 Воля портишъ лишь жену.
 Дома имъ не посидишся;
 Все бы, все бы по гостямъ.
 Это право не годишся;
 Приберише ихъ къ рукамъ.

В а х м и с т р ъ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое;
 Не указъ намъ старина.
 Воля дѣло золотое,
 А законъ любовь одна.
 Руской созданъ прославляться,
 Государю вѣрнымъ бытъ,
 Пули, смерти не бояться,
 И красавицамъ служишь.

Г о р о ж а н к а.

Можешь бытъ не безъ причины,
 Ешьли правду говоришь,
 Вы бранише насъ, мушеры;
 Но одни хошите ль жишь?
 Вамъ даны Природой силы,
 Намъ искусство васъ ловишь;
 Мы другъ другу право милы —
 Будемъ споришь и любишь!

Пропей, или несогласія Спихо-
творца.

(NB. Говорятъ, что Поэты не рѣдко
сами себѣ противорѣчатъ и перемѣ-
няютъ свои мысли о вещахъ. Сочини-
тель отвѣчаетъ:)

Ты хочешь, чшобъ Поэтъ всегда одно
лишь мыслилъ,
Всегда одно лишь пѣлъ: безумный че-
ловѣкъ!
Скажи, кто образы Пропеевы изчи-
слилъ?
Таковъ питомецъ Музъ, и былъ и бу-
дешъ вѣкъ.
Чувствительной душѣ не сродно ль из-
мѣняться?
Она мягка какъ воскъ, какъ зеркало
ясна,
И вся Природа въ ней съ ошѣнками
видна.
Не лзя ей для тебя *единою* казаться
Въ разнообразіи естественныхъ чудесъ.

Взгляни на свѣшлый прудъ, едва, едва
струимый
Дыханьемъ вѣтерка: вѣ сію минушу
зримы
Въ немъ яркій Фебовъ свѣшъ, чистѣй-
шій сводъ небесъ
И дерзостный орелъ, горъ одинъ па-
рящій;
Кудрявые верхи развѣсистыхъ древесъ;
Въ сѣни ихъ пастушокъ съ овечкою
стоящій;
На вѣтви голубокъ съ подружкою своей
(Онъ дремлетъ, подъ крыло головку
спрятавъ къ ней) —
Еще минуша... вдругъ совсѣмъ иная
сцена:
Сокрыли облака вѣ кристаллѣ Фе-
бовъ зракъ;
Тамъ спелешся одинъ волнистый, си-
зый мракъ.
Въ душѣ любимца Музъ такая жь пе-
ремѣна
Бываетъ каждый часъ; что видишъ,
то поешъ,
И всѣмъ умѣя быть, всѣмъ быть пе-
реснаешъ.
Когда вѣ весенній день, среди луговъ
цвѣтущихъ
Гуляя, видишъ онъ Природы красоты,

Нимфѣ сельскихѣ хороводѣ, играю-
 щихѣ, поющихѣ,
 Тогда вѣ душѣ его раждающся мечшы
 О *вѣкѣ* золотомѣ, вѣ кошоромѣ люди
 жили
 Какѣ брашья и друзья, пасли свои спа-
 да,
 Пишались ихѣ млекомѣ; не мысля ни-
 когда,
 Чшо естѣ добро и зло, *по чувству* до-
 бры были,
 А болѣе всего... рѣзвились и любили!
 Тогда онѣ сѣ Геснеромѣ свирѣлю
 своей
 Изѣ шума городовѣ зовешѣ вѣ поля
 людей.
 „Оспавьше, говорешѣ, жилище скуки
 шомной,
 „Гдѣ все веселіе вѣ пришворствѣ со-
 стоишѣ;
 „Гдѣ вы находите единый ложный
 видѣ
 „Ушѣхи и забавѣ. Вѣ сѣни Природы
 скромной
 „Душевный сладкій мирѣ сѣ весе-
 лосшью живешѣ;
 „Тамѣ щасшье на лугу сѣ фіалками
 цвѣшешѣ,

„И смотришся въ ручей съ пастуш-
кою прекрасной.

„О щасши въ городахъ лишь только
говоряшъ,

„Не чувствуя его; въ селѣ обѣ немѣ
молчаши,

„Но съ нимѣ проводяшъ вѣкъ, какъ
день весенній ясной,

„Въ невинности злшой, въ сердечной
простотѣ.“

Когда жь глазамъ его явился блескъ
Искусства

Въ чудесности своей и въ полной кра-
сотѣ:

Великолѣпный градъ, картина много-
людства,

Разнообразное движеніе страстей,
Подобныхъ бурному волненію морей,
Но дѣйствіемъ ума премудро согла-
шенныхъ,

И къ благу общества закономъ обра-
щенныхъ:

Театръ, гдѣ дѣйствуя лишь для себя
самихъ,

Невольно дѣйствуемъ для выгоды дру-
гихъ;

Машина хитрая, чудесное сцѣпленье
Безчисленныхъ колесъ; ума произве-
деніе,

Но, не смотря на то, загадка для
него!

Тогда Пѣвецъ села въ восторгъ уди-
вленья,

Забывъ свирѣль, беретъ для гимна
своего

Злашую лиру, пѣшь успѣхи просвѣ-
щенья:

„Что былъ ты, человѣкъ, съ Приро-
дою одинъ?

„Ничтожный рабъ ея, живущій боя-
зливо.

„Лишь въ обществѣ ты сталъ При-
роды властелинъ,

„И въ первый разъ взглянулъ на небо
горделиво,

„Взглянулъ и прочиталъ тамъ сла-
вный жребій свой:

„Быть въ мірѣ семъ царемъ, творенія
главой.

„Лишь въ обществѣ душа твоя себѣ
сказалась,

„И сердце начало съ сердцами гово-
ришь;

„Одна во слѣдъ другой идея развива-
лась,

„И скоро обняла вселенную ихъ нишъ.

„Въ Аркадіи своей ты былъ съ звѣ-
рами равенъ,

„Но шопъ, кто былъ всегда примѣ-
 ромъ для людей,
 „Среди безчисленныхъ опасныхъ пре-
 шкновений
 „Какъ мраморный колоссъ незыблемо
 стоялъ,
 „Сшезею правды шелъ во мракъ за-
 блуждений,
 „Сражался съ каждымъ зломъ, сра-
 жаясь побѣждалъ.
 „Такъ кормчій посреди морей необо-
 зримыхъ
 „Безъ страха видишъ гробъ волнистый
 предъ собой
 „И слышишъ грозный ревъ пучинъ
 неизмѣримыхъ;
 „Тамъ гибельная мѣль, здѣсь камни
 подъ водой:
 „Но съ каршою въ рукахъ, съ магни-
 томъ предъ очами,
 „Пловецъ въ душѣ своей смѣется надъ
 волнами,
 „И къ пристани спѣшишъ, гдѣ ждетъ
 его покой.“ —

Въ сей хижинѣ живетъ пишомецъ Эпи-
 кшеша,
 Который, испребивъ чувствитель-
 ность въ себѣ,

Надежду и боязнь, престалъ служишь
 Судьбѣ
 И бышь ея рабомъ. Сія царица свѣта
 Ошнѣтъ, ни дасть ему не можешь ни-
 чего:
 Ничто не веселишь, не прогаешь его;
 Онъ ко всему готовъ. Представь ко-
 нецъ вселенной:
 Небесный сводъ трещитъ; огромные
 шары
 Лешатъ съ своихъ осей; въ развали-
 нахъ міры...
 Симъ страшнымъ зрѣлищемъ мудрецъ
 не уstraшенной
 Покойно бы сказалъ: „мнѣ время от-
 дохнуть,
 „И въ гробъ Естества сномъ вѣчно-
 сти заснушь!“
 Поэтъ предъ нимъ свои колѣна пре-
 клоняешь,
 И полубога въ немъ на лирѣ просла-
 вляешь.
 „Великая душа! что міръ сей предъ
 тобой?
 „Горсть пыльных земли. Кто повели-
 шель твой?
 „Самъ Богъ — или никто. Ты нужды
 не имѣешь
 „Въ подпорѣ для себя: тверда сама
 собой.

„Безъ щасстья бышь всегда щасшливою
 умѣешь ,
 „Умѣя презирашь ничтожный блескъ
 его;
 „Оно безъ глазъ , а ты безъ глазъ и
 для него:
 „Смѣешься иль грозить , не видишь
 ничего.
 „Пусть карлы будутъ имъ велики или
 славны:
 „Обманчивый призракъ! ихъ слава
 звукъ пустой;
 „Въ величїи своемъ они съ землею
 равны;
 „А ты равна ли съ чѣмъ? съ единою
 собой!“
 И пою жь кистію , съ шѣмъ самымъ
 же искусствомъ
 Сей нравственнѣйшій Апеллъ распишетъ
 слабость вамъ ,
 Для Стоиковъ пороки , но сродную
 сердцамъ
 Зависимыхъ существъ , рожденныхъ
 съ нѣжныхъ чувствомъ...
 Ахъ! *слабость жить мечтой*, опъ Рока
 ожидаешь
 Всего, что мыслямъ льстятъ , — на-
 дѣяться , бояться ,
 Опъ удовольствїя и страха прене-
 шать,

Слезами радости и скорби обли-
вашся!..

„Хвалишесь, мудрецы, безспрасшіемъ
своимъ,

„И будыше камнями на зло самой При-
родѣ!

„Чувствительность! люблю я бышь
рабомъ твоимъ;

„Люблю предпочиташъ зависимость
свободѣ,

„Когда зависимость есть дѣйствіе
твое,

„Свобода жь дѣйствіе холоднои
безпечной!

„Кому пойду открышь спраданіе мое

„Въ часѣ люшыхъ тоски и горести
сердечной?

„Тебѣ ль, Зенонъ? чѣмъ ты меня
лишь осудилъ,

„Сказавъ, что виненъ я не властвуя
собою?

„Ахъ! кто несчастія въ сей жизни
не вкусилъ,

„Кто не былъ никогда терзаемъ злой
судьбою

„И слабостей не зналъ, въ томъ со-
жалѣнья нѣтъ;

„И рѣдко человекъ, который вѣчно
твердъ,

„Бываетъ не жестокъ. Я къ вамъ пой-
ду съ слезами,

„О нѣжныя сердца! вы плакали и сами;

„По чувству, опыту извѣстна горестъ
вамъ.

„Къ ссрадавшимъ ссраждающій довѣ-
ренность имѣетъ:

„Кто падалъ, тотъ другихъ поддер-
живашъ умѣетъ.

„Мы вмѣстѣ воскуримъ моленій ѿи-
міамъ...

„Молишва общая до Вышняго доходна;

„Молишва общая дѣшей Ошцу угодна..

„Онъ исполненіе съ любовью изречетъ;

„Зефиръ съ небесъ для насъ вѣстъ
сладкую снесетъ;

„Ошчаянія мракъ надеждой озарится,

„И мертвый кипарисъ чудесно рас-
цвѣшетъ;

„Кто былъ несчастливъ, вдругъ ошъ
щастья прослезится.,,

Богашство, санъ и власть! не ищешъ
васъ Поэтъ;

Но бытъ хотя на часъ предметомъ
удивленья

Милѣ для него земнаго поклоненья

Безчисленныхъ рабовъ. Ему вѣнокъ
проспой

Дороже, чѣмъ вѣнецъ блистательной
злашой.

Съ какою жь ревностью онъ Славу
прославляешъ,

И тѣмъ, что любишъ самъ, сердца
другихъ плѣняешъ!

Съ какою ревностью онъ служишъ
эхомъ ей,

Гремящій звукъ ея вѣкамъ передавая!

Сынъ Фебовъ былъ всегда хранишель
олшарей,

На коихъ, память душъ великихъ
обожая,

Цошомство еиміамъ безсмертію ку-
ришъ.

„Все плѣнно въ мірѣ семъ, жизнь
смертныхъ скорошечна,

„Минушны радости, но слава долго-
вѣчна:

„Живите для нее!“ въ воспоргѣ онъ
гласишъ:

„Достойна жизни цѣль, достойна
жертвъ награда.

„Мудрецъ! ищи ее, трудясь во тѣмъ
ночей:

„Да искрой истины возженная лам-
пада

„Освѣтитъ рядъ вѣковъ, и будетъ
для людей

„Источникомъ ошрадъ! Творецъ бла-
гихъ законовъ!

„Трудись умомъ своимъ для щасъя
милліоновъ!

„Отдай опечесству себя и жизнь,
Герой!

„Для васъ покоя нѣтъ; но есть по-
шомство, слава;

„Исторія для васъ подѣмлетъ гри-
фель свой.

„Вы жертвой будете всемірнаго
устава,

„Низвидете во гробъ, но только для
очей:

„Для благодарныхъ душъ дни ваши
безконечны;

„Послѣдствіемъ своимъ дѣла и разумъ
вѣчны:

„Сашурнъ не можешъ ихъ подсѣчь ко-
сой своей.

„Народы, коихъ вы рожденія не зрѣли,

„Которыхъ нѣтъ еще шеперь и колы-
бели,

„Васъ будутъ знать, любить, усер-
дно прославлять,

„Какъ Геніевъ земли счишашъ полу-
богами,

„И клясшся вашими святыми име-
нами!“

Такъ свойственно Пѣвцу о славѣ вос-
пѣвать ;

Но часто видя, какъ сердца людей
коварны,

Какъ души низкія все любящъ уни-
жающъ,

Какъ души слабыя въ добрѣ неблаго-
дарны,

Онъ въ горести гласишъ: „О слава!
шы мечша,

„И лишь вдали твои призраки свѣто-
зарны;

„Теряешся вблизи ихъ блескъ и кра-
соша.

„Могу ли опѣ шого я бышь благопо-
лученѣ ,

„Что скажетъ обо мнѣ народная молва?

„Щасливо ль сердце шѣмъ, что въ
лавахъ голова?

„Великій Александръ себѣ былъ въ
славѣ скученъ,

„И въ чашѣ Вакховой забвенія ис-
калъ (*).

„Хвалы Орапоровъ Аѳинскихъ онъ
желалъ;

„Но острые умы его пересмѣхали :

(*) Известно, что Александръ излишно любилъ вино.

„Въ Аѳинахъ храбреца безумцемъ на-
зывали.

„Ахъ! люди шаковы: въ божествен-
ныхъ душахъ

„Лишь смотряшъ на порокъ, изящ-
наго не видяшъ;

„Великихъ любяшъ всѣ... въ рома-
нахъ, на словахъ,

„Но въ свѣтѣ часто ихъ сердечно не-
навидяшъ.

„Для щасія вѣковъ трудись умомъ
своимъ:

„Въ награду прослывешь мечтателемъ
пустымъ;

„Будь мудръ, и жди себѣ однѣхъ на-
смѣшекъ злобныхъ.

„Глупцамъ пріятели хвалятъ себѣ по-
добныхъ,

„Чѣмъ умныхъ величаютъ; глупцовъ
же полонъ свѣтъ.

„Но справедливость намъ потомство
отдаетъ!...

„Нещастный! что тебѣ до мнѣнія по-
томковъ?

„Среди могилъ, костей и гробовыхъ
обломковъ

„Не будешь чувствовать, что ска-
жутъ о тебѣ. —

„Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кто.
Судьбѣ

„За сей *кимвальный* звонъ опдастъ
изъ доброй воли
„Спокойствіе души, блаженство ши-
хой доли!
„Не знаетъ щастія, не знаетъ томъ
людей,
„Кто спавитъ ихъ хвалу предметомъ
жизни всей!“ —

Но въ чемъ сынъ Фебовъ такъ съ
собою несогласенъ,
Какъ въ пѣсняхъ о любви? то ща-
стіе она,
То въ сердце нѣжное на муку вселена;
То милъ ей законъ, то гибеленъ, ужа-
сенъ.

Любовь есть прелестъ, жизнь чув-
ствительныхъ сердецъ;
Она жъ въ Поэзіи начало и конецъ.
Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба безъ нее не зналъ бы чело-
вѣкъ.

Прощаясь съ ея эфирными мечтами,
Поэтъ и съ Музами прощается на-
вѣкъ —

Или стихи его теряютъ цвѣтъ и
сладость;
Златое время ихъ есть только наша
младость.

Внимай: Эрошовъ другъ съ веселіемъ
поешъ

Щасливую любовь: „Какъ солнце кра-
сипъ свѣпъ

„И міръ физическій огнемъ одуше-
вляешъ,

„Такъ міръ чувствительный любовью
живешъ,

„Такъ нѣжный огонь ея въ немъ душу
согрѣваешъ.

„Она и жизнь даетъ, она и жизни
цѣль;

„Училищемъ ея бываетъ колыбель,

„И въ самой старости, у самыя мо-
гилы

„Ея безцѣнные воспоминанья милы.

„Когда для тайныхъ чувствъ своихъ
предметъ найдемъ,

„Тогда лишь прямо жишь для щастія
начнемъ;

„Тогда узнаемъ мы свое опредѣленье.

„Какъ первый человекъ нечаянно вку-
сивъ

„Плодъ сочный, вдругъ и гладъ и жа-
жду утоливъ,

„Увѣрился, что есть потребность, на-
слаждение,

„Узналъ ихъ связь, предметъ (*): такъ
 юный человекъ,
„Любящій въ первый разъ, увѣренъ
 въ томъ душою,
„Что созданъ онъ любить, жить съ
 милою своею,
„Соспавить съ ней одно — или по-
 мишься ввѣкъ.
„Блаженная чета!.. какая кисть опи-
 шетъ
„Тотъ радостный восторгъ, когда
 любovníкъ слышетъ
„Слова: люблю! твоя! ... одинъ сей рай-
 скій мигъ
„Завиднѣе ста лѣтъ, щасливо про-
 веденныхъ
„Безъ горя и бѣды, еѣ избыткѣ благъ
 земныхъ!
„Все мило для сердецъ, любовью упо-
 енныхъ;
„Гдѣ терніе другимъ, тамъ розы имъ
 цвѣшущъ.
„Въ пустынь лѣ, въ нищетѣ лѣ лю-
 бовники живутъ,
„Для нихъ равно; вездѣ, во всемъ
 судьбой довольны.
„Неволя самая имъ кажется легка,

(*) См. въ Бюффонѣ чувствива перваго челоѵка.

„Когда и въ ней они любятъ другъ
друга вольны.

„Ахъ! жертва всякая для нѣжности
сладка.

„Любовь въ терпѣніи находитъ ушѣ-
шенье,

„И въ вѣрности своей за вѣрность
награжденъе.

„Надъ сердцемъ милымъ власть милѣе
всѣхъ властей.

„Вздыхаетъ иногда и лучшій изъ Царей:

„Всегда ли можешь онъ намъ власнiю
своею

„Блаженство даровать? Въ любви жъ
всегда мы ею

„И сами щасливы, и щасiе даемъ,

„Словами, взорами, слезой, улыбкой, —
всѣмъ.

„Минуша съ милою есть вѣчность на-
слажденья,

„И вѣкъ покажется минушой восхи-
щенья!“

Такъ онъ поетъ — и вдругъ, унизивъ
голосъ свой,

Изъ тихо - нѣжныхъ струнъ дрожащею
рукой

Иные звуки онъ для сердца извле-
каетъ....

Ахъ! звуки горести, шоски! Мой слухъ
внимаешъ:

„Я вижу юношу примѣрной красоты;

„Любовь, сама любовь его образовала;

„Она ему сей взоръ небесный даровала,

„Сии прелестныя любезности черты.

„Для счастья созданъ онъ, конечно бѣ
вы сказали;

„Но поменъ видъ его, и черный крепъ
печали

„Темнишъ огонь въ глазахъ. Онъ мед-
ленно идешъ

„Искашъ, не алыхъ розъ среди луговъ
весеннихъ —

„И лѣшо прошекло; цвѣшовъ нигдѣ
ужь нѣшъ —

„Но горестныхъ картинъ и ужасовъ
осеннихъ

„Въ унылыхъ рощахъ, гдѣ валился жел-
тый листъ

„На желшую траву, гдѣ слышенъ вѣ-
шровъ свистъ

„Между сухихъ деревъ; гдѣ лѣшомъ
пшички пѣли,

„Но гдѣ уже давно ихъ гнѣзъ, а охла-
дѣли.

„Тамъ юноша стоишъ надъ шумною
рѣкой;

„И зря печальный гробъ Нашуры предъ
собой,

„Такъ мыслишъ: прежде все здѣсь жи-
ло, зеленѣло,

„Цвѣло для глазъ; теперь уныло, по-
мертвѣло! . .

„И я душою цвѣлъ, и я для счастья
жилъ:

„Теперь навѣкъ увялъ, и съ счастьемъ
простился!

„На чтожь мнѣ жизнь? сказалъ. . . въ
волнахъ рѣки сокрылся. . .

„О нѣжныя сердца! сей юноша любилъ;

„Но милый другъ ему коварно измѣ-
нилъ! . . .

„Хошите ли змѣю подъ алой розой ви-
дѣшь;

„Хошите ль жизнь и свѣтъ душой воз-
ненавидѣшь,

„И въ сердцѣ собственномъ найди
себѣ врага:

„Любите! . . . скоро прахъ вашъ будетъ
подъ землёю:

„Ахъ! жизнь чувствительныхъ не мо-
жетъ быть долга!

„Любовь для нихъ есть ядъ: воспор-
гомъ и тоскою

Она мершвитъ сердца; воспоргъ есть
мигъ — пройдетъ,

„Но душу ошѣ другихѣ благѣ въ мірѣ
отвращаетъ:

„Все будетъ скучно ей — попка же въ
ней живетъ

„Какъ люшая змѣя ; всегда, всегда шер-
заетъ.

„Измѣна, вѣтреность, коварство,
злой обманъ...

„Кому изчислишь всѣ причины огор-
ченій,

„Всѣ бѣдствія любви? ихъ цѣлый
океанъ,

„При каплѣ, можетъ быть, сердеч-
ныхъ наслажденій.

„Когда увидите спраданія чершы

„И блѣдность помную цвѣщую кра-
сошю,

„Ахъ! знайте, что любовь тамъ душу
изнуряетъ.

„Кшо жъ щаспливымъ себя любовью
почитаетъ,

„Тотъ пѣніемъ Сиренъ на время усы-
плѣнъ,

„Но тѣмъ несчастнѣе проснувшись
будетъ онъ!“ — —

Противорѣчій сихъ въ порокъ не дол-
жно спавишь

Любимцамъ нѣжныхъ Музъ; ихъ дѣло
выражать
Опшѣнки разныхъ чувствъ, не мысли
соглашать;
Ихъ дѣло не рѣшить, но прогать и
забавить.

Пусть ищетъ Философъ тѣхъ·кладе-
зей подземныхъ,
Гдѣ истина живетъ безъ всѣхъ гада-
ній темныхъ,
И гдѣ хранится ключъ Природы для
ума!

Здѣсь (*) сердце говоришь, но исти-
на нѣма;
Поэты дѣлають языкъ его намъ вня-
тнымъ —

И сердцу одному онъ долженъ быть
пріятнымъ.

Оно полюбитъ вещь, не влюбитъ
черезъ часъ:

И Музы въ семъ ему охотно подра-
жающѣ;

То хваляшъ съ живоспью, то съ жа-
ромъ осуждаюшъ.

Предметы разныхъ видѣ имѣющъ здѣсь
для насъ:

Съ кошорой стороны они явятся взору,

(*) То естъ, въ здѣшнемъ свѣтѣ.

И чувству таковы. — Поди въ весенній садъ,
Гдѣ вѣтреный Зефиръ рѣзвась цѣлуетъ
Флору
Въ прелестныхъ цвѣтникахъ — шамъ
зрѣніе плѣняетъ
И роза и ясминъ, и ландышъ и лилея:
Сорви, что выберешь по вкусу своему.
Такъ шочно, нѣжный вкусъ къ Поэзіи
имѣя,
Чишай стихи — и вѣрь единственно
тому,
Что нравишся тебѣ, что сказано пре-
красно,
И что съ пошребностью души швоей
согласно;
Чишай, шверди, хвали: хвала стихамъ
вѣнецъ.
Поэзія цвѣтникъ чувствительныхъ сер-
децъ.

Его Императорскому Величеству,
АЛЕКСАНДРУ I, Самодержцу
Всероссійскому, на восшествіе
Его на престолъ.

Россіи Императоръ новый!
На тронъ будь благословенъ.
Сердца пылашь Тобой гошовой;
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милья весны явленье
Съ собой приносишь намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ природой расцвѣшають,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушають.
Весна у насъ, съ Тобою мы!

Какъ Ангелъ Божій Ты сіяешь
И благостью и красотой,
И съ первымъ словомъ общаешь
ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ златой,
Дни щастія, веселья, славы,
Когда премудрые ушавы
Внутри хранили нашъ покой,
А въ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой —

Когда Монаршими устами
 Вѣщала милость къ намъ одна,
 И правила людей сердцами;
 Когда и самая вина
 Не рѣдко ею ошпускалась,
 И власть Монаршая казалась
 Намъ властію любви одной.
 Какое сердцу услажденье
 Имѣть къ Царямъ повиновенье
 Изъ благодарности свяшой!

Се Твой обѣтъ, о Царь Державный,
 Сильнѣйшій изъ Владыкъ земныхъ!
 Ахъ! Россы вѣрностію славны,
 И Вѣнценосецъ святъ для нихъ.
 Любимый и любви достойный,
 На тронѣ Ошческомъ спокойный,
 Бреги Ты грома для враговъ,
 Рази единое злодѣйство;
 Россія есть Твое семейство:
 Среди насъ Ты среди сыновъ.

Воспитанникъ ЕКАТЕРИНЫ!
 Тебя Господь Россіи далъ.
 Ты урну нашея судьбины
 Для дѣлъ великихъ воспріялъ:
 Еще ихъ много въ ней хранишся,
 И духъ мой сладко веселишся,

Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, МОНАРХЪ, ошли-
ченъ!

Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все — еще Ты младъ!

Уже воинской нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣтъ;
Предъ нами падали Державы;
ЕКАТЕРИНИНЫХЪ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянушъ;
Пошомство, вѣки не престанушъ
Ея Героевъ величать:
Румянцева искуснымъ, славнымъ,
Суворова — себѣ лишь равнымъ;
Сражаешься, было имъ — карать.

Давно ль еще, о незабвенный
Суворовъ! съ горстію своихъ
На Альпы Марсомъ вознесенный,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ,
Который, въ безднахъ раздаваясь
И горнымъ эхомъ повпоряясь,
Гиганшовъ дерзостныхъ разилъ?
Ты богомъ ужаса являлся!...
Тебѣ міръ низкимъ показался,
И ты на небо воспарилъ.

МОНАРХЪ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!

Брозды Россійскія Державы
 Тебѣ для щасстья вручены.
 Ты будешь Геніемъ покоя;
 Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
 Дѣлъ мирныхъ, правоты свяшой.
 Возьми — не мечъ, — вѣсы Ѳемиды,
 И бѣдный, не спрашась обиды,
 Найдешь безъ злаша вѣкъ злашой.

Когда не всѣ законы ясны,
 Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
 Когда же въ смыслъ не согласны,
 Ты ихъ премудро согласишь.
 Законъ бышь долженъ какъ зеркало,
 Гдѣ бѣ солнце истины сіяло
 Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
 Великъ, какъ Богъ, законодатель;
 Онъ мирныхъ обществъ основатель,
 И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.

МОНАРХЪ! еще другія славы
 Достоинъ Твой пресвѣтлый пронъ:
 Да царствуютъ благіе нравы!
 Примѣръ Двора для насъ законъ.
 Развратъ, спыдомъ запечашлѣнный,
 Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,
 Бываетъ нравовъ поржествомъ;
 Царю придворный угождая,

И добродѣтель обожая,
Для всѣхъ послужишь образцомъ.

Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Идійскій медъ;
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣ нѣтъ.
Они всегда хваляшь гшовы,
Всегда хвалы ихъ тонки, новы;
Имъ имя — хищные льстецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, зловны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.

Они опечесства не знаютъ;
Они не любяшь и Царей,
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградися;
Твой слухъ вовѣкъ не обольстися
Коварной, ложной ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями,
Россіи лучшими сынами;
Опечесство одно съ Тобой.

Довольно Патріотовъ вѣрныхъ,
Гшовыхъ жизнь ему отдашь,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказать!

У насъ *Пожарскіе* сіяли,
 И *Долгорукіе* дерзали
 ПЕТРУ ошъ сердца говоришь;
 Великій соглашался съ ними,
 И звалъ ихъ братьями своими. —
 МОНАРХЪ! Ты будешь насъ любишь!

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
 Наукой щасливъ человѣкъ —
 И блескомъ Твоего правленья
 Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
 Се Музы, къ трону приступая,
 И черный крекъ съ себя снимая,
 Твоей улыбки милой ждущъ!
 Онъ сердца людей смягчающъ;
 Онъ жизнь нашу услаждающъ,
 И добраго Царя поющъ!

На торжественное коронованіе Его
Императорскаго Величества
АЛЕКСАНДРА I, Самодержца
Всероссійскаго.

Il en est des grands Souverains comme des
Dieux. Comblés de leurs bienfaits, nous
n'avons pas pour eux des récompenses,
mais nous avons des hymnes. — *Thomas.*

Россія! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялѣ вѣнецъ и скиптрѣ съ державой,
Чшобѣ бытъ примѣромъ для Царей!
Возсшанъ, ликуй, народѣ великій!
Блишай, веселіе сердецъ!
Любовью ошданѣ сей вѣнецъ
Гремиле, радостные лики:
„МОНАРХЪ и подданный Его
„Вѣ душѣ желаюшѣ одного!“

Сколь трудно править самовластно
И Небу лишь отчетѣ давать!

Но сколь велико и прекрасно
 Дѣлами Богу подражать!
 Его велѣньямъ нѣшъ препоны;
 Но Онъ шворя благошворишъ.
 Онъ можешъ все, но свято чшишъ
 Его жъ премудроси законы —
 И фебъ въ сіяніи своемъ
 Течешъ всегда однимъ пушемъ.

МОНАРХЪ Россіи, полусвѣта!
 Ты Самъ Себѣ въ добрѣ законъ.
 Другой, въ Твои младыя лѣта
 Возсѣвъ на велелѣпный Тронъ,
 Хотѣлъ бы роскоши цвѣтами
 Свой путь блестящій устилашъ
 И дни забавами считаешъ;
 Но Ты священными шрудами
 Какъ будто плашишъ намъ за власшь;
 Въ Тебѣ одна ко благу спрасшь.

Короны блескомъ ослѣпленный,
 Другой въ подвласпныхъ зришъ — ра-
 бовъ;
 Но Ты, душею просвѣщенный,
 Не шерпишъ спуга ихъ оковъ;
 Тебѣ одна любовь прелестна:
 Но можно ли рабу любишъ?
 Ему ли благодарнымъ бышъ?
 Любовь со страхомъ не совмѣстна;

Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Сколь необузданность ужасна,
Сшоль ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою Царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живешъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнешъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта.

Пріятна зрѣнію картина
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни холмовъ, ни лѣсовъ.
Сей дубъ, Природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щипъ?
Пусть буря грозная свисши:
Миръ слабый, дубомъ осѣненный,
Расшлетъ покойно и цвѣшетъ —
Такъ въ обществѣ народъ живешъ.

МОНАРХЪ! Ты ясными чертами
Права гражданства раздѣлилъ;
И зрѣлой мудрости плодами
Утѣшилъ насъ — и удивилъ.

Ты крашкимъ временемъ правленья
 Умѣлъ сердца навѣкъ плѣнишь.
 Уже спокойно можемъ жишь
 По волѣ рока, Провидѣнья, —
 Невинныхъ радостей искашь
 И щасье въ мірѣ избирашь!

Покой стихія челоѣка:
 И Ты успѣлъ намъ дашь его!
 Ахъ! многіе Цари, полѣка
 Владѣвъ, не сдѣлали шого.
 Ты дни дарами блага числишь,
 Какъ древле мудрый Антонинъ;
 Довольны всѣ — но Ты одинъ
 Предъ образомъ ПЕТРОВЫМЪ мыслишь:
 „МОНАРХЪ, не совершивъ всего,
 „Еще не сдѣлалъ ничего!“ (*)

О радость! о восторгъ!... чишаю
 Я таинство души швоей,
 И славу Россовъ созерцаю
 Во глубинѣ грядущихъ дней!...
 „Россія, міра половина,
 Отъ вратъ зимы, Камчатскихъ льдовъ,
 До красныхъ Невскихъ береговъ,
 До странъ Колхиды и Эвксина,
 Во всей обширности своей
 Сіяетъ... щасіемъ людей!

(*) Слова ПЕТРА Великаго.

Моря покрыты кораблями;
 Флагъ Россовъ вѣшъ на кормахъ;
 Сынъ Майнъ (*) нашими руками
 Сбираетъ дань во всѣхъ странахъ.
 Вездѣ прелестныя картины
 Избышка, сельской красоты,
 Невинной, милой простоты;
 Цвѣшущъ съ улыбкою долины,
 Блистающъ класами поля —
 Эдемомъ кажется земля!

Искусство украшаетъ грады;
 Вездѣ съ богатствомъ видѣнъ вкусъ.
 Вездѣ Аѳины — верхограды
 Для Феба и любезныхъ Музъ;
 Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
 Подъ кровомъ мирной тишины
 Врага темницъ отворены,
 Въ судахъ глубокое молчанье,
 И воинъ, опершись на щитъ,
 Главу склонивъ, покойно спитъ.“...

У насъ Аспрея! восклицаю:
 Или воскресъ Сатурновъ вѣкъ!...
 Ошвѣшу Кліи (**) я внимаю:
 „У васъ на Тронѣ — человекъ!“

(*) Богъ торговли.

(**) Муза Исторіи.

„Премудрый АЛЕКСАНДРЪ, рожденный
 „Въ вѣнцѣ Ошечеству служишь,
 „Въ сердцахъ и лѣтописяхъ жишь!
 „Во дни Его благословенны
 „Умомъ Россія возрасла,
 „Въ добрѣ и нравахъ процвѣла.

„Онъ зналъ, что Царское правленье
 „Есть царство свѣта, а не тьмы;
 „Имѣлъ о нравахъ попеченье,
 „Сіялъ какъ солнце на умы;
 „Радѣлъ о благѣ воспитанья:
 „Въ началѣ зло искоренялъ;
 „Училъ, и рѣдко прибѣгалъ
 „Къ сѣкирѣ грозной наказанья;
 „Онъ зналъ обязанность Царей,
 „Быть Провидѣніемъ людей!

„Спрана, окованная хладомъ,
 „Гдѣ чувство, жизнь усыплены,
 „Являешься прекраснымъ садомъ
 „Ошъ взора теплыя весны:
 „Такъ все, и самая Природа
 „Въ той щастливой спранѣ цвѣшетъ,
 „Въ которой на престолѣ взоидетъ
 „Избранный Мужъ, Отецъ народа...
 „Воззри: сей велелѣпный храмъ
 „Воздвигнутъ въ память всѣмъ вѣ-
 камъ —

„Се храмъ безсмертія и славы!
 „Тамъ вмѣстѣ съ Истиной свяшой
 „Попомствую я пишу уставы!
 „Тиранамъ спрашенъ свирокъ мой,
 „Монархамъ добрымъ онъ любезенъ;
 „Хвалю, клянусь — и гласъ вѣковъ
 „Есть звукъ моихъ священныхъ словъ.
 „Мой судъ народамъ былъ полезенъ:
 „Никто его не избѣжалъ;
 „Онъ часто совѣсть воскрешалъ.

„Тамъ — тамъ сіяютъ Антонины;
 „Тамъ долженъ АЛЕКСАНДРЪ сіяшь
 „Между ПЕТРА, ЕКАТЕРИНЫ,
 „И шло *Мудраго* пріять
 „Въ залогъ безсмертія и славы!“...
 Да будешь!... О МОНАРХЪ сердецъ!
 Россія, Царствъ земныхъ вѣнецъ,
 (Колосъ почтенный, величавый!)
 Да будешь подъ Твоимъ жезломъ
 Добра и щастія вѣнцомъ!

И будешь! — Медленно Природа
 Готовишь зло и серебро
 Во глубинѣ земнаго свода:
 Увы! зло легче, чѣмъ добро!
 Исторія тому свидѣтель;
 Но Ты опечеснѣ Ощецъ,

Для подданныхъ второй Творецъ,
 Съ Тобою Богъ и Добродѣтель:
 Трудись!... давай ушавы намъ,
 И будешь *Первый* по дѣламъ!

МОНАРХЪ! въ послѣдній разъ предъ
 Трономъ

Дерзнулъ я съ лирою предсказать;
 Мнѣ сердце было Аполлономъ:
 Люблю хвалишь, но не ласкаешь;
 Хвалилъ, гласъ общій повсюду.
 Другіе славные Пѣвцы
 Отъ Музъ примутъ въ даръ вѣнцы,
 Тебя безъ лести прославляя:
 Я въ храмъ Истории (*) иду,
 И тамъ... дѣла Твои найду.

(*) Авторъ занимается Россійскою Исторіею.

Меланхолія.

Подражаніе Делию.

Сспрась нѣжныхъ, крошкихъ душъ,
судьбою угнѣвленныхъ,
Нещасныхъ щасіе и сладость огор-
ченныхъ!

О Меланхолія! ты имъ милѣе всѣхъ
Искусшвенныхъ забавъ и вѣтренныхъ
ушѣхъ.

Сравнишя ль что нибудь съ швоею
красою,

Съ швоей улыбкою и съ шихою слезою?
Ты первый скорби врачъ, ты первый
сердца другъ:

Тебѣ оно свои печали повѣряетъ;

Но ушѣшаясь, ихъ еще не забываетъ.

Когда, освободясь отъ ига тяжкихъ
мукъ,

Нещасный отдохнетъ въ душѣ сво-
ей унылой,

Съ любовію ему ты руку подаешь,

И лучше радости, для горестныхъ не-
 милой,
 Ласкаешься къ нему, и въ грудь оп-
 раду льешь
 Съ печальной крошостью и съ видомъ
 умиленья
 О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ
 Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ на-
 слажденья!
 Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже му-
 ченья;
 Отчаянье прошло.... Но слезы осу-
 шивъ,
 Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще
 не смѣешь,
 И матери своей, Печали, видѣ имѣешь.
 Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и
 людей,
 И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.
 Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
 Шумъ лисьевъ, горныхъ водъ, шумъ
 вѣтровъ и морей.
 Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни
 милы;
 Въ уединеніи ты болѣе съ собой.
 Природа мрачная твоей нѣжный взоръ
 пѣняетъ:
 Она какъ будто бы печалится съ то-
 бой.

Когда свѣшило дня на небѣ угасаетъ,
 Вѣ задумчивости ты взираешь на него.
 Не шумныя весны любезная веселость,
 Не лѣта пышнаго роскошный блескъ и
 зрѣлость

Для грусти твоея пріятнѣе всего,
 Но осень блѣдная, когда изнемогая
 И томною рукой вѣнокъ свой обрывая,
 Она кончины ждетъ. Пусть веселишься
 свѣтъ

И щастье грубое вѣ разсѣяніи новомъ
 Спараешься найти: тебѣ вѣ немъ нужды
 нѣтъ;

Ты щасплива мечтой, одною мыслью
 — словомъ!

Тамъ музыка гремитъ, вѣ огняхъ пы-
 лаешь домъ;

Блещаютъ красошой, алмазами,
 умомъ:

Тамъ пиршество но ты не видишь,
 не внимаешь,

И голову свою на руку опускаешь;
 Веселіе твое — задумавшись молчать,
 И на прошедшее взоръ нѣжный обра-
 щать.

Гимнъ Глупцамъ.

Блаженъ — не шопъ, кто всѣхъ умнѣе:
Ахъ нѣшъ! онъ часто всѣхъ грустнѣе —
Но шопъ, кто будучи глупцомъ,
Себя считаешъ мудрецомъ!
Хвалю его! блаженъ спокрашно,
Блаженъ въ безуміи своемъ!
Къ другимъ здѣсь щастіе превратно:
Къ нему всегда стоишъ лицомъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлой свѣшъ?
По маслу жизнь его течешъ.
Онъ ѣсшъ пріятно, дремлешъ сладко;
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
Какъ ночью кажешся все гладко,
Такъ міръ для глупыхъ совершенъ.

Когда другой съ умомъ обширнымъ
Прославъ Философомъ всемірнымъ,
Вздыхаетъ, чувсвуя, сколь онъ
Еще отъ цѣли удаленъ;

Какими узкими спезями
 Намъ должно мудроси искашь;
 Какъ трудно слабыми очами
 Неправду съ правдой различашь;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
 Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
 Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
 Для нихъ и жизни не щадивъ,
 За тайну людямъ объявляешъ,
 Что все загадка для него,
 И мудрый развѣ то лишь знаешъ,
 Что онъ — не знаешъ ничего:

Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
 Намъ хвалишъ умъ свой необъяшной:
 „Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!“
 Хошите ль? звѣзды онъ сочтешъ
 Вѣрнѣе нашихъ Астрономовъ.
 Хошите ль? онъ расскажетъ, какъ
 Сіяетъ солнце въ царствѣ Гномовъ,
 И радъ божишься вамъ, что такъ!

Боясь сшупишь неосторожно,
 И зная, какъ упасъ возможно,
 Смирено смотришъ внизъ мудрецъ:
 Глядишъ спесиво вверхъ глупецъ —
 Спошкнется ль, въ яму упадая?
 Нѣтъ нужды! вспанетъ безъ стыда;

И грязь съ себя рукой стирая,
Онъ скажешъ: *это не бѣда!*

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя.
Одинъ для имени Героя
Радъ міръ въ могилу обратишь,
Для крестика безъ носа бышь;
Другой, желая громкой славы,
Весъ вѣкъ надъ рѣками корпишь;
Глупецъ смѣется: „вошъ забавы!“
И самъ — за бабочкой бѣжитъ!

Ему нѣтъ дѣла до Правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній,
Какъ страсти къ благу обращать,
Людей учишь и просвѣщать.
Царь крошкѣй или Царь ужасный
Любезенъ, страшенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны:
Неронъ не страшенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность спаданье,
Любовь не даръ, а наказанье:
Кто жъ вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ!... онъ любитъ лишь себя,
И слѣдственно любимъ неложно;
Не вѣдаетъ измѣны злой!
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ — онъ всегда съ собой!

Когда , узнавъ людей коварныхъ ,
 Холодныхъ и неблагодарныхъ ,
 Душею нѣжный человѣкъ
 Клянется ихъ забыть навѣкъ ,
 И хочетъ лучше жить съ звѣрями ,
 Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть :
 Глупецъ считаетъ всѣхъ друзьями ,
 И мнитъ : „меня ли не любишь ?“

Есть томная на свѣтѣ мука ,
 Змѣя сердецъ ; ей имя скука :
 Она лезаетъ по землѣ ,
 И плаваетъ на кораблѣ ;
 Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
 Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ ;
 Ни шумомъ свѣтскимъ , ни весельемъ
 Отъ скуки умный не уйдетъ .

Но щастливый глупецъ не знаетъ ,
 Что скука въ свѣтѣ обитаетъ .
 Гремущку въ руки — онъ блаженъ
 Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ !
 Съ умомъ всѣ люди Гераклишы ,
 И не жалѣютъ слезъ своихъ ;
 Глупцы же сердцемъ Демокришы :
 Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ !

Они судьбу благословляютъ ,
 И быть умнѣе не желаютъ .

Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человекъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ *желудкомъ* жилъ.
Для глупыхъ здѣсь всегда Астрей,
И вѣкъ злой не проходилъ.

Филины и соловей, или просвѣщеніе.

Басня.

Узнали филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь шемную, согнашъ
Съ престола древняго земли и
неба,
И сушки цѣлыя безъ ошдыха сіяшъ.
„Что ! что !“ кричатъ они: „разру-
шитъ царство ночи,
„Въ кошоромъ намъ такъ мило жишъ,
„И сонныхъ пшицъ давишъ
„Во мракъ тихой роши!
„Кто Фебу далъ такой совѣшъ?“...
„Не вы, друзья мои: не филины, не воры,“
Сказалъ имъ соловей: „не нравишся
вамъ свѣшъ:
„Его бояшся хищныхъ взоры!
„Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ пѣнялись
мною;
„Въ день будешъ у меня совмѣстни-
ковъ довольно:
„Ихъ также наградашъ хвалою ...

„Лишишься славы больно,
 „Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
 „И солнцемъ веселюсь,
 „Когда въ его сіяньи
 „Для міра болѣе утѣхъ,
 „Чѣмъ въ горестномъ мерцаньи.
 „Злой мыслишь о себѣ, а доброй обо
 всѣхъ;
 „Злой любишь мракъ густой, а доброй
 просвѣщенье
 „Къ несчастью долженъ я сказать вамъ
 въ утѣшенье,
 „Что въ самой ясной день
 „Для васъ еще найдется тѣнь!“

Спиши на слова, заданныя мнѣ Хло-
ею: мигъ, картина и дверь.

I.

Мигъ.

Какое слово мнѣ дано!...
Оно важнѣе всѣхъ; оно
Есть все!... Конечно; власть и слава,
Печаль, веселье и забава...
Увы! и щастіе сердецъ,
И чувство сладкаго покоя —
И самая любовь, о Хлоя!
Ея начало и конецъ —
Не есть ли мигъ единый въ свѣтѣ?
Теперь я, на примѣръ сказать,
Сижу покойно въ кабинетѣ,
Хочу къ тебѣ стихи писать;
Но если ты въ сей мигъ явишься,
Въ меня влюбленной притворишься,
То въ мигъ — спокойствіе прощай!
Стихи въ каминъ!... у ногъ прекрасной
Лежу, горю любовью спраспной!
Лишь только шутку продолжай:

Я въ *мигъ* смѣлѣе, Хлоя, буду;
 Учтивость, можетъ быть, забуду,
 И въ *мигъ* ... откроется обманъ!
 Тогда, какъ хладный испуканъ,
 Душею въ *мигъ* оледенѣю;
 Отъ страха пылкой исцѣлюсь,
 И въ *мигъ* — съ побою засмѣюсь.

Такъ вы любезностью своею
 Насъ въ *мигъ* плѣняете всегда,
 Не думая плѣняться нами!
 Но въ *мигъ* же, Хлоя, иногда
 Въ сѣняхъ бываете и сами;
 Кто былъ смѣшенъ, въ *мигъ* станетъ
милъ;
 Но *мигъ* — и слѣдъ любви простылъ!

Въ одинъ же *мигъ* — ахъ! мысль ужа-
сна! —
 Дерзнетъ нескромность утверждать,
 Что ты была, была прекрасна;
 Но въ *мигъ* — велю ей замолчать!

 2.

Ж а р т и ч а.

Картина мнѣ мила въ Природѣ,
 Когда я съ сердцемъ на свободѣ

Гуляю по коврамъ луговъ,
 Смотрю вдали на мракъ лѣсовъ,
 Лучами солнца озлащенныхъ;
 Или на лабиринтъ ручьевъ,
 Самой Natuurой проведенныхъ
 Въ изгибахъ для красы полей.
 Картина мнѣ мила въ Поэтѣ,
 Когда онъ кистію своею
 Цвѣшны наводитъ на предметъ
 И пишетъ словомъ, какъ рукой.
 Картина мнѣ мила — въ картинѣ,
 Когда волшебною игрою
 Всѣ краски дышутъ на холстинѣ
 И лица говорятъ хотятъ;
 Я, правда, не знакокъ, но радъ
 Всегда Корреджію дивиться,
 И даже — въ полношю влюбиться.
 Но я бываю врагъ картинѣ,
 Когда прелестницы желаютъ
 Быть только ими для мужчинъ,
 И все другое забываютъ.
 Цвѣшны и краски хороши;
 Но ахъ! въ картинѣ нѣтъ души!

Д в е р ь.

Въ златой прекрасной вѣкѣ
 Не вѣдалъ человѣкъ
 Ни *двери*, ни замковъ желѣзныхъ,
 И домъ и сердце открывалъ
 Для братьевъ, ближнихъ и любезныхъ;
 Такъ всѣхъ людей онъ называлъ.
 Но время премѣнилось,
 И гибельное зло,
 Увы! къ намъ въ *дверь* вошло,
 Замокъ съ собою принесло,
 И сердце съ домомъ зашворилось.
 Спалъ смертный — Камергеръ съ ключемъ;
 Сидишь за *дверью*, и не всѣмъ
 Ее охотно опираешь;
 По стуку человѣка знаешь:
 Какъ рыба притаясь молчишь,
 Когда рукою въ *дверь* спучишь
 Досадный кредиторъ, проситель
 Съ бумагою, безъ серебра;
 Или старинный покровитель,
 Въ немилость впавшій у Двора;
 Или любовница съ слезами,
 Уже оставленная нами!
 Нѣтъ дома! вѣрь или не вѣрь:
 Для нихъ не ошопрется *дверь*.

Но *двери* настѣшь для случайныхъ,
Для ихъ друзей, извѣстныхъ, тай-
ныхъ,

Для челобишчика съ мѣшкомъ,
Для камердинера съ письмомъ
Отъ женщины, душѣ любезной,
Или другимъ чѣмъ намъ полезной;
Для миловидныхъ подлецовъ
И нашихъ ревностныхъ льстецовъ!

Блаженъ, кто *двери* запираетъ
Всегда для глупыхъ, злыхъ людей,
И вмѣстѣ съ сердцемъ опворяетъ
Ихъ шолько для своихъ друзей!

К ъ Э м и л і и.

Подруга милая моей судьбы смирен-
ной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чшобы я, спокойствомъ
усыпленной
Для свѣща и для Музъ, талантъ мой
пробудилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы спи-
хами.
О чемъ же мнѣ писать? Въ душѣ моей
одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно; душа моя полна
Любовію святой, блаженствомъ и шо-
бою:
Другое кажется мнѣ скучной суепою.
Сказавъ тебѣ: люблю! уже я все ска-
залъ.
Любовь и щасіе въ романахъ говор-
ливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцахъ мол-
чаливы.

Когда я щасіе себѣ воображалъ;
 Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ
свѣта,
 Тогда о прелесняхъ сокрытаго пред-
меша

Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
 И шѣни прибирашь любилъ однѣ къ
другимъ,
 Въ отсутствіи себя поршрешомъ ушѣ-
шая;

Тогда я щасшливъ былъ, о щасіи
мечшая:

Мечша пріятна намъ, когда она жива.
 Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
 Не могушъ выразишь сердечныхъ на-
слажденій,

Которыя во всемъ съ тобою нахожу.
 Блаженство предо мной: я на тебя
гляжу!

Считаю радости свои числомъ мгно-
веній,

Не думая о томъ, какъ ихъ изобра-
жаешь.

Любовникъ можетъ ли любовницу пи-
сать?

Картина пишется для взора, а не чув-
ства,

И сердцу угодить не шанетъ вѣкъ
искусства

Но естѣлибѣ я и могѣ, любовью вдо-
 хновенѣ,
 Въ стихахѣ своихѣ излишѣ всю силу,
 нѣжность жара,
 Которымѣ швой супругѣ щасливый
 упоенѣ,
 И кистію живой, и чародѣйствомѣ дара
 Все щастіе свое какѣ въ зеркалѣ явишѣ:
 Не думай, чѣобы шѣмѣ я могѣ другихѣ
 плѣнишѣ.
 Ахѣ, нѣшѣ! сердечный звукѣ споль
 шихѣ, чѣто онѣ не вняшенѣ
 Въ мяшежныхѣ суешахѣ и въ хаосѣ
 спрасшей.
 Кѣто истинно блаженѣ, шомѣ свѣшу
 не пріяшенѣ,
 Служа саширою почти на всѣхѣ людей.
 Споль рѣдко щастіе! и споль неспра-
 ведливы
 Поняшіа обѣ немѣ! Иначе кѣто въ сребрѣ,
 Въ приманкахѣ гордости, въ чинахѣ
 и при Дворѣ,
 Искалѣ бы здѣсь его? Умы самолюбивы:
 Я споришѣ не хочу; но мнѣ позволяшѣ
 бышѣ
 Довольнымѣ въ хижинѣ, любимымѣ —
 и любишѣ!
 Такѣ пастырь съ берега взираешѣ на
 волненья

Нептуновыхъ пучинъ, и видишьъ корабли
 Игралищемъ сшихъ; желаетъ имъ спа-
 сенья,
 Но радъ, что онъ стоить надежно
 на земли.
 Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ! сер-
 дечное блаженство
 Желаетъ тишины, а Музы любятъ
 шумъ;
 Не истина, но блескъ въ Поэтѣ совер-
 шенство,
 И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій
 умъ
 Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, нелі-
 цемѣрный,
 Которымъ говорятъ правдивыя сердца.
 Сказавъ, что всякой день, съ начала
 до конца,
 Мы любимъ быть одни; что мы другъ
 другу вѣрны
 Во всѣхъ движеніяхъ открытыя души;
 Сказавъ, что всѣ для насъ минушны
 хороши,
 Въ которыя ничто намъ не мѣшаетъ
 вольно
 Другъ съ другомъ говорить, другъ
 друга цѣловать,
 Ласкаться взорами, задуматься, мол-
 чать;

Сказавъ, что малаго всегда для насъ
 довольно;
 Что мы за все, за все Творца благо-
 даримъ,
 Не просимъ чуждаго, но щаспливы
 своимъ,
 Моля Его, чтобъ Онъ безъ всякихъ
 прибавленій
 Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ
 насъ и вокругъ:
 Я вкусу *златоковъ* не угожу, мой другъ!
 Гдѣ шутъ Поэзія? гдѣ вымыслъ укра-
 шеній?
 Я истину скажу; но кто повѣритъ ей?
 Когда пылающій любовникъ (часто
 мнимый)
 Стихами говоритъ любовницѣ своей,
 Что для него она предметъ богошво-
 римый;
 Что онъ единственно къ ней спра-
 стію живетъ,
 За нѣжный взоръ ея короны не возъ-
 метъ,
 И прочее: тогда ему иной повѣритъ:
 „Любовникъ, думаютъ, въ любви не
 лицебритъ;
 „Обманываетъ онъ себя, а не другихъ.“
 Но чтобъ супружество для сердца
 было раемъ;

Чшобѣ въ мирной тишинѣ пріятно-
 сшей своихъ
 Оно казалось всегда цвѣтущимъ Маємъ,
 Безъ хлада и грозы; чшобѣ нѣжный
 Гименей
 Былъ спрасшенъ, и еще сильнѣе всѣхъ
 спрасшей:
 То люди назовушъ безсовѣстнымъ об-
 маномъ
 Исторія любви шамъ кажется рома-
 номъ,
 Гдѣ все романами и дышетъ и живетъ.
 Нѣтъ, милая! любовь супруговъ такъ
 священна,
 Чшо бышь должна отъ глазъ нечи-
 стыхъ сокровенна;
 Ей сердце храмъ свяшой, свидѣтель
 Богъ, не свѣтъ;
 Ей щастье другъ, не Фебъ, другъ свѣ-
 та и пришворсшва;
 Она по скромности не любишъ сшихо-
 шворсшва.

Б е р е г ъ.

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пуши,
Мореходцамъ нѣшъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войши.

Пусть она и неизвѣстна!
Пусть ее на каршѣ нѣшъ!
Мысль, надежда имъ прелестна
Тамъ избавишься отъ бѣдъ.

Естьли жь взоромъ открывающъ
На берегу друзей, родныхъ,
О блаженство! восклицающъ,
И лешащъ въ объятья ихъ.

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу... вы манише
Насъ къ миспическимъ брегамъ!...
Тѣни милыя! хранише
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

Къ Добродѣтели.

О ты, кошорая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелесшна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣсна!
Вхожу въ свяшилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олшарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злаша я на бѣдныхъ:
Мнѣ злаша не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнѣшеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;

Любилъ суды правдивы Рока,
 Невинныхъ, добрыхъ шоржесство.
 „Есть гробъ, безсмертье, Божество!“
 Я мыслилъ, видя шронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ ослѣпленъ
 Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекра-
 сенъ!

Драконъ на время усыпленъ,
 Но самый сонъ его ужасенъ.
 Злодѣй на Эшнѣ спроишъ домъ,
 И пепелъ подъ его ногами;
 Тамъ лава услана цвѣтами,
 И въ шипинѣ шайшя громъ.
 Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
 Онъ не достоинъ знать его.
 Безчувстввенность есть адъ шого,
 Кто зло шворишъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
 Твоихъ спрадальцевъ, Добродѣтель:
Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ!
 Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель,
 Равно здѣсь щасливы Тобой.
 Твоею силой укрѣпленный,
 на мѣсто казни возведенный,
 Достоинъ зависти Герой:
 У ногъ его лежишъ вселенна!
 Онъ намъ оставишъ плѣнный прахъ,

Но духъ его на небесахъ —
 Душа сама собой блаженна.

Когда міръ цѣлый шрепешалъ (*),
 Волнуемый спраснями злыми:
 Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
 Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
 Творилъ обѣщанья... слезы лилъ
 Отъ радости и скорби тайной....
 Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
 Призракомъ не обманутъ былъ?
 Когда жь людей невинныхъ кровью
 Земля дымишья начала,
 Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла....
 Свободу я считалъ любовью!....

Я былъ игралищемъ спрасней,
 Родясь съ чувствительной душою:
 Ихъ огонь пылалъ въ груди моей;
 Но сердце съ милою мечшою
 Всегда сливало образъ Твой:
 Прости!... Ахъ! лѣша заблужденій
 Текутъ слезою огорченій;
 Намъ спрашенъ въ младости покой
 И терніемъ любезны розы!...
 Я жертвой, не тираномъ былъ,
 И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
 Свои, а не чужія слёзы!

(*) Во время Революціи.

Не совѣстью, одной поскою
 Я въ жизни болѣе терзался;
 Виновный только предъ собой,
 Сквозь слезы часто улыбался!
 Когда же, сердцемъ увлеченъ,
 Не помнилъ я, въ восторгахъ спра-
 ши,
 Твоей, о Добродѣтель! власти,
 И, блескомъ щасья ослѣпленъ,
 Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
 Я былъ загадкой для себя:
 Какъ можно споль любишь Тебя
 И нарушать Твои уставы!

Преплывъ обширный океанъ,
 Чрезъ многія пучины, мѣли;
 Собравъ богатства дальнихъ странъ,
 Пловецъ спремится къ вѣрной цѣли,
 Къ своимъ отеческимъ брегамъ,
 И взоръ его неперпѣливый
 Уже открылъ сей край щасливый;
 Онъ мыслилъ радостно: „я шамъ!“...
 Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
 Корабль скрывается въ волнахъ!
 Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
 Онъ нищимъ на берегъ выходитъ!

Вошъ жребій мой!... Ахъ! я мечталъ
 О шихой присхани, покоѣ;

Но буря и свирѣпый валъ
 Сокрыли щасіе златое!
 Приспанища въ семъ мірѣ нѣшѣ,
 И насъ съ послѣднею волною,
 Въ землѣ подъ гробовой доскою,
 Къ себѣ червь кровоглавый ждешѣ!..
 Блаженѣ, кто не былъ здѣсь свидѣ-
 шель

Погибели своихъ друзей,
 Или въ несчастьяхъ жизни сей
 Тобой утѣшенѣ, Добродѣшель!...

Смотрю на небо: тамъ цвѣшны
 Въ прелестныхъ радугахъ играюшѣ;
 Злашны, яркія чершны
 Одна другую пресѣкаюшѣ,
 И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
 Сливаюшся съ ночнымъ мерцаньемъ...
 Не можно ль съ свѣрнымъ сіяньемъ
 Сравняшѣ сей жизни красоты?..
 Оно угасло — но блистаешѣ
 Еще полярная звѣзда:
 Такъ Добродѣшель никогда
 Во мракѣ насъ не оставляетѣ!..

Осташокъ радостей земныхъ,
 Дочь милую, кропя слезами,
 Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
 Къ Тебѣ дрожащими руками

Подѣмлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшенъемъ,
Безъ щастья вѣрнымъ наслажденъемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней Тебя!
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!

Спихи на скоропостижную смерть
Петра Аѳанасьевича Пельскаго (*).

Вчера въ моемъ уединенъи
Я съ нимъ о жизни разсуждалъ,
О нашемъ горѣ, ушѣшенъи;
Вчера съ друзьями онъ гулялъ
По рощамъ мирнымъ въ вечеръ ясный;
Глазами солнце проводилъ
На западъ тихій и прекрасный,
И виды сельскіе хвалилъ!...
Слѣды его еще не скрылись
На сѣхъ коврахъ шравы густой;
Еще цвѣшки не распрямились,
Измяшые его ногой —
Но онъ навѣкъ отъ насъ сокрылся!...
Едва вздохнулъ — и вдругъ исчезъ!
Съ дѣтьми, съ друзьями не просился!
Мы плачемъ: онъ не видитъ слезъ!...
Ахъ! въ гробъ мершвые спокойны!
Ихъ время горевашъ прошло....
Смерть шолько для живыхъ есть зло;
Могилы зависши достойны —

(*) 9 Маія онъ обѣдалъ у меня въ деревнѣ и
провелъ вечеръ.

Ничтожество не спрашно въ нихъ!...
 Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
 Умомъ, любезностью своею,
 Но тайно мучился душою. . . .
 Ахъ! онъ умѣлъ богошворить
 Свою любовницу - супругу (*)!
 Плакавъ милую подругу,
 Кто можетъ въ жизни щасливъ быть?
 Я видѣлъ Пельскаго въ жилищѣ
 Усопшихъ, среди могилъ:
 Онъ тамъ рѣкою слезы лилъ!...
 Тамъ было и его гульбище,
 Равно прелестное для насъ,
 Равно любившихъ и любимыхъ,
 Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!..
 Тамъ тихій изъ-подъ камня гласъ
 Ему вѣщалъ ли въ утѣшенъе,
 Что самъ онъ скоро отдохнетъ
 Отъ жизни, въ коей щастья нѣтъ?...
 Гдѣ радость есть приготовленъе
 Къ утѣшамъ и печалямъ вновь;
 Увы! гдѣ самая любовь,
 Нѣжнѣйшихъ душъ соединенъе,
 Готовитъ только сожалѣнъе
 И гаснетъ навсегда въ слезахъ,
 Тамъ есть ли въ благахъ совершен-
 ство?...

(*) Она скончалась въ прошломъ году.

Мечта прелестная, блаженство!
 Мелькая въ сердцѣ и въ глазахъ,
 Ты насъ желаньемъ ушомляешь —
 Приводишь къ гробовой доскѣ,
 Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
 И сердце предаешь поскѣ!

Теперь супруги не разлучны;
 Въ могилѣ участь ихъ одна:
 Покояшся въ жилищѣ сна,
 Или уже благополучны
 Чистѣйшимъ новымъ бытіемъ!...
 А мы во странствіи своемъ
 Еще помимые сомнѣньемъ,
 Печалью, страхомъ и мученьемъ,
 Свой путь съ терпѣніемъ свершимъ!
 Надежда смертныхъ утѣшаетъ,
 Что міръ другой насъ ожидаетъ:
 Сей свѣтъ пустыня передъ нимъ!
 Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
 Съ кѣмъ въ юности пріятно жили;
 Тамъ, тамъ собраніе вѣковъ,
 Мужей великихъ, мудрецовъ,
 Которыхъ въ лѣтописяхъ славимъ!...
 И съ тѣми, коихъ здѣсь оставимъ,
 Мы разлучимся лишь на часъ.
 Земля гостинница для насъ!

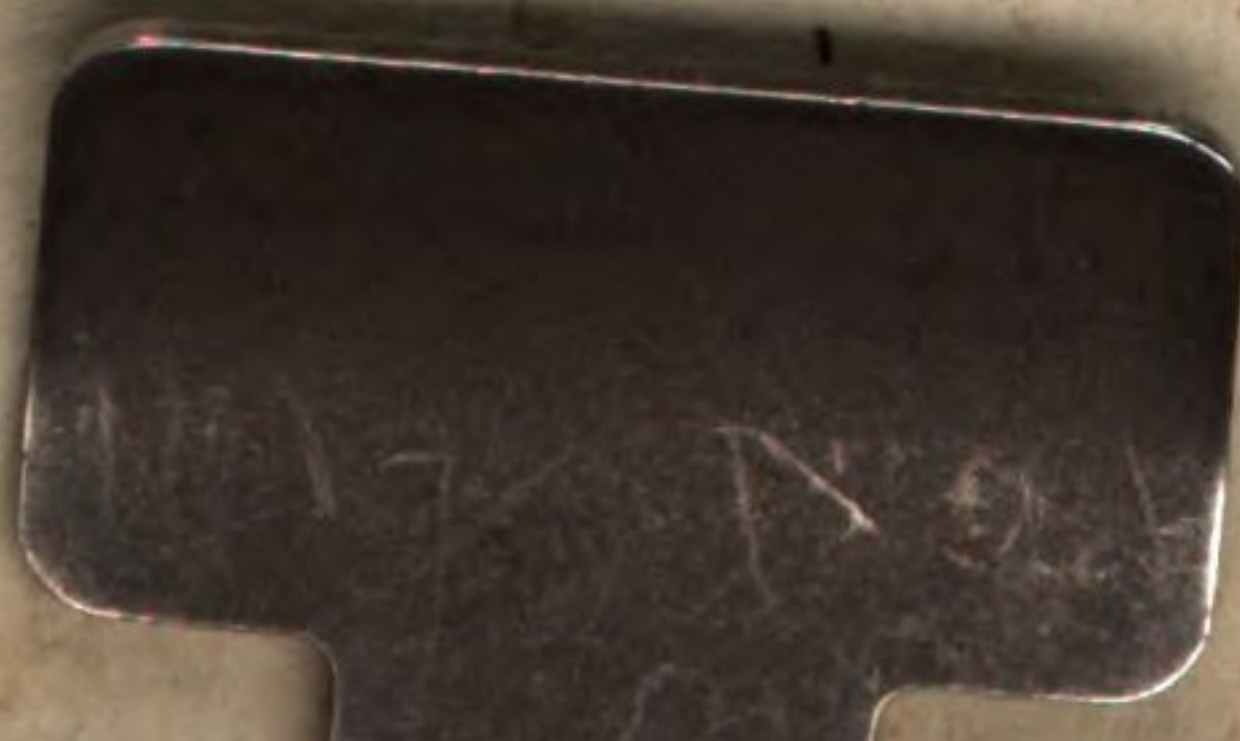
Конецъ Перваго Тома.

80 0/31-

8 and 8 in 4

20/22

307 asen
8 voll.

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 1

Moskva 1803

Opp. 659 b-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605654-1